ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



Антропологии
Anthropologies

№ 1
2026

www.anthropologies.ru

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Антропологии
Anthropologies

№ 1 (2026)

Главный редактор **Сергей Алымов**
(ИЭА РАН)

Соредактор **Павел Куприянов**
(ИЭА РАН)

Технический редактор **Анна Михеева**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дмитрий Арзютов
(Университет штата Огайо)

Эльза-Баир Гучинова
(ИЭА РАН)

Светлана Рыжакова
(ИЭА РАН)

Анна Круглова
(PhD)

Игорь Кузнецов
(Кубанский государственный университет,
Институт языкознания РАН)

Ксения Пименова
(Университет Париж X - Нантер)

Ольга Христофорова
(РГГУ/РАНХиГС)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Брюс Грант
(Нью-Йоркский университет, США)

Сергей Ушакин
(Принстонский университет, США)

Питер Швайцер
(Венский университет, Австрия)

Дмитрий Функ
(Московский государственный
лингвистический университет)

Наталия Жуковская
(ИЭА РАН)

Аня Бернштейн
(Гарвардский университет, США)

Катрин Бун-Маркузе
(Университет Вашингтона, США)

ОТДЕЛ РЕЦЕНЗИЙ

Мария Мочалова
(ИЭА РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера: «Антропология за пределами академии»
Ответственный редактор П.С. Куприянов

П.С. Куприянов
Антропология в музейных краеведческих проектах: тренды и трудности 5

К.А. Федосова
Ученый в «открытом космосе» 26

К.М. Королев, Н.С. Петрова, Н.Н. Рычкова, Д.А. Трынкина, Г.Ю. Устьянцев, О.Б. Христофорова
«Фолк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых 46

А.С. Басов, А.С. Бородулина, П.Б. Жураковская, С.О. Ковалевский, П.С. Куприянов, Г.Н. Малышев, А.А. Мартыненко, В.С. Михайлова, М.А. Мочалова, Н.А. Савина, Е.С. Садова, М.А. Сакирко, И.А. Сапогов
(Не)идеальный антрополог в прикладном исследовании: материалы дискуссии 72

А.Л. Гусейнова, П.С. Куприянов.
От детской книги до бизнес-корпорации: антропологическая оптика в практическом применении (разговор с Анной Гусейновой) 101

Статьи

В.А. Шнирельман
Галина Александровна Комарова: жизнь и судьба 122

Рецензии

Кузнецов И.В.
Об Александре Гольденвейзере, боасовской антропологии и книге С.А. Кана. (Рец. на Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023) 155

INSTITUTE OF ETHNOLOGY
AND ANTHROPOLOGY
RAS

Антропологии
Anthropologies

№ 1 (2026)

Editor-in-Chief **Sergei Alymov**
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Co-editor **Pavel Kupriyanov**
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Copy-editor **Anna Mikheeva**

EDITORIAL BOARD

Dmitry Arzyutov
(The Ohio State University)

Elsa-Bair Guchinova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Svetlana Ryzhakova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia)

Anna Kruglova
(PhD)

Igor Kuznetsov
(Kuban State University/Institute of Linguistics, RAS, Russia)

Ksenia Pimenova
(Université Paris Nanterre)

Olga Khristoforova
(Russian State University for Humanities/Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

ADVISORY BOARD

Bruce Grant
(New York University, USA)

Serguei Oushakine
(Princeton University, USA)

Peter Schweitzer
(University of Vienna, Austria)

Dmitry Funk
(Moscow State University of Linguistics)

Nataliya Zhukovskaya
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia)

Anya Bernstein
(Harvard University, USA**)**

Kathryn Bunn-Marcuse
(University of Washington, USA)

REVIEWS

Maria Mochalova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

CONTENTS

Theme of the issue: «Anthropology beyond the academy»
Executive editor P.S. Kupriyanov

Kupriyanov P. S.
Anthropology in Museum Local History Projects: Trends and Challenges 5

Fedosova K. A.
Scientist in «outer space»..... 26

Korolev K. M., Petrova N. S., Rychkova N. N., Trynkina D. A., Ustyantsev G. Y., Khristoforova O. B.
«Folk-enlightenment»: popular science literature on folklore in the assessments of scientific authors..... 46

Basov A.S, Borodulina A.S, Zhurakovskaya P.B, Kovalevsky S.O, Kupriyanov P.S, Malyshev G.N, Martynenko A.A, Mikhailova V.S, Mochalova M.A, Savina N.A, Sadova E.S, Sakirko M. A., Sapogov I. A.
(Not)Ideal Anthropologist in Applied Research: discussion materials..... 72

Huseynova A. L., Kupriyanov P. S.
From a children's book to a business corporation: anthropological optics in practical application (conversation with Anna Huseynova) 101

Articles

Shnirel'man V.A.
Galina Aleksandrovna Komarova: life and fate 122

Reviews

Kuznetsov I. V.
About Alexander Goldenweiser, Boasian anthropology and the book by S.A. Kahn. Book Review: Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023. 155

Тема номера: «Антропология за пределами академии»
Ответственный редактор П.С. Куприянов

© П.С. Куприянов

Антропология в музейных краеведческих проектах: тренды и трудности

Ключевые слова: антропологический поворот, антропология в музее, музейное краеведение, локальная история, устная история, антропологический подход, повседневность, личные истории, силуэты

В статье представлен анализ использования антропологических инструментов и подходов в музейных краеведческих проектах. Опираясь на исследование нескольких кейсов, автор показывает, что реализация популярного «антропологического» подхода в музейных проектах сталкивается с рядом препятствий, представленных в статье через несколько оппозиций: история vs память, человек vs место, индивидуальное vs универсальное, музей vs человек. Статья демонстрирует, как вводимый в оборот антропологический материал адаптируется под музейный или краеведческий формат, голос, взгляд, память человека разными способами отчуждаются и нейтрализуются проектной рамкой, так что человек то и дело исчезает из поля зрения, привычно представая в виде обобщенного образа — силуэта. Выявленные препятствия носят структурный характер, то есть обусловлены встроенными ограничениями, присущими самому формату и «языку» рассматриваемых практик.

В декабре 2016 года в Музее Москвы состоялась конференция с амбициозным названием «Антропология Москвы: новое знание о городе».[1] Приуроченная к 120-летию музея, она, тем не менее, была не юбилейной формальностью, а, напротив, концептуально значимым мероприятием, поскольку, по замыслу организаторов, знаменовала (и провозглашала) переход музея от традиционной модели краеведения к новой, антропоцентричной. В программе конференции специально отмечалось, что одна из ее ключевых целей — «задать новый академический вектор диалогу о городе в антропологической перспективе, поместив в центр внимания человека» (Научно-практическая 2016). Эта идея и призыв к «антропологизации» музейного и краеведческого взгляда на город присутствовала не только на «фасаде» конференции, но и в ее содержании: тематике докладов (затрагивавших вполне «антропологичные» сюжеты),

Куприянов Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра визуальной антропологии ИЭА РАН. E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9856-3159

Для цитирования: Куприянов П.С. Антропология в музейных краеведческих проектах: тренды и трудности // Антропологии / Anthropologies. 2026. No 1. С. 5–25, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/5-25

[1] Статья написана на основе доклада, представленного на конференции «Трудности роста», организованной Пермским краеведческим музеем в феврале 2026 года.

и в составе спикеров, среди которых были не только краеведы и музейщики, но и антропологи, социологи и культурологи. Слова о том, что город — это не только архитектура и территория, но прежде всего — люди, не раз звучали и в устных выступлениях участников, и в материалах конференции, изданных позже отдельной книгой: «Город — это не ограниченная географией территория и не административно-хозяйственная единица. Город — это люди. У каждого человека своя ментальная карта города, свои представления о городе, свой режим жизни в нем. Чтобы узнать что-то новое о Москве, нам нужно вести диалог с её жителями, будь то XVIII век или XX-й» (*Ролдугина* 2017: 6); «Районоведение — это не только история архитектуры, улиц, того, как появлялся квартал, но и конкретных домов, их жителей. Такой подход даёт горожанам возможность участия и внесения вклада в формирование и развитие истории за счёт истории семей, воспоминаний, а также знания о современности района» (*Грачикова* 2017: 46).

Параллельно с конференцией в музее проходила выставка «Азбука музея», также ставшая своего рода манифестом нового подхода и призванная продемонстрировать возможности Музея Москвы в создании и поддержании микроисторической и частной перспективы, в которой город предстает «не в государственном, а в человеческом масштабе», его жители превращаются из зрителей «в объект изучения, а следы повседневной истории, быта от древности до наших дней — в один из основных предметов коллекционирования» (ПМА 1 2016: 33). Отдельный акцент был сделан на том, что «личные вещи, документы простых москвичей», представленные на выставке и в музейной коллекции в целом, отражают «внимание к непарадной стороне истории» в противовес попыткам использовать музей как «столичную витрину памятных дат и заслуженных лиц» (Там же: 33).

Новый подход, намеченный выставкой и конференцией, стал довольно активно реализовываться музеем в последующие годы: в отдельных выставках и проектах (об одном из которых пойдет речь ниже), в культурной программе и на ежегодных декабрьских конференциях, на которых традиционно звучала (и звучит) антропологическая тематика и традиционно (особенно поначалу) повторялись слова о важности для музейных проектов «простого» человека и диалога с жителями, каждый раз акцентирующие те или иные аспекты и встраивающиеся в актуальный контекст.

Так, в программе второй конференции (в декабре 2017 года) отмечалось: «Современный музей — это музей, существующий в режиме 2.0, открытый к взаимодействию с жителями, рассказывающий о них, собирающий образ города через их микро-истории» (Программа конференции 2017). Характерно, что если год назад речь шла именно о Музее Москвы, то теперь «режим 2.0» и подразумеваемые им практики описываются как некий безусловный стандарт для современного музея вообще. И это по-своему показательно: антропологический «манифест», провозглашенный Музеем Москвы, не был его оригинальной находкой или революционным откровением — скорее, он удачно и своевременно схватывал и называл то, что с большей или меньшей интенсивностью уже развивалось в музейной среде. В этом смысле Музей Москвы не столько задавал, сколько отражал антропологический тренд, вполне сформировавшийся к 2016 г. и не теряющий актуальности по сей день.

Этот тренд — вполне закономерное явление в современном культурном контексте. С одной стороны, он лежит в русле актуальных музейных вызовов и трансформаций, таких как демократизация, деколонизация и партисипаторность (*Саймон* 2017; *Бородулина* 2021; Практики соучастия 2023; *Максимова* 2024). С другой стороны, это соответствует тенденциям в краеведении, все чаще обращающемся к личным историям (*Степанов и др.* 2021, *Troitskaya* 2024; *Stepanov* 2026), и, кроме того, резонирует с переосмыслением наследия и расширением этого понятия в том числе за счет повседневности и частной жизни (Форум 2026).

Так или иначе, повседневный опыт и память «простого» человека сегодня — вполне легитимные объекты изучения, сохранения и репрезентации. С некоторыми оговорками можно утверждать, что все то, что десять лет назад представлялось новаторской программой, сегодня является если не тривиальным, то вполне привычным и активно используемым подходом для большинства музейных краеведческих проектов[2]. Трудно найти такой современный локально-ориентированный музейный проект, который бы не использовал устные воспоминания местных жителей, не рассказывал бы об их повседневной жизни, не работал бы с семейными архивами, не стремился бы предоставить голос человеку — в экспозиции, экскурсии или книге. Далеко не всегда при этом используется слово «антропология», но, по сути, такой подход вполне может быть охарактеризован как антропологический, а его широкое распространение и активное использование как будто бы знаменует «антропологический поворот» в этой сфере (*Гринько* 2023).

Однако, по моим наблюдениям, существует ряд факторов, препятствующих последовательной и полноценной реализации этого поворота. О них и о том, как это происходит, и пойдет речь далее. Приводимые ниже наблюдения и заключения сделаны в ходе изучения описанного феномена — использования антропологических инструментов и подходов в музейных краеведческих проектах — на конкретных примерах, но отражают общие закономерности, хотя и не претендуют на универсальность. В поле моего исследовательского внимания находилось несколько кейсов, за которыми я наблюдал в течение последних десяти лет с разной степенью включения: от внешнего наблюдения в качестве постоянного посетителя и участника мероприятий до тесного сотрудничества в роли исследователя.

Один из этих кейсов — Музей Басманного района. Несмотря на то, что музей не имеет своего здания, а существует виртуально[3], он активно действует при поддержке разных фондов уже более десяти лет, с 2016 г. Проект нацелен на продвижение идеи о Басманном районе Москвы как музее под открытым небом, экспонатами которого являются не только привычные дома, памятники и события, здесь происходившие, но и культурные проекты района, туристические маршруты и истории местных жителей, собирание которых является важным направлением его деятельности. Музей репрезентируется

[2] Имеются в виду проекты, реализуемые по инициативе и на базе музея (необязательно краеведческого) и имеющие локальный фокус, то есть посвященные *месту* — городу, деревне, району, улице, двору и т.п. Описываемый подход, разумеется, не ограничивается только такими проектами, но наиболее востребован именно в них, и далее речь пойдет о них.

[3] Сайт проекта «Басмания. Музей Басманного района»: https://basmania.ru/

как создаваемый силами местных жителей и *для* них; одним из основных направлений его работы является развитие локального сообщества.

Другой кейс — «соседский» проект частного музея «Огни Москвы», который осуществлялся в 2016–2018 гг. в рамках программ «Армянский переулок. Соседи» и «Вместе с соседями», а сегодня продолжается вне программ. В рамках проекта предусматривалось два основных вида деятельности: 1) сбор устных воспоминаний и архивных материалов по местной истории среди жителей Армянского переулка (места расположения музея) и окрестностей; 2) регулярное проведение культурно-образовательных мероприятий, в том числе с использованием собранных материалов. Поначалу программа мероприятий была довольно насыщенной и включала не только уличные экскурсии, но и тематические лекции, квесты, фестивали, акции, спектакли, выставки и вечера с участием бывших жителей района; в настоящее время проект продолжается в форме периодических встреч с соседями в музее. Но, как и прежде, они посвящены темам и сюжетам, связанным с локальной историей: людям, событиям, местам и повседневной жизни района в советское время. Несмотря на то, что тематика самого музея совсем не краеведческая, локальный компонент присутствует и в экспозиции, часть которой освещает историю здания и места, и в музейных мероприятиях — например, квестах и экскурсиях, включающих сведения из воспоминаний местных жителей (Экскурсии Музея).

Еще один пример музейного краеведческого проекта, сфокусированного на частной памяти — «Москва без окраин», реализуемый с 2020 г. Музеем Москвы. Он репрезентируется как «проект о локальной идентичности городских районов» и представляет собой серию выставок о московских районах, построенных главным образом на материале воспоминаний и предметов из личных архивов жителей. На сайте проекта отмечается, что он стремится «представить город через истории его жителей, выявить и презентовать разнообразие локальных идентичностей районов Москвы и сохранить память о местах, которые зачастую ускользают из глобальных нарративов о городе», а также приводится уже упоминавшаяся мысль о том, что «сам город — это в первую очередь люди, которые его населяют, их отношения друг с другом и местами» (Москва без окраин).

Наконец, последний кейс, к которому я обращаюсь в этом тексте, относится не к городу, а к деревне. Это музей в селе Учма Ярославской области. Фактически он представляет собой целый музейный комплекс, который существует с 2000-х годов, состоит из нескольких экспозиций и постепенно прирастает новыми. Одна из них посвящена истории Кассиановой пустыни (основанной здесь в XV в. монахом Кассианом Учемским), другая — памяти о советской деревне. «Музей дыр и заплат» метафорически осмысляет повседневную деревенскую практику ремонта бытовых вещей, выставка «Своя лодка. Старухи о любви» представляет размышления деревенских женщин на тему любви, а видеоинсталляция «Охотинские. Мужской род» — мужские рассказы о деревенской жизни, еде и о судьбе деревни. Как и в предыдущих кейсах, учемские экспозиции и проекты не просто строятся на воспоминаниях и рассказах местных жителей (в том числе и историческая часть об истории монастыря), но в значительной степени посвящены их повседневным практикам и представлениям, и в этом смысле служат наглядной иллюстрацией интересующего нас антропологического поворота.

История vs память

Армянский переулок и его окрестности, как и весь московский центр, сегодня в значительной степени заняты офисами, тогда как еще полвека назад это было довольно плотно заселенное жилое пространство. Поэтому в ходе «соседских» проектов Музею «Огни Москвы» удалось собрать немало воспоминаний местных жителей, включавших, как водится, и рассказы о знаменитых личностях, связанных с районом, и описания бытовых практик, и вернакулярную топонимику, и истории о соседях, в том числе о сохранявшемся в советское время армянском присутствии в районе, и непременные сюжеты городского фольклора. Этот материал, как и все устные воспоминания, был насыщен, с одной стороны, эмоциями, откровениями и ностальгическими переживаниями, а с другой — деталями, подробностями и многочисленными сюжетами, значительно дополняющими, обогащающими и корректирующими «официальную» локальную историю в самых разных ее аспектах.

Вместе с тем, среди этих сообщений встречались и такие, которые противоречили достоверно известной истории места. Так, сотрудники музея как-то поделились со мной затруднением, с которым они столкнулись при сборе материала: одна из собеседниц рассказала, что в детстве она ходила в детский сад, располагавшийся в том здании, где сейчас находится музей, и что в этом детском саду музыку им преподавал Арам Хачатурян (ПМА 2 2019). Затруднение состояло в том, что по их данным (сомневаться в которых не было оснований), в здании музея никогда не было детского сада, и А. Хачатурян никогда там не бывал. В то же время известно, что в 1920-е годы в студенчестве композитор работал в Московском доме культуры Армении, располагавшимся на противоположной стороне улицы, и, возможно, преподавал в детском саду там.

Это несовпадение легко можно списать на давность времени или на аберрации памяти, однако проблема не в том, как найти ему объяснение, а в том, как корректно его преподнести в публичном пространстве. Ведь, по мнению мемуаристки, детский сад располагался именно в здании музея, и если идея проекта — в том, чтобы представить историю места глазами (или в памяти) жителей, то следует излагать именно эту версию. Однако здесь задачи проекта вступают в противоречие с требованием достоверности, предъявляемым музею (особенно исторического профиля): с одной стороны, он должен дать голос жителю, а с другой — не должен транслировать ложные сведения.

Другой, очень схожий, пример связан с исследованием, которое я проводил для Музея Басманного района. Оно было нацелено на изучение представлений жителей о районе, его структуре, границах, социальных и культурных особенностях. Одна из моих собеседниц, описывая значимые для нее места района, упомянула среди них особняк на площади Разгуляй[4]: когда она была маленькой, они с папой (ныне покойным) часто шли в Сад им. Баумана мимо этого дома, и тот рассказывал, что здесь свои последние годы провел П.Я. Чаадаев (ПМА 3 2018). Надо заметить, что это здание в самом деле широко известно главным образом как особняк, в котором в 1812 г. сгорела богатейшая библиотека его владельца, графа А.И. Мусина-Пушкина, в том числе рукопись

[4] Его нынешний адрес — ул. Спартаковская, д. 2, корп. 1.

«Слова о полку Игореве». Здесь, конечно, бывали многие известные деятели культуры начала XIX в., с ним же связывается легенда о колдуне Брюсе, однако сведений о том, что здесь бывал П.Я. Чаадаев, нет. При этом достоверно известно, что с 1833 г. до своей смерти в 1856 г. он жил во флигеле усадьбы Е.Г. Левашевой на Новой Басманной, неподалеку от Разгуляя.

Как и в предыдущем случае, расхождение между мемориальной и исторической версиями легко объяснить: территориально оба места близки, фактически находятся на одной улице, дом на Разгуляе имеет исторический облик и «флёр», вполне соответствующий персонажу, — так что для обыденного сознания вполне естественно поместить знаменитого мыслителя именно сюда. Но проблема остается прежней: как совместить это обыденное представление — в данном случае усиленное чувствительным воспоминанием об отце — с историческими фактами?

Наконец, еще один пример, также связанный с изучением пространства Басманного района. В рамках этого исследования я проводил опрос прохожих на Чистопрудном бульваре, нацеленный на выявление исторических и культурных ассоциаций с этим пространством. Большая часть называемых респондентами персонажей, сюжетов или событий была довольно предсказуемой, но одна устойчивая ассоциация была на первый взгляд неожиданной: раз за разом среди самых первых ассоциаций с Чистыми прудами мне называли роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а именно эпизод гибели Берлиоза под колесами трамвая (ПМА 4 2018). При некотором усилии нетрудно гипотетически реконструировать цепочку образов, породивших связь этого эпизода с Чистыми прудами: городские пруды (Патриаршие и Чистые) + трамвай + «Аннушка» (имя героини романа и одновременно название легендарного трамвайного маршрута, ходившего по Чистым прудам). Однако при помещении этой ассоциации на карту или в аудиогид, призванный представить Чистые пруды глазами москвичей, возникают все те же трудности — совмещения пресловутого взгляда «простого» москвича с достоверной реальностью.

С этой проблемой сталкивается всякий, кто работает в музее с устными воспоминаниями или с образами места, и поэтому описанные случаи скорее типичны, чем уникальны. Как хорошо известно, субъективность — видовая характеристика устных источников (*Портелли* 2003: 40–41), несоответствие историческим данным[5] — для них скорее норма, чем курьёз, и само по себе не составляет проблемы — до тех пор, пока не возникает необходимость сочетания этих субъективных представлений с объективистским нарративом, *памяти* — с *историей*. И здесь в большинстве известных мне случаев мемориальное приносится в жертву историческому. Объективистский краеведческий нарратив имеет эксклюзивный характер и не оставляет возможности для нейтральной презентации альтернативных сведений и интерпретаций: постольку, поскольку музейный проект существует в рамках объективистской парадигмы и производит соответствующий нарратив, все «отклоняющиеся» от него элементы должны быть либо помечены как «ошибочные», либо «исправлены», либо опущены (это самый простой и самый популярный спо-

[5] Нельзя также не упомянуть о том, что устные воспоминания довольно часто противоречат не только официальной версии, но и друг другу. Сочетание (в академическом исследовании или культурном проекте) различающихся индивидуальных образов прошлого — отдельная интересная проблема, которая, однако, в данной статье не рассматривается.

соб) — и тем самым «нейтрализованы», приведены к единому «правильному» содержанию и фактически лишены субъективности. Эта стратегия, применяемая в такого рода конфликтных случаях, на мой взгляд, отражает более общую закономерность: в музейных проектах, говорящих на языке объективного исторического знания, возможны лишь такие частные голоса, которые звучат в унисон с главной партией; память здесь так или иначе адаптируется, «укрощается», *приводится в соответствие* с историей (*Куприянов* 2021: 296–297). Таким образом исходная антропоцентричная установка на рассказ о месте через истории, голоса и взгляды «простых» жителей блокируется самими структурными условиями музейных краеведческих проектов.

Человек vs место

Другая трудность реализации антропологического подхода связана с локальной рамкой, в которой разворачивается деятельность музейных краеведческих проектов: все они посвящены месту (городу, району, селу, улице); локальность в них — доминирующий дискурс и доминирующая оптика, в которой все, что попадает в поле зрения, предстает лишь одной стороной: все видится *местным*.

В начале существования Музея Басманного района, в одном из объявлений, обращенных к аудитории проекта и приглашающем жителей поделиться своими воспоминаниями, среди прочего говорилось: «А если у вас есть памятные предметы, которые всю свою жизнь провели в Басманном, присылайте нам фотографии с коротким рассказом» (Рис. 1).



Рис. 1. *Скриншот со страницы Facebook*[6] *с объявлением о сборе коллекции для Музея Басманного района. 13 декабря 2017 г.*

В этом небольшом фрагменте мое внимание привлекла его логика, согласно которой вещам присваивается качество местного лишь на основании их

[6] Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией в РФ.

физической причастности к месту[7]. Та же логика действует и в относительно недавних проектах музея под названиями «Звуки Басмании» и «Басмания. Истории и ароматы», в ходе которых происходил «сбор» звуков и запахов района и составлялись соответствующие карты, показывавшие их территориальное распределение. Несмотря на то, что эти звуки и запахи вовсе не были исключительными или специфичными для Басманного района, а встречались и в других районах Москвы, они в рамках данных проектов интерпретировались как свойства и маркеры именно этого пространства (Звуки Басмании 2024; *Лев* 2025).

Здесь налицо механизм *локализации* — не как *помещения* объектов в местное пространство, а как их *о-мещения* — наполнения местным содержанием, присвоения им статуса локального специалитета и наделения их функцией репрезентировать место[8]. Запах сирени, звуки железной дороги или вкус черничного пирога становятся *басманными* — так же, как и дверные ручки, вывески, телефонные будки, трамвайные билетики, новогодние игрушки, коньки, песни под гитару, поцелуи, драки, сбор макулатуры — то есть тот материальный инвентарь и акциональный репертуар позднесоветской эпохи, которые присутствуют в воспоминаниях и опыте местных жителей. Иными словами, совершенно типовые вещи или практики, не имеющие никакой специальной привязки к месту и существующие во множестве других мест, маркируются как специфические и репрезентируют конкретное место, вне зависимости от их *эмной* категоризации, то есть от того, насколько такое специфическое качество присваивается им их владельцами (или участниками — если речь о практиках). Пожалуй, наиболее наглядно этот принцип проявляется в опубликованной в Телеграм-канале музея фотографии, запечатлевший типовую многоэтажку без каких-либо идентифицирующих признаков, но с выразительной лаконичной надписью «Вечер в Басманном» (Рис. 2).

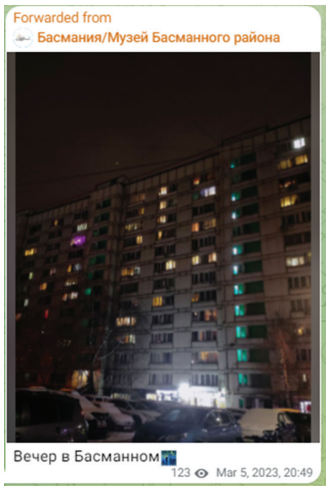


Рис. 2. *Вечер в Басманном. Скриншот из Телеграм-канала «Басмания. Музей Басманного района» 5 марта 2023 г.*

[7] Эта логика эксплицитно выражена в словах местного жителя Ивана Кроткова, открывающих раздел «Вещи с историей» на сайте музея: «Любая вещь, оказавшаяся здесь, уже часть истории района» (Вещи с историей).

[8] В таком значении мы с коллегами использовали этот термин при описании культурных практик в провинции (Местная культура).

Тот же принцип реализуется в проекте «Москва без окраин». На выставке, как уже отмечалось, представлены вещи из личных архивов информантов, проживающих в том или ином московском районе. Обычно они располагаются в отдельных ячейках, каждая из которых посвящена отдельному человеку, и сопровождаются краткой информацией или историей о самой вещи или ее хозяине. Как правило, это бытовые предметы, имеющие особое мемориальное значение для владельцев — именно это является ключевым фактором для помещения их в экспозицию. Так, на арбатской выставке в одной из ячеек можно было увидеть детские распашонки и бирку из роддома одной из героинь выставки Галины Сагалович, а также немецкую фарфоровую статуэтку пастушки, особенно волновавшую ее в детстве (Рис. 3). А на выставке об Очаково-Матвеевском в ячейке с историей таксиста Сагитжана Ахмерова была представлена монтировка, которую он в беспокойные 1990-е годы возил с собой в машине (Рис. 4).



Рис. 3. *Распашонки и фигурка пастушки на выставке «Москва без окраин. Арбат». Фото П. Куприянова. 16.11.2022 г.*

Нельзя не признать, что само решение сделать выставочными экспонатами обыкновенные монтировку и распашонку, представляющие ценность только в контексте конкретной частной памяти (а не «большой» истории), является последовательной реализацией антропоцентричной установки музея. В то же время на выставке эти вещи, будучи частью конкретных человеческих историй, подвергаются *локализации* и представляют не конкретного человека, а определенный район Москвы; здесь они — жители Арбата и Матвеевского, часть местного прошлого. И это их качество обусловлено не какой-то специфической связью с местом, а исключительно выставочной концепцией, помещающей их в арбатскую, матвеевскую или

какую-то другую рамку. Такова логика локального проекта: все что оказывается в его пространстве, выстраивается в один ряд и оборачивается одной стороной — становится *местным*. Таким образом, в краеведческих проектах происходит *перекодирование* индивидуальной памяти — в историю места. В семиотической парадигме это можно описать как смену означаемых: элементы индивидуальной памяти «изымаются» у человека и присваиваются месту, становятся его атрибутами.



Рис. 4. *Монтировка на выставке «Москва без окраин. Очаково-Матвеевское». Фото П. Куприянова 6.06.2024 г.*

Важно подчеркнуть, что такому *о-мещению* подвергаются и сами люди с их воспоминаниями. Устноисторический компонент составляет важнейшую часть всех рассматриваемых проектов; запись воспоминаний жителей (или, как их чаще называют, «личных историй») — одно из основных направлений проектной работы. Обычно локальные проекты собирают большие устноисторические архивы, которые являются ценным ресурсом и активно используются в работе: на их основе делаются выставки, пишутся книги, ставятся спектакли и создаются аудиогиды (Аудиогиды Басмании; Молоко 2018; *Пичугина* 2018). Однако, при всем внимании к устным воспоминаниям, в краеведческих проектах они изначально маркируются, воспринимаются и используются в дальнейшем как рассказ *о месте по преимуществу*. В этом специфическом ракурсе человек предстает (и представляет интерес для проекта) лишь в одной ипостаси — жителя, причем жителя определенного места[9]. Этим местом может быть дом, двор, улица, район или город, но, как правило, это всегда некая пространственная категория, задаваемая собирателем извне. Все прочее, относящееся к другим местам или вовсе находящееся вне локального контекста (чего в устных воспоминаниях обычно довольно много), игнорируется или рассматривается как несущественное или второстепенное. В этом смысле можно говорить о парадоксальной «репрессии»/подавлении личного, персонального, человеческого в человекоориентированных проектах, а точнее, о замещении его *локальным*.

[9] О схожей стратегии в обращении с воспоминаниями жертв Холокоста см. (*Kushner* 2006).

Установка на обращение к опыту «простого» человека задает внимание к повседневному, обыденному и рутинному, по определению выходящему за границы конкретных дворов и районов, — тогда как краеведческий профиль проектов диктует необходимость говорить о месте. В этой ситуации локализация/о-мещение выглядит как попытка преодолеть это противоречие, «приручить» повседневность, представив типическое как специфическое, обыденное — как местное. Воспользовавшись оптической метафорой, можно сказать, что антропологический ракурс (на человека) здесь дополняется (и в некотором смысле нивелируется) локальным фокусом (на месте); взгляд, изначально направленный *на* людей, тем не менее, проходит *сквозь* них, концентрируясь на своей главной цели — месте.

Индивидуальное vs коллективное

Краеведческая рамка не только перекодирует *повседневное* и *человеческое* в *местное* — другой ее эффект состоит в том, что она «растворяет» *индивидуальное* в *коллективном*.

Музейные проекты в значительной степени строятся на нарративах, поэтому особенно большое значение для них имеют личные истории местных жителей. Законченные сюжеты, запоминающиеся эпизоды с характерными деталями и персонажами, развернутые повествования, рассказы из жизни — для проектных задач более важны, чем фигура самого рассказчика. А поскольку авторы этих историй чаще всего не знаменитости, а как раз «простые» люди, то их имена и фигуры неизбежно отходят на второй план. Разумеется, каждая история имеет автора, который неизменно называется и указывается, однако «ткань» проекта состоит все же не из людей, а из их рассказов, так что в конечном счете оказывается не так уж важно, кому именно эти рассказы принадлежат — важно, что это один из местных жителей. В фигуре *местного жителя* — таганского, нагатинского, очаковского (или московского, тверского, учемского) — совмещаются и сливаются конкретные Сергей Борисович, Николай Кузьмич или Эсфирь Исааковна, хорошо заметные как представители локального сообщества, но с трудом различимые сами по себе. И эта ситуация обнажает еще один парадокс рассматриваемых проектов: получается, что они выявляют индивидуальный опыт, но для того, чтобы в конечном счете увидеть его как коллективный или универсальный, стремятся дать голос отдельному человеку, но для того, чтобы тот произносил общий текст.

Буквальной иллюстрацией этого феномена может служить проект учемского музея «Охотинские. Мужской род». Это документальный видеоспектакль, созданный на основе интервью с мужчинами, живущими в деревнях Охотинского сельсовета Мышкинского района Ярославской области. Он демонстрируется на трех экранах, где, сменяя друг друга, появляются герои спектакля (Рис. 5). Видео сопровождается аудиодорожкой, смонтированной из их рассказов, однако не синхронизированной с видеоизображением. Последнее обстоятельство имеет существенный эффект: зритель видит разных людей и слышит их истории и реплики, но не имеет возможности соотнести голоса с людьми. Принципиальная невозможность этого соотнесения означает, что авторы не видят в ней необходимости: очевидно, согласно авторскому замыслу, принадлежность конкретных реплик конкретным людям не имеет значения. В результате все эти — такие разные — люди выступают как мно-

голикое и многоголосое, но единое и нерасчленимое сообщество, в котором индивидуальность если не утрачивается полностью, то сильно «растворяется». И это его свойство исключительно точно отражается в названии проекта, не просто обозначающем локальный характер сообщества, но и подчеркивающем одновременно и его множественность, и однородность: «Охотинские. Мужской род».



Рис. 5. *Демонстрация видеоспектакля «Охотинские. Мужской род». Учма, 3.08.2024 г. Фото П. Куприянова.*

Такая *деиндивидуализация* фактически представляет собой последовательную реализацию описанных выше принципов и инструментов, и наиболее точным ее визуальным воплощением является *силуэт*. Именно такого человека — хорошо заметного на фоне места, но лишенного индивидуальных черт — создает музейно-краеведческий взгляд, направленный на людей, но проходящий сквозь них, ищущий конкретного человека, но неизменно совмещающий его с другими в едином контуре.

Силуэт как обобщенный образ местного жителя не является современным изобретением, а наследует, например, открыточным «городским типам» рубежа XIX–XX веков или современной городской скульптуре, часто изображающей городские типажи. Впрочем, по сравнению с ними он представляет собой следующий этап деиндивидуализации, поскольку в силуэте обобщенность образа дополняется его обезличенностью (в этом смысле он ближе к манекену, более привычному как раз для музейного, нежели для уличного пространства).

В городском пространстве силуэтные сцены встречаются довольно часто (Рис. 6) и служат не просто украшением улиц, дворов и подворотен, но и визу-

альной репрезентацией города. Изображение обезличенных силуэтов типичных местных жителей за типичными местными занятиями — эффектное (и, вероятно, эффективное) средство конструирования образа места и локальной идентичности.



Рис. 6. *Силуэты в городской подворотне. Таруса. Фото П. Куприянова 24.10.2024.*

Музейные краеведческие проекты охотно обращаются к силуэтам. Из рассматриваемых кейсов они особенно близки Музею «Огни Москвы», поскольку позволяют объединить краеведческую направленность и тематический профиль музея. Поэтому здесь иногда проводятся вечерние перформансы, состоящие в демонстрации силуэтов жителей в окнах музейного здания, а, кроме того, на экспозиции оформлена постоянная интерактивная инсталляция, состоящая из стола с незатейливыми настольными играми советского времени и настенной проекции силуэтов людей, словно за этим столом (Рис. 7). Желающие могут сесть за стол, поиграть в игры и отразиться на той же стене, войдя таким образом в одно пространство с условными бывшими жителями этого места (или дома) и тем самым приобщившись к воссоздаваемой реальности.

Эта композиция проявляет еще одно существенное свойство силуэта: за счет отсутствия индивидуальных черт он психологически гораздо более комфортен, чем любой человек. Во-первых, зрителю сравнительно легко себя с ним отождествить, представить себя на его месте, а во-вторых, он избавляет зрителя от необходимости вступать в личный контакт с конкретным человеком, что, заметим, требует некоторых усилий и может быть чревато неприятностями (ведь человек может оказаться не настолько приятным, чтобы с ним захотелось сидеть за одним столом). Обезличенный и обобщенный образ лишен этих неудобств, что делает его эффективным инструментом музейной коммуникации.



Рис. 7. *Силуэты на экспозиции Музея «Огни Москвы». Фото П. Куприянова 7.03.2024 г.*

Таким образом, человеческий силуэт в краеведческих проектах — это способ «приручения» индивидуальности и одновременно компромисс между антропологической установкой, требующей введения в музейное пространство человека, и структурными ограничениями, налагаемыми музейной и краеведческой рамками. Он — продукт и символ музейного движения к человеку — и его постоянного избегания, потребности в нем — и невозможность ее реализовать в полной мере. Более того, силуэт, как кажется, обнажает более основательное противоречие, присущее далеко не только музейной практике, но и антропологии в целом: между декларируемым фокусом на человека и стремлением уловить не уникальное, а универсальное, общее, типичное.

Из рассматриваемых кейсов, на мой взгляд, это более всего удалось на учемской экспозиции «Старухи о любви», построенной на материалах интервью с пожилыми жительницами Учмы о любви и семье. Она расположена в отдельном амбаре, разделённом на несколько комнат, каждая из которых посвящена одной из героинь: здесь представлена ее история, напечатанная в буклете, небольшой набор предметов и фотографий, и звучат фрагменты интервью.

На экскурсии по музею, перед входом на эту экспозицию, Елена Наумова, одна из ее авторов, рассказывает о ее появлении так:

> Как-то однажды за столом за общим разговорились на тему семьи, [я задала вопрос про любовь] и все очень захотели ответить, и так галдели, и кричали, что ничего мне нельзя было разобрать, и я тогда договорилась, что пойду по отдельным домам и запишу все истории по отдельности. Вы сейчас проделаете мой путь, когда вы зайдете внутрь, вы окажетесь вот в этом гомоне и гвалте. Для того, чтобы услышать собеседника, нужно к нему подойти поближе. И остановиться, опять же. Присесть на лавочку. И там домики отдельные для каждой бабушки, они <…> расскажут свои истории (ПМА 5 2021).

В самом деле, при входе в амбар посетитель сперва слышит общий гул, состоящий из нескольких женских голосов, а, заходя внутрь комнат, оказывается наедине с каждым из них, вступая тем самым в персональную коммуникацию с конкретной героиней (Рис. 8). Таким образом, перемещаясь по выставке, посетитель переключается между общим и частным пространствами и режимами коммуникации, и это постоянное переключение (предваряемое приведенными словами экскурсовода) позволяет проблематизировать соотношение индивидуального и коллективного в представляемой на экспозиции деревенской жизни. Такая морфология выставочного пространства, поддерживающая эту проблематизацию, на мой взгляд, сама по себе является эффективным и изящным техническим и этическим решением.



Рис. 8. *Экспозиция «Своя лодка. Старухи о любви». Учма. 4.08.2024*

Музей vs человек?

По сравнению с проектом «Охотинские. Мужской род» экспозиция «Старухи о любви» выглядит гораздо более тонкой и этически корректной, по крайней мере в том, что касается обсуждавшегося выше соотношения индивидуального и коллективного. Здесь реплики и истории не отчуждаются от людей, и каждая из героинь говорит своим голосом. В то же время и в этом проекте не удается сохранить авторство информантов в полной мере — по той причине, что монтаж звучащих на экспозиции аудироликов и сценарий каждой истории предсказуемо выполняется кураторами. Стало быть, само высказывание формулируется музеем, хотя и посредством аутентичных материалов. Здесь звучат голоса людей, но этими голосами говорит музей.

Учма в этом смысле — лишь один из множества примеров. Даже в тех проектах, где стремление дать голос местным сообществам, жителям, «простым» людям — тем, кому по разным причинам не находится места в «большой» истории» и в парадной официальной экспозиции, кого не слышно в рассказе

о месте или о прошлом и которые «не могут говорить» (*Спивак* 2022), — даже там, где это стремление осознаётся не просто как техническая задача, а как миссия, не удается избежать иерархической диспозиции, часто имеющей колониальное основание, так хорошо и болезненно знакомой антропологам. При всех демократизирующих устремлениях именно музей является тем актором, который отбирает сюжеты, исполнителей и определяет порядок и смысл нарратива. Он вроде бы становится площадкой для трансляции обыденных представлений и образов места, взгляда «снизу», но что это за представления, и что за образ — почти всегда решает сам музей.

На выставке «Москвы без окраин», посвященной району Преображенское, мне довелось быть свидетелем того, как одна из посетительниц выражала свое недовольство представленными экспонатами и в целом предъявляемым образом района. Ее возмущало отсутствие упоминаний об Алексее Михайловиче и Петре I, излишне подробный, на ее взгляд, рассказ о старообрядцах, а также обилие бытовых вещей неизвестных людей при отсутствии внятного высказывания о значимости района в истории города и всей страны (ПМА 6 2022). Словом, посетительницу — жительницу и патриотку района — не устроила сама концепция выставки.

Этот эпизод, при всей своей курьезности, на мой взгляд, очень показателен, поскольку указывает на противоречие, лежащее, как кажется, в самом основании антропологического поворота в музее, потому что он вскрывает неочевидность того «человеческого», «обыденного» и «простого», к которому он обращен. Казалось бы, проектом «Москва без окраин» музей делает явный шаг «навстречу людям», то есть в направлении заявленной человекоцентричной парадигмы: отказывается от тривиальной и набившей оскомину модели «мой край в истории страны» и предлагает «антропологическую» альтернативу, представляя место не в «большой» истории, а в маленьких историях его жителей, в «человеческом масштабе». Но неожиданно оказывается, что этот самый местный житель ждет и требует как раз крупного масштаба и привычного нарратива о Петре, а вовсе не личных историй или чьих-то памятных вещей. Готов ли музей услышать такой голос и дать ему звучать на своей площадке? Как совместить разные голоса и взгляды разных «простых» людей? Эти неудобные вопросы, звучащие как вызовы адептам антропологического подхода, носят принципиальный характер и требуют отдельного обсуждения.

***

Приведенные наблюдения показывают, что реализация «антропологического» подхода в музейных проектах сталкивается с рядом препятствий. Вводимый в оборот антропологический материал адаптируется под музейный или краеведческий формат, голос, взгляд, память человека разными способами отчуждаются, нейтрализуются, «приручаются» проектной рамкой, так что искомый человек то и дело «ускользает» из рук и поля зрения проектировщиков и их аудитории. При этом, выявленные препятствия носят структурный характер, то есть обусловлены не столько качеством проектной работы той или иной команды, сколько встроенными ограничениями, присущими самому формату и «языку» рассматриваемых практик. Несмотря на это, наиболее удачный опыт показывает, что эти структурные ограничения, хотя и существенно затрудняют реализацию названного подхода, но не блокируют его

полностью, что позволяет воспринимать их не как непреодолимые преграды на пути музейной «антропологизации», а как один из факторов, влияющих на достижение цели и тем самым стимулирующих поиск новых стратегий и инструментов.

Наконец, нельзя не отметить, что в значительной мере упомянутые в статье противоречия и напряжения имеют отношение не только к музею и краеведению, но вполне актуальны и для самой антропологии как исследовательской практики и научной дисциплины. Что вновь возвращает нас к вопросу о границах академического и прикладного знания.

Источники и материалы

Аудиогиды Басмании — Аудиогиды Басмании // Басмания. Музей Басманного района. Электронный ресурс. https://basmania.ru/kollektsiya/audioguide/ (Дата обращения 18.06.2026).

Вещи с историей — Вещи с историей // Басмания. Музей Басманного района. Электронный ресурс. https://basmania.ru/kollektsiya/eksponatyi-muzeya/ (Дата обращения 18.06.2026).

Грачикова 2017 — Грачикова Ю. Практический опыт формирования знания // Антропология Москвы: новое знание о городе. Сборник материалов первой научно-практической конференции Музея Москвы. 9–10 декабря 2016 года. М., Музей Москвы. 2017. С. 46–47.

Звуки Басмании — Звуки Басмании // Басмания. Музей Басманного района. Электронный ресурс. https://basmania.ru/projects/zvuki-basmanii/ Дата обращения 18.06.2026.

Лев 2025 — Лев И. А. Флёр на каркасе. Басманный по запаху. М., 2025.

Молоко — Молоко, спектакль, созданный в рамках проекта «Вместе с соседями» музея «Огни Москвы», 22.09.2018. Электронный ресурс, https://m.youtube.com/watch?v=OP4bMAbpiqM (Дата обращения 18.06.2026).

Москва без окраин — Москва без окраин, электронный ресурс: https://bezokrain.moscow/page36890073.html (Дата обращения 18.06.2026).

Научно-практическая 2016 — Научно-практическая конференция «Антропология Москвы. Новое знание о городе» (9–10.12.2016) // Сайт Музея Москвы, электронный ресурс https://mosmuseum.ru/events/p/nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-antropologiya-moskvyi-novoe-znanie-o-gorode/ (Дата обращения 18.06.2026).

Пичугина 2018 — Пичугина О. (сост.) Люди. Улицы. Дома. Рассказы москвичей о Басманном районе. М., 2018.

Программа конференции 2017 — Программа конференции «Музей как место встречи прошлого и будущего города» (1–2.12.2017) // Сайт Музея Москвы, электронный ресурс https://mosmuseum.ru/events/p/programma-konferentsii-muzey-kak-mesto-vstrechi-proshlogo-i-budushhego-goroda (Дата обращения 18.06.2026)

Ролдугина 2017 — Ролдугина И. Город как воображаемое // Антропология Москвы: новое знание о городе. Сборник материалов первой научно-практической конференции Музея Москвы. 9–10 декабря 2016 года. М., Музей Москвы. 2017. С. 6–7.

Экскурсии Музея — Экскурсии Музея «Огни Москвы» // Сайт Музея «Огни Москвы», электронный ресурс http://www.ognimos.ru/excursions (Дата обращения 18.06.2026).

ПМА 1 2016 — Полевые материалы автора. Раздаточный материал к выставке «Азбука Музея» в Музее Москвы. 2016 г. Раздел «Я».

ПМА 2 2019 — Полевые материалы автора. Огни Москвы, октябрь 2019.

ПМА 3 2018 — Полевые материалы автора. Интервью с ТАЧ, 24.01.2018.

ПМА 4 2018 — Полевые материалы автора. Опрос. Чистые пруды. 1.04.2018.

ПМА 5 2021 — Полевые материалы автора. Экскурсия Елены Наумовой в Учемском музее. Учма, 22.08.2021.

ПМА 6 2022 — Полевые материалы автора. Полевой дневник. Москва без окраин. 2022.

Литература

Бородулина А. С. Новые подходы к репрезентации культур в этнографических музеях // Антропология репрезентации: память, общественные пространства и визуальность / отв. ред. А.А. Плеханов, Н.А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 17–36.

Гринько И. А. Новое музейное мышление. Антропологический подход // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2023. № 3. С. 247–265. https://doi.org/10.31249/hist/2023.03.13

Куприянов П. С. Поймать память: устные воспоминания в краеведческом формате. // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 293–302. https://doi.org/10.22394/2412–9410–2021–7–1–293–302

Максимова А. Город и музей: пересечения и противоречия // HistoriCity: городские исследования и история современности / ред.: Б. Степанова, К. Левинсон, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение. 2024.

Местная культура как культура места // Культура счастья. Роль культурных институтов в личном благополучии жителей России. Электронный ресурс: https://cultureofhappiness.tilda.ws/terrains_of_culture#rec464905118 (Дата обращения 18.06.2026)

Саймон Н. Партиципаторный музей. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017.

Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? М.: V-A-C Press, 2022.

Степанов Б., Максимова А., Хлевнюк Д. Краеведение // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского и В. Дубиной. М., Новое издательство, 2021.

Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / под ред. М.В. Лоскутовой. СПб., 2003. С. 32–51.

Практики соучастия в музеях. Материалы виртуальной экспертной сессии / ред.-сост. М.Б. Гнедовский. М.: Press-Pass, 2023.

Форум: Сохранить нельзя разрушить: антропология наследия // Антропологический форум. 2026. № 68. С. 11–144.

Kushner T. Holocaust Testimony, Ethics, and the Problem of Representation // Poetics Today. 2006. № 27 (2). P. 275–295.

Stepanov B. Kraevedenie and Heritage Activism in Contemporary Moscow Revue d'études comparatives Est-Ouest, 2026.

Troitskaya, A. Проекты Нового краеведения в неофициальной истории города: опыт Санкт-Петербурга. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2024. № 49 (1). P. 159–176.

Research article

Kupriyanov P. S. Anthropology in Museum Local History Projects: Trends and Challenges [Antropologiia v muzeinykh kraevedcheskikh proektakh: trendy i trudnosti] Anthropologies, 2026, no 1, pp. 5–25, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/5-25

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kupriyanov P. S. | e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru | https://orcid.org/0000–0001–9856–3159 | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

The paper presents an analysis of the ways the anthropological tools and approaches are used in museum local history projects. Based on the study of several cases, the author shows that the implementation of the popular «anthropological» approach in museum projects faces a number of obstacles, presented in a number of oppositions: history vs memory, person vs place, individual vs universal, museum vs person. The paper demonstrates how anthropological material introduced into circulation is adapted to the museum or local history format, and how a person's voice, gaze, and memory are alienated and neutralized in various ways by the project framework, causing the person to disappear from view and be replaced by a generalized image or silhouette. The identified obstacles are structural in nature, i.e. caused by inherent limitations of the format and «language» of the practices under consideration.

Keywords: anthropological turn, anthropology in the museum, anthropological approach, local studies in museum, local history, oral history, everyday life, personal stories, silhouettes.

References

Borodulina, A.S. 2021. Novye podkhody k reprezentatsii kul'tur v etnograficheskikh muzeiakh [New approaches to culture representation in ethnographic museums]. In

Antropologiia reprezentatsii: pamiat', obshchestvennye prostranstva i vizual'nost' [The Anthropology of representation: memory, public spaces and visuality] edited by A.A. Plekhanov and N.A. Belova, 17–36. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Forum: Sokhranit' nel'zia razrushit': antropologiia naslediia [Forum: Preserving and Destroying: Heritage Anthropology] // *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. 2026. 68: 11–144.

Gnedovskii, M.B., ed. 2023. *Praktiki souchastiia v muzeiakh. Materialy virtual'noi ekspertnoi sessii* [Participatory Practices in Museums. Materials of the Virtual Expert Session]. Moscow: Press-Pass.

Grin'ko, I.A. 2023. Novoe muzeinoe myshlenie. Antropologicheskii podkhod [New museum thinking. Anthropological approach]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriia 5. Istoriia* 3: 247–265. https://doi.org/10.31249/hist/2023.03.13.

Kupriyanov, P.S. 2021. Poimat' pamiat': ustnye vospominaniia v kraevedcheskom formate [Catching memory: Oral recollections in a local history frame]. In *Shagi/Steps* 7 (1): 293–302. https://doi.org/10.22394/2412–9410–2021–7–1–293–302

Kushner, T. 2006. Holocaust Testimony, Ethics, and the Problem of Representation. In *Poetics Today* 27 (2): 275–295.

Maksimova, A. 2024. Gorod i muzei: peresecheniia i protivorechiia [City and museum: crossroads and contradictions]. In *HistoriCity: gorodskie issledovaniia i istoriia sovremennosti* [HistoriCity: city research and history of modernity] edited by B. Stepanov, K. Levinson and O. Zaporozhets, 355–384. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie.

Mestnaya kul'tura kak kul'tura mesta [Local culture as culture of the place]. In *Kul'tura schast'ia. Rol' kul'turnykh institutov v lichnom blagopoluchii zhitelei Rossii* [Happiness culture: The Role of Cultural Institutions in the Personal Well-Being of Russian Residents]. Elektronnyi resurs: https://cultureofhappiness.tilda.ws/terrains_of_culture#rec464905118 (Data obrashcheniia 18.06.2026)

Portelli, A. 2003. Osobennosti ustnoi istorii [What makes Oral History Different]. In *Khrestomatiia po ustnoi istorii* [Oral History Reader], edited by M.V. Loskutova, 32–51. St. Petersburg.

Saimon, N. 2017. *Partitsipatornyi muzei* [Partisipatort museum]. Moscow: Ad Marginem Press.

Spivak G. C. 2022. *Mogut li ugnetennye govorit'?* [Can the subaltern speak?] Moscow: V-A-C Press.

Stepanov, B., Maksimova A. and Khlevniuk D. 2021. Kraevedenie [Local history]. In *Vse v proshlom. Teoriia i praktika publichnoi istorii* [Everything is in the Past. Theory and Practice of the Public History] edited by A. Zavadskiy and V. Dubina. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Stepanov, B. 2026. Kraevedenie and Heritage Activism in Contemporary Moscow. *In Revue d'études comparatives Est-Ouest* (in print).

Troitskaya, A. 2024. Proekty Novogo kraevedeniia v neofitsial'noi istorii goroda: opyt Sankt-Peterburga [New Local History Projects in the Unofficial History of the City: The Experience of Saint Petersburg]. In *Studia Rossica Posnaniensia* 49 (1): 159–176.

© К.А. Федосова

Ученый в «открытом космосе»

Ключевые слова: автоэтнография, публичные лекции, фольклористика, традиционная культура, полевые исследования, публичная антропология, популяризация науки, антропологический поворот, научная идентичность, полевые записи.

Статья представляет собой автоэтнографическое исследование практики чтения публичных лекций о фольклоре и традиционной культуре. Автор, независимый исследователь-полевик, анализирует собственный лекторский путь от начала 2020-х годов до формирования устойчивой стратегии на основе материалов своего телеграм-канала: анонсов лекций, послелекционных рефлексий и реплик слушателей. Рассматривается противоречие между академическими установками и требованиями публичного просветительского формата: стереотипные ожидания аудитории («фольклор о фольклоре»), необходимость упрощения и использования привлекательной риторики («настоящий фольклор», «те самые сказки»). Анализируется самоопределение ученого вне академических институций в условиях размытости границ между «научным» и «наивным» знанием. Показан методический прием, позволяющий сгладить это противоречие: включение в лекцию аутентичных полевых записей, выполняющих функцию медиатора между экспертной позицией лектора и личным опытом слушателя. Статья вписывается в дискуссию об «антропологическом повороте» в фольклористике и о роли ученого в публичном пространстве.

Предуведомление об автоэтнографии

Эта статья посвящена практике чтения публичных лекций о фольклоре и традиционной культуре. Лекторский опыт и практика, о которых я пишу, — мои собственные. Таким образом, моя задача в том, чтобы отследить и зафиксировать, что и как я (де)конструирую в лекциях, что адаптирую и как исследовательское в этом процессе и во мне уживается или не уживается с просветительским. Соглашаясь на этот формат, я понимала, что иначе как в рамках автоэтнографического подхода не смогу исследовать эти вопросы.

К. Эллис и коллеги, определяя автоэтнографию, ставят во главу угла особенную оптику, позволяющую осуществить такой анализ личного опыта, который позволит понять его культурное значение. Автоэтнографические

Федосова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, независимый исследователь. e-mail: bigl2005@bk.ru; https://orcid.org/0009-0004-4686-1209

Для цитирования: Федосова К.А. Ученый в «открытом космосе» // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 26–45, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/26-45

тексты объединяют автобиографическое и этнографическое повествование, они являются «одновременно и продуктом, и процессом» (*Ellis et al.* 2011).

Автоэтнографический подход часто противопоставляют «каноническим» методам исследования, отмечая, в частности, что, когда ты сам(а) становишься объектом своего наблюдения и анализа, возрастает степень искренности. Как пишет Дмитрий Рогозин: «Поиск автобиографических методов — это внимательное отношение к востребованным и в обиходе применяемым интимным техникам воспроизводства идентичности, попыткам понять себя и свое окружение» (*Рогозин* 2015: 229).

Все сказанное в полной мере относится к данной статье. В центр рассмотрения я поместила не только собственную деятельность как публичного лектора, но и биографический и профессиональный контекст, сформировавший и определяющий ее, процесс трансформации оснований этой деятельности, а также особенности собственной лекторской практики, сложившейся на сегодняшний момент, — а именно мое собственное кредо, обнаруженное и сконструированное: отчасти на практике, отчасти — в период работы над статьей.

Завершая вступительный раздел, я хотела бы кратко остановиться на особенностях самого автоэтнографического письма. Для меня это первый опыт создания автоэтнографического текста. Обычно я пишу или статьи «об этнографических объектах» и воспринимаю их как научные, или научно-популярные и эмоционально-рефлексивные посты в свой телеграм-канал «Зыбь-колыбь»[1]. Научная автоэтнографическая статья, как уже было отмечено, объединяет эти аспекты, и неожиданно оказывается, что необходимость фиксировать личный опыт входит в прямое противоречие с позитивистскими установками. Автоэтнографическое письмо одновременно и тревожит ощущением «слишком личного текста» и «штучного опыта», повышающего риски искажений получившейся в итоге картинки, и манит возможностями искренней, в чем-то эмоциональной рефлексии. Компромиссным решением для меня стала попытка совместить личное рефлексивное высказывание с объективацией собственного опыта: в качестве исходного пункта для анализа я выбрала «корпус» собственных текстов — постов в моем телеграм-канале, анонсирующих мои лекции.

Однако, как показала практика, объективация оказалась возможна лишь отчасти. Даже написанные и опубликованные ранее тексты по-прежнему иногда воспринимаются как «свое», возникает личная реакция на те изменения в самой себе, которые я увидела, собрав воедино свои тексты за несколько лет. Балансируя таким образом, я и продвигалась в написании этой статьи.

Автобиографический контекст

Для того, чтобы воспринимать мой путь как этнографический кейс и видеть культурный контекст, нам понадобятся дополнительные вводные.

Мои профессиональные установки и социальные связи были заданы филологическим факультетом МГУ: кафедра фольклора, экспедиции, любимый научный руководитель-полевик, диссертация о заговорах первого выгона

[1] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb

скота (*Федосова* 2007). Как исследователь я сформировалась в русле позднесоветской фольклористики, в рамках жанровой теории и с вниманием к фольклорному тексту, вынесенному из этнографического контекста обрядовых и повседневных практик (*Чистов* 1970). Университетские филологические штудии традиционного образца хорошо легли в канву моей биографии: будучи уроженкой биологического академгородка Пущино, я пришла в эту сферу прямо из естественнонаучной среды.

Вместе с тем с университетских лет значимой частью моего академического опыта стало несовпадение собственного исследовательского запроса с концептуальной рамкой фольклористики: за выбором темы моей диссертации стоял, как я поняла позже, интерес к обряду как к динамической практике, а также к механизмам функционирования традиционной культуры, тогда как фольклористический инструментарий был предназначен для анализа текстов. Я анализировала принципы варьирования обряда первого выгона (текста и акционально-предметного ряда) и стратегии порождения обрядового текста. Оставшийся не до конца проясненным и нереализованным интерес к функционированию практик внутри сообщества, поиск оптики, открытые вопросы о соотношении вербального и невербального внутри практики — таким был итог аспирантуры и успешной защиты.

Далее последовали более двадцати лет самостоятельной полевой работы в роли независимого исследователя без аффилиации, руководителя исследовательских и проектных экспедиций школьников и разнообразных школьно-студенческих семинаров и открытых ридинг-групп. Определяющими на этом этапе стали несколько факторов: моя погруженность в эмпирический полевой материал, отсутствие институциональной привязки и, как следствие, постоянной концептуальной рамки. При этом я сохраняла и личную ориентацию на академический подход, и сам круг общения. А важным контекстом для меня была работа с подростками в образовательных учреждениях (Лицей 1553 им. В.И. Вернадского; ГБОУ школа 1561; Филипповская школа; Гимназия во имя Иоанна Богослова).

Параллельно с тем, как я проходила путь профессионального полевика, не включенного в академическую среду, но наращивающего компетенции педагога и организатора независимых проектно-исследовательских экспедиций, в науке шли свои дисциплинарные метаморфозы, так называемый антропологический переворот: «Он произошел, когда интересы фольклористики переместились с анализа текста как имманентной структуры (что было унаследовано еще от русского формализма) на коммуникационные, социальные, культурные аспекты традиции. Тому же способствовал и окончательный уход текстов «классического» фольклора из современной жизни, их превращение в объекты музеефикации, в «памятники устной словесности»» (*Неклюдов* 2018: 10). Фольклористы и этнографы, этнологи-полевики получили мощный импульс к переосмыслению исследовательского инструментария и концептуальных подходов (ср., например, постановку этого круга вопросов в связи с устной прозой (*Червонёва* 2021). Произошло расширение «поля» с узко-деревенского до городского. Эволюция из классического фольклориста в городского антрополога стала характерным «треком», который прошли многие коллеги. Например, филолог Анастасия Захарова, ведущая телеграм-канала «Фокус в поле», пишет о канале коллеги Эльвиры Гептинг: «Автор балансси-

рует между сельской и городской антропологией. Подписалась давно, потому что из деревенского фольклориста сама хочу однажды окуклиться в городского антрополога»[2]. О себе Анастасия замечает: «Учусь на (не)культурного/(а) социального антрополога в ЕУСПб. В моем бакалаврском анамнезе — филфак с ВКР по фольклористике»[3].

Я тоже встала на путь поиска оптики и идентичности и, насколько позволяли прочие занятия и отсутствие аффилиации, не получая системного образования, погружалась в новую для себя литературу, открывая не только социальных антропологов, но и другие академические миры полевых подходов, в частности, этнометодологию и микросоциологию (так называемую Чикагскую школу).

Помимо расширения научных границ, 2010-е годы были отмечены бумом научно-популярных движений и событий разного формата: в 2012 г. открылся ресурс «ПостНаука», в 2015 г. стартовал проект «Арзамас», работали несколько открытых лекториев. Коллеги-фольклористы и этнографы не просто «окукливаются» в антропологов, но и вылетают в виде прекрасных бабочек в публичное поле с научно-популярными лекциями. В конце 2010-х годов, после нескольких спонтанных приглашений рассказать что-то о своем полевом опыте и нескольких таких случившихся встреч в узком кругу, у меня сформировался собственный круг контактов и начали поступать регулярные приглашения для чтения лекций.

Интерес организаторов был связан с моим полевым опытом исследователя русской деревни, что и определило тематику лекций «на входе», в начале 2020-х годов: это циклы лекций о сказках (построенные на корпусе сказок, который нам удалось записать в устном бытовании в экспедициях с А.Н. Ивановым); о магических практиках (что связано с моими многолетними исследовательскими интересами); о мифологических представлениях (эта тематика связана с регулярным запросом на эту тему); о колыбельных (обусловленные, с одной стороны, возможностью обратиться к полевому материалу, а с другой — собственным опытом использования колыбельных).

Постепенно этот круг расширился: появились лекции об истории собирания фольклора — об отдельных собирателях и их работе, об общественных изменениях, связанных с фиксацией и осмыслением фольклорно-этнографических материалов. Кроме того, в результате специальных исследований и сбора современного материала сложились лекции, в которых я провожу сопоставление между явлениями традиционной и современной культуры: «Страшное в народной и современной культуре» (в том числе несколько выступлений совместно с нейробиологом Анной Резниковой); «Вирусные интернет-рассылки и моральные паники»; «Магические специалисты и мифологические персонажи в деревне и современном интернет-пространстве».

Как видим, этот круг тем отражает, с одной стороны, запрос аудитории, а с другой — связан с моими исследовательскими интересами и компетенциями.

[2] См.: сайт https://t.me/hornysaurus/314

[3] См.: сайт https://t.me/hornysaurus/400

«Тот самый русский фольклор»: ожидания слушателей

Выступая перед неакадемической аудиторией, в «открытом космосе», я регулярно задавала себе вопросы: кто эти люди, которые приходят на лекции о фольклоре, а также на мастер-классы, встречи, просмотры фильмов, рассказы об экспедициях? Чем моя лекция будет для них ценна? И ради чего организаторы тратят силы и ресурсы на проведение подобных мероприятий? Получить эти ответы было не так-то просто: представления слушателей для лектора заведомо неочевидны. Жанр лекции предполагает почти исключительно монологическое высказывание лектора и пассивное восприятие сказанного слушателями. Возможность узнать что-либо о тех, кто занял места в зрительном зале, ограничивается наблюдением за их реакцией во время лекции, вопросами и комментариями, а также общением после лекции.

Конечно, все, что я скажу о «представлениях слушателей», будет достаточно условным: с одной стороны, мы можем выделить «круги потребителей» — целевую аудиторию, которой интересны фольклорно-этнографические события, а с другой — даже среди однородной аудитории есть один или несколько человек, чьи взгляды сильно различаются.

Здесь важно указать те пространства и сообщества, в которых мои лекции были прочитаны за 2023–2025 гг., так как их круг задает контекст моих наблюдений:

— частные школы («Остров», «Неордината», «Муми-тролль», Монтессори-школы и т. д.);

— альтернативные образовательные проекты и площадки (АнтропоШкола, школа «Большая Городня», Зимняя Пущинская школа; Дом ученых г. Пущино; фестиваль «Наукоградостно»). Их аудитория — подростки, интересующиеся взрослые;

— тематические пространства (Музей живой архаики «Воздвиженское»; Музей кочевых культур). Это аудитория любителей различных традиционных культур и полевой работы, реконструкторы и реставраторы, круг интересующихся;

— небольшие клубы и разнообразные пространства (Клуб «В поисках смысла» при Свято-Филаретовском институте; кафе ExLibris; коммуна «РанДом Культуры», читательский клуб Переделкино; аудитория клуба — самая разная, в зависимости от сообщества);

— корпоративные лекции: группа социологических компаний Циркон, Тренинг-бутик;

— циклы онлайн-лекций (аудитория: подписчики моего и дружественных каналов в «ВКонтакте» и «Телеграме»).

Итак, говоря о «понимании слушателей», я опираюсь на собственное обобщенное представление, сформированное на основе серии эмпирических встреч. Раз за разом сталкиваясь с вопросами, ожиданиями, эмоциями и ре-

акциями аудитории, я дополняла свое представление о слушателях контекстными наблюдениями за теми событиями и площадками, где я читала лекции, и за теми «жизненными мирами», частью которых являются эти события и площадки, а также поддерживающие их сообщества.

Мое нынешнее понимание складывалось очень постепенно. Лишь начав выступать публично и выйдя в тот самый «открытый космос» за пределы профессиональной среды фольклористов и этнографов, я осознала, насколько радикально могут различаться представления о традиционной культуре[4]. Вопросы и дискуссии после каждой публичной лекции открывали новые грани. Я столкнулась с целым спектром разнообразнейших стереотипных ожиданий и интерпретаций, по сути, с «фольклором о фольклоре». Оговорюсь: как человек из академической среды, я в качестве отправной точки принимаю научное понимание фольклора и традиционной культуры — «экспертное знание», несмотря на сложность определения его границ (о чем пойдет речь в последующих разделах). Таким образом, альтернативные точки зрения получают статус «фольклорных» или «наивных».

Я стала записывать некоторые особенно яркие комментарии и вопросы слушателей, шедшие вразрез с моей картиной мира. Приведу здесь некоторые из них.

Лектор воспринимается аудиторией как «знающий»: его экспертность заключается, с точки зрения слушателя, в том, что он имеет доступ к особенным, «настоящим» знаниям о фольклоре и его «смыслах», а также о смежных явлениях, как показывает следующий пример: «Расскажите, правда же было такое, что Петр I велел казнить всех, кто жил больше 300 лет?» (жен., 40+, пос. Сестрорецк; ПМА) — с таким вопросом обратилась ко мне слушательница на лекции о колыбельных. Для меня было неожиданным получить такой вопрос, никак не связанный с темой лекции. В тот момент я не знала о существовании этого постфольклорного интернет-сюжета о Петре I, но, исходя из общих соображений, поставила под сомнение его правдоподобность, что очень расстроило мою собеседницу и, как мне показалось, привело к тому, что она разуверилась в моей экспертности.

В следующей ситуации, после лекции о Масленице, слушательница выдвинула предположение о том, почему этот праздник приурочен к соответствующему календарному периоду:

> А правда, что Масленица называется так, потому что все к этому периоду наконец могли снова делать масло? Дело в том, что телята обычно рождаются зимой, незадолго до Масленицы, и первые 40 дней у коров не берут молоко, потому что это молозиво, и оно непригодно для человека. А вот потом снова начинают брать, и из вот этого

[4] Кажется, что работа в школах тоже может быть метафорически описана как «открытый космос», но на самом деле есть существенное различие между лекцией в университете и ситуацией публичного выступления на открытых площадках, особенно если речь идет о лекциях, доступных по билетам. Школьники, как и студенты, по умолчанию принимают получаемые знания как авторитетные. Взрослые люди в ситуации открытой лекции гораздо критичнее относятся к лектору и материалу и часто выражают свое несогласие с предложенной интерпретацией.

молока делают масло. Я всю жизнь с коровами и телятами, я точно это знаю (жен., 50+, Музей живой архаики в Воздвиженском; ПМА).

В подобных комментариях можно увидеть, как взаимодействие со статусным человеком — лектором и экспертом — становится для слушателя возможностью легитимировать собственные гипотезы.

Особая ценность настоящих знаний о фольклоре неразрывно связана с представлением о том, как их сложно добыть: ведь и сам фольклор труднодостижим, поскольку его носители живут где-то далеко: «А правда, что самые настоящие бабушки за Уралом?» (жен., 40+, Москва, Свято-Филаретовский институт; ПМА).

Они там все делают с молитвой. Я вот думаю, они все же правы. Если мы тоже так будем делать, то будет все в жизни хорошо. У них вот простая такая жизнь. Я когда про это думаю, у меня как будто земля под ногами, почва, опора появляется. Я для этого восстановила свою родословную. (жен., 30+, Москва, Свято-Филаретовский институт; ПМА).

Мы видим, как здесь проявляется дихотомия «дом» — «поле», и, возможно, это напрямую связано с аналогичным положением дел в этнографической науке, которая еще недавно исходила из аналогичных представлений о деревне (см. ниже, в разделе «Что такое „настоящий фольклор“»).

Лектор воспринимается как тот человек, который сам может перенести то самое «настоящее» знание «сюда», причем буквально:

А вы можете приехать спеть колыбельную нашему малышу? Ему месяц. И какой будет результат? У него эта традиция как бы пропишется на подсознании? (муж., 20+, лекторий центра корпоративной антропологии; ПМА).

Разговор о фольклоре оказывается поводом осознать собственный запрос на приобщение к поиску неизвестного, таинственного или настоящего. Для этого хочется поехать «туда», «в поле»:

А можно с вами как-то поехать в экспедицию? Очень бы хотелось тоже услышать что-то такое (частый запрос. Например: жен., 20+, коммуна «РанДом культуры»; жен., 30+, Музей кочевой культуры; муж. и жен., 20+, лагерь «Шалаш»; муж. и жен., 40+, Музей живой архаики в Воздвиженском; ПМА).

Я уверен, они там точно знают много такого (имеются в виду былички о демонологических персонажах — *К.Ф.*), потому что они этим занимаются, видят это чаще, чем мы (муж., 10+, Гимназия во имя Иоанна Богослова; ПМА).

«Тот самый русский фольклор»: позиция лектора от науки («экспертная»)

Текущий раздел является, как уже было сказано, развернутым комментарием-самоисследованием, позволившим мне отрефлексировать процесс, длившийся несколько лет. Читая лекцию за лекцией, ведя блог, получая вопросы в социальных сетях, я оказалась где-то между «наивными» представлениями о фольклоре и самой собой и собственными научными установками, которые нужно было переосмыслить и в дальнейшем отстаивать. По сути, потребовалось сконструировать свое понимание традиции на базе академического знания, найдя при этом такой подход к его представлению, который позволял бы мне высказываться и дискутировать аргументированно, но не обижая слушателей.

Никита Петров очень точно пишет о работе фольклориста, который «дает голос» традиции: «Представление о традиции как о чем-то целостном формируется в дисциплине благодаря использованию фольклористами определенного языка — это своего рода нерефлектируемые высказывания, которые приписывают традиции „голос“, некую точку зрения. Когда современный исследователь на страницах своих работ говорит о „традиции“, он суммирует очень разный социальный и нарративный опыт рассказчиков, однако использует общие места фольклористического стиля. В итоге складывается иллюзорное впечатление, что „традиция“ может „говорить о прошлом“, „имеет свою точку зрения“, что, конечно, несколько огрубляет реальное положение дел» (*Петров* 2020: 68). В приведенном высказывании имплицирована негативная оценка самого «приписывания голоса» («иллюзорное впечатление», «огрубляет реальное положение дел»), и мне хочется разделить ее, если высказываться с позиции «исследователь должен искать истину». Но при этом я должна признать, что сама по себе ситуация публичной лекции только усугубляет необходимость «приписывать голос», «говорить от лица традиции», потому что ожидания «массового слушателя» связаны именно с тем, что «специалист по фольклору» расскажет, «как на самом деле в фольклоре обстоят дела». На этот внутренний вызов мне тоже необходимо было ответить, формируя свой способ подачи материала в публичных лекциях.

Эта внутренняя работа происходила постепенно и заняла несколько лет. Но, работая над этой статьей, я «раскрутила» весь процесс формирования в обратном направлении — от настоящего момента в прошлое. И подспорьем для меня в процессе автоэтнографической реконструкции стали собственные тексты: анонсы лекций, резюме некоторых особенно интересных для меня дискуссий, размышления — все то, что я размещала в течение нескольких лет в собственном телеграм-канале «Зыбь-колыбь». Я собрала свои посты, связанные с публичными лекциями, а также вопросы с репликами слушателей.

Я анализировала их, ходя «кругами»: прописывала рефлексивные тезисы из текущей точки, набрасывала вопросы о причинах и истоках, брала паузу, возвращалась и перечитывала собственные «сырые» тексты из предыдущего раздела и вопросы к ним. Находила ответы, которые заставляли исправлять уже написанное и отвечать на новые вопросы. Как сложно, оказывается, практиковать автоэтнографическое письмо — рефлексировать собственные основания. Но при этом точно виден и эффект: за несколько месяцев этой

работы я пришла к достаточно четкому пониманию себя как лектора, своих стратегий и границ.

Прежде всего приведу несколько фрагментов из этих постов. Это небольшая часть выбранного, но для задач статьи этого, думаю, будет достаточно. Тексты расположены в хронологическом порядке, можно читать их выборочно.

Анонс лекции о собирателях фольклора XIX в.:

По сути, это рассказ о том, как так получилось, что «мы» знаем о фольклоре то, что знаем, и думаем о нем то, что думаем. Как мнящие себя просвещенными жители больших городов, в том числе государственные органы, постепенно додумались и начали исследовать эту таинственную, живущую своей жизнью, отдельную от них Россию. И как, и насколько в этот процесс вмешивалась цензура и отношения с государством (14.03.2023)[5].

После лекции, рефлексия:

Поиски «подлинного дохристианского смысла русского фольклора» — частая штука. Иногда приходится, увы, конфликтовать на этой почве. Как-то неоязыческая дама попросила мои полевые записи сказок, чтобы «рассказать всю правду об обрядах, связанных с козой». Я отказала (поборов внутри неудобство) — не хочу отдавать в жертву неведомым теориям слова людей, которые вообще не это имели в виду. Имею в виду моих информантов. Не хочу делать их объектами интерпретации (31.12.2024)[6]

Послесловие к циклу святочных лекций о волшебной сказке:

Надо сказать, проект состоялся. Сложились и научно-исследовательские инсайты о сюжетах о Снежурочке и Морозке, и волшебно-сказочные. Про научное уже писала, так что напишу про волшебное. Мы складывали свои сказки-навигаторы про героев, которые проходят испытания и перерождаются в логике волшебной сказки. Я свою сказку потом рассказывала домашним. Кое-кто сложил в ответ свою и нашел в ней для себя важную метафору про неведомое будущее и устремления (17.01.2025)[7].

Анонс лекции в музее «Новое старое»:

Готовлю лекцию. Достала сборник трудов Императорского общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии 1904 г. — выгулять старичка. Свожу книгу в Воздвиженское сегодня, покажу слушателям библиографическую редкость. Легендарные там статьи: отчеты Маркова о записи былин на Зимнем берегу Белого моря (широко известные в узких кругах, ткскзать) (01.02.2025)[8].

[5] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/116

[6] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/439

[7] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/471

[8] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/526

Пост-размышление:

> Я обычно внутренне вздыхаю в ответ на очередной запрос прочитать лекцию «про леших или заговоры». Это при том, что моя диссертация, например, посвящена как раз заговорам. Ну, потому что для меня сам этот запрос как будто сводит Атлантиду крестьянской культуры к формату «страшных историй». Из всего возможного разнообразия того мира извлекается хайповое содержание, которое щекочет воображение современному человеку (10.09.2025)[9].

Тексты отражают некоторые ситуации, в которых я как лектор регулярно оказываюсь: поиск удачной темы, участие в открытой публичной дискуссии, рефлексия и эмоциональные переживания по поводу состоявшихся лекций, вопросы самоопределения. В этом разделе мне хотелось бы остановиться именно на последнем блоке — на рефлексивных вопросах о собственной идентичности и тех ответах, которые мне удалось найти. В процессе лекторского становления мне оказалось необходимым определить «научность», «академичность», собственный подход и границы прежде всего для самой себя: на каких основаниях и базовых принципах стоит моя экспертность как лектора? Что я «продаю» и на что приглашаю слушателей? Неожиданно выяснилось, что это очень непросто. Будь я аффилированным исследователем, сам факт принадлежности к сообществу, вероятно, мог бы сгладить необходимость поиска «научности», оснований для «экспертности». Но отсутствие аффилиации стало тем обстоятельством, которое сделало этот поиск лично значимым, и именно обсуждения лекций стали «площадкой» для него.

Исходно для меня было самоочевидным, что есть те самые «мы», «ученые», и есть наш объект — «деревенские» или «городские» «простые люди» и их поверья и представления. В моем первоначальном представлении эти же люди составляли аудиторию научно-популярных лекций. И такое видение, несомненно, напрямую влияет на взаимодействие между лектором и его «наивной» аудиторией, потому что в этой логике лектор является просветителем, миссионером, владельцем «правильной» картины мира[10]. Наталья Петрова, описывая акторов, вовлеченных во взаимодействие вокруг фольклорно-этнографических тем и материалов, указывает, что академические эксперты в этой области позиционируют себя как «хранителей/стражей настоящего, правильного, научного понимания фольклора и мифологии» (*Петрова* 2025: 10).

Но постепенно для меня стало очевидно, что границы между «нами» (учеными) и «ими» — теми, чью жизнь мы исследуем и кто приходит слушать «наши» лекции — на самом деле трудно провести. Например, оказалось, что академическим исследователям не чуждо то, что позитивизм бы определил как «иррациональная картина мира»: есть немало статусных этнографов, которые верят в народную магию и практикуют ее. Те, кто исследуют песни, поют их и искренне рассказывают о собственных эмоциях при пении. Этно-

[9] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/805

[10] Я не буду здесь обсуждать, почему научная картина мира, с моей точки зрения, правильная. Я просто постулирую ее как точку отсчета, объяснив это особенностями собственной биографии (см. раздел «Автобиографический контекст»).

графы с удовольствием готовят традиционные блюда и учат этому других. С другой стороны, среди слушателей встречаются люди, глубоко погруженные в специфические этнографические темы и владеющие ими на практике гораздо детальнее, чем о них рассказывают теоретические академические труды. Стало ясно, что границы между «мы» и «они» не соответствуют разделению на «человека с университетским образованием и ученой степенью» *vs* «простых людей».

При этом для меня остается бесспорно академическим и академичным само исследовательское сомнение, соответственно, готовность признать собственное незнание, ограниченность знания, а также опора на четко обозначенные источники. Это то, что, с моей точки зрения, отличает ученого от «лжеэксперта», а также «наивного знатока», который претендует на то, чтобы объяснить все и стремится к этому. Это та граница, с помощью которой я отделяю «научное» и «экспертное» от недостаточно глубокого мнения, пусть даже высказанного популярным человеком с академическим образованием.

Достаточно простым способом определить для себя границы научного и выстроить собственную позицию было бы «профессиональное» воспроизведение концептуальных и методологических университетских рамок и моделей — если бы они сохранили свою актуальность после аспирантуры. Но ни «жанровая классификация», ни «устность/вариативность/анонимность» уже не годились, ибо, как я писала выше, они были деконструированы изнутри самой науки. Кроме того, в такой постановке вопроса понимание фольклора оказывалось настолько узким, что массовому слушателю оно становилось совершенно неинтересным.

Постепенно, пробуя и применяя различный исследовательский инструментарий, я пришла к пониманию: вне конкретной научной школы концептуальная рамка может быть выбрана произвольно. И выбор этот определяется разными факторами: и самим материалом (точнее, научной традицией анализа того или иного материала), и личными предпочтениями, и институциональной принадлежностью, которая внутри научного сообщества становится признаком «своего».

Из исследовательских инструментов, которые можно использовать для анализа этнографических фактов в неакадемической аудитории, я могу назвать представление о вариативности и локальности фольклора, а также структуралистский и этнолингвистический инструментарий: например, выделение сюжета и мотивов или интерпретацию обрядовой практики как семиотической системы. Правда, семиотический подход я применяю с большими оговорками, так как идея «прочтения», «поиска обозначаемого» выглядит для «массового слушателя» настолько естественным эпистемологическим ходом, что порождает целый вал интерпретаций в стиле «найди настоящий смысл» и тем самым открывает безграничные возможности для разнообразных домыслов. Есть и отдельные терминологические «реликты» фольклористики, которые удобно использовать вне академических границ. Например, жанровая классификация традиционной фольклористики не работает, но дихотомия «быличка *vs* сказка» или типология «сказки о животных, бытовые, волшебные», или выделение кумулятивных сказок удобны непрофессиональным слушателям, потому что они позволяют ориентиро-

ваться в эмпирическом материале и коррелируют с интуитивно понятной прагматикой этих текстов.

Вольный лектор: ученый в открытом космосе

В этом разделе я хотела бы остановиться на противоречиях и внутренних конфликтах, которые возникают между собственным стремлением выдерживать академичность и деятельностью академического лектора в неакадемической среде. Последняя предполагает ряд умений и требований, как сближающих, так отличающих ее от работы преподавателя вуза или других образовательных учреждений.

Чтобы слушатели пришли на лекцию, мне как лектору и ведущей телеграм-канала нужно позаботиться о целом ряде организационных и содержательных обстоятельств: о привлекательности и доступности темы лекции, ее адекватности политике и стилю площадки, подготовке анонса (включая визуальное оформление) и системности анонсирования, а также, конечно, о манере подачи материала в ходе самой лекции. В случае академического лектора организационные усилия отчасти снимаются, отчасти ложатся на образовательную организацию, которая осуществляет набор студентов и организует регулярные занятия. А вот необходимость содержательно «соответствовать» в академии столь же актуальна, как и у публичного лектора, хотя сами требования отличаются: научная новизна, использование определенной концептуальной рамки, соответствующей той, которая принята в конкретном сообществе или институции, а иногда и выбор темы — все это регламентирует любое академическое выступление.

Важно отметить, что в академическом мире эти условия работы явно обозначены и потому достаточно быстро становятся понятны всем вовлеченным: от студентов до состоявшихся ученых. В публичном поле они не столь очевидны. Несовпадение собственного контекста и контекста аудитории регулярно порождало (и все еще иногда порождает) у меня ощущение содержательной неудовлетворенности. При этом сама ситуация выхода в «открытый космос» ожиданий, не оформленных общей академической рамкой, вносит, как я уже писала, в эту деятельность необходимость внимательно и непрерывно исследовать сам запрос на тематику лекций «про фольклор» и те площадки, где эта тематика уместна и интересна. Способами изучить этот запрос и лучше понять слушателей становятся наблюдение за аудиторией и разговоры после лекции, а также в комментариях канала. Объектом моего наблюдения оказываются представления слушателей о прошлом и традиции, о деревне и крестьянской культуре. Еще один способ понять «правила игры» — это практика, то есть собственное взаимодействие с организаторами лекций. В этом взаимодействии ценой неправильной интерпретации может стать отмена мероприятия (такие случаи тоже бывали). Возможно, здесь стоит провести институциональную параллель между отменой публичной лекции или расторжением договора между лектором и площадкой и непродлением контракта между преподавателем и вузом.

Расхождение, конфликт между «экспертной, научной» и «бытовой, наивной» картинами мира часто приводит к жарким дискуссиям между мной и слушателями. Пытаясь утвердить свое понимание фольклорно-

этнографического материала как верное и научно-аргументированное, я прихожу к необходимости делиться не только результатами исследовательского поиска, но и подробно говорить о подходах и методах, которые к этим итогам приводят. Таким образом, закономерно, что на лекциях я рассказываю не только «про фольклор», но часто затрагиваю историю собирания фольклора и науки. Это особенно важно еще и потому, что многие гипотезы, до сих пор существующие как интуитивные бытовые взгляды, наука проработала и отвергла. Это относится, например, к пониманию историчности фольклора. С точки зрения «массового слушателя»: легенды, предания, былины и даже сказки по умолчанию являются отражением исторических событий и воспринимаются как возможный источник «настоящих» данных о других эпохах. А в фольклористике как науке концепции исторической школы — это пройденный этап.

В этом процессе привлечения слушателей специфичность и узость тем, интересных и привычных мне как академическому исследователю, вступают в конфликт с необходимостью выбрать широкую и достаточно известную, привычную тему и изложить ее в доступной и увлекательной манере. Таким образом, в противоречии с запросом слушателей оказывается сама академичность подхода, которая, как уже отмечалось, предполагает четко очерченные рамки работы и определенный отрефлексированный методологический подход. Запрос слушателей, напротив, часто связан с желанием получить доступную и универсальную «картинку-объяснение». Моя внутренняя максима: «Говори уверенно только о точно известном и доказанном; подозревай неточности и искажения; проверяй данные и способ их получения; признавай границы собственного знания» — мешает мне поддерживать имидж «всеведущего» эксперта, готового дать ответы на любые вопросы. Она заставляет меня бесконечно указывать на несоответствия и недостаточность данных в тех вольных интерпретация, которые так дороги слушателям лекций «про фольклор».

Рамка просветителя задает еще одно тонкое различие между путем исследователя, погружающегося в тему, и ролью лектора-популяризатора. Оно связано с возможностью развития темы, содержательного углубления и, как следствие, того, что можно отнести к «научной новизне»[11]. В популярной лекции не находится места ни для «новизны» в нюансировке собственных взглядов, ни для «новых» разработок все более абстрактных моделей или для размышлений о том, насколько они релевантны материалу: если материал сложен, то слушатель не понимает, о чем идет речь, и уходит неудовлетворенным. Но, как бы то ни было, в деятельности просветителя максима «новизны» выглядит так: материал должен быть новым для слушателя, но не для лектора. Для лектора сменяется не тематика, а аудитория. И в силу того, что моя работа как просветителя имеет образовательный характер, мне необходимо каждый раз в новой аудитории совершать один и тот же пропедевтический шаг: работать со «стереотипами» о фольклоре, с ожиданиями «среднего» слушателя, с общепринятым «массовым» (не)знанием.

[11] Конечно, нужно еще разобраться с тем, как устроено и как работает требование научной новизны в Академии. Здесь много своих допущений. Часто оно выхолащивается, входя в противоречие, например, с публикационными KPI. И, конечно, далеко не всегда поиск нового приводит к углублению в одну тему. Скорее, чаще можно видеть, как он ведет к расширению понимания самого поля, его предметных границ, к поиску новых тем.

Что такое «настоящий фольклор». Между внутренними императивами и маркетинговыми вызовами

После лекции, рефлексия:

Так что во вторую очередь мой «настоящий фольклор» строится в соответствии вот с таким «кодексом буси-до»:

А) рассказывая про «настоящий фольклор», надо помнить, что это все равно мои «истории про фольклор», а не сам фольклор. Эти истории не равны жизни, а являются ее отпечатком/отголоском/фотографией. Это касается любых «историй про» — все это «истории про», не больше, но и не меньше.

Б) всегда надо выкладывать слушателю на стол источники (или, по крайней мере, иметь свое четкое понимание, на каких источниках я сложила конкретную историю) (21.04.2024)[12].

Я была уверена, что даже в позиции публичного лектора мне удается сохранять академическую беспристрастность и ориентацию на «поиск научной истины» — таковы были мои неосознаваемые этические нормы. И для меня стало открытием, что в собственных анонсах я довольно регулярно использую такие слова и выражения, как «настоящие», «те самые», «без цензуры», «естественная среда», «вольные», «дикие» применительно к народной культуре и ее проявлениям (сказкам, колыбельным, мифологическим представлениям). Это выглядело как самореклама и противоречило внутренним установкам.

Моя автоэтнографическая рефлексия поставила передо мной несколько вопросов: идет ли в данном случае речь именно о стилистической неакадемичности, связанной с работой в публичном поле и необходимостью привлекать слушателей, или же здесь вскрылись какие-то содержательные противоречия? О какой «настоящести» я рассказываю, что хочу сказать, когда пишу «те самые»?

Некоторые публичные блогеры-антропологи используют словосочетания «настоящий фольклор» или «вся правда о таком-то обряде» как устойчивые. Например, антрополог Александра Архипова[13] в одном из постов в своем канале «(Не)занимательная антропология» пишет:

Вся правда о Мокоши: нормальные книги по славянской мифологии. Комментаторка Марина (приславшая фотографию в потрясающем кокошнике) сказала, что она сделала кокошник с рогами, потому что кокошник — это языческое посвящение богине Мокоши, и так, собственно, и было в дохристианские времена. Мои слабые возражения, что это не выдерживает никакой критики, не были услышаны. На мои просьбы указать научный источник мне прислали сначала одну публикацию из интернета, а потом вторую — с сайта «Культура. РФ». И тут я в очередной раз поняла, что люди не знают совсем, что значит научная литература, и приравнивают к ней любую публикацию в интернете. И я решила написать список достоверных

[12] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/224

[13] Признана иноагентом.

научно-популярных и научных книг по славянской мифологии и ритуалам, а также кратко объяснить, как ими пользоваться[14].

В других постах этого канала можно найти анонсы лекций или постов с такими названиями: «Откуда пошли тещи? Вся правда про амазонок: новые и старые представления об эволюции женщин»[15]; «Кутья, или вся правда об этой рождественской еде»[16]; «Вся правда о дне святого Валентина»[17]. В этих заголовках «вся правда» звучит публицистично, но за этой броской продающей формулировкой стоит апелляция к научной литературе, которая и позволяет «развенчивать мифы», оставаясь в рамках академической картины мира.

Говоря о фольклоре, я отдаю себе отчет в том, что я (мы) знаем лишь о некоторых явлениях народной жизни, потому что опираемся на корпус материалов, записанных в определенный период в определенном месте. И, конечно, помимо времени и места записи известный нам материал ограничен и отфильтрован самим способом записи: «программы сбора материалов» и вопросники университетских экспедиций, записи отдельных энтузиастов — все они снимают какой-то свой срез этнографической реальности. И даже совмещая разные источники, мы всегда получаем лишь условно стереоскопическую картинку «народной жизни», которая оставляет много темных мест и возможностей для додумывания. Таким образом, ученый просто не имеет права заявлять о «лекции о настоящих сказках».

Но у этого словосочетания есть и другие оттенки значений. «Тот самый» — это не только подлинный, это еще и «интригующий», возможно, «недоступный», тот, о котором «вы не знали раньше». Это конструкция ожиданий, в которую традиционный фольклорный материал идеально ложится. Для «наивного слушателя» он существует как потаенное знание, сохранившееся в «деревнях за Уралом». Его привозят из далеких и сложных экспедиций специальные люди, которые потом могут поделиться им. Соответственно, лекция о «настоящем фольклоре» — это, как уже было сказано, точный ход с точки зрения маркетинга.

Более того, для фольклористов именно деревенское поле в течение долгого времени тоже осмыслялось именно как «то самое», но не из-за его особенностей, а вследствие особенностей собственных установок. Е.А. Мельникова показывает, что такая парадигма восприятия сложилась в европейской научной традиции, в том числе в рамках социальной антропологии, и была глубоко воспринята и адаптирована советскими этнографами (и, добавим, фольклористами).

> Идеальное, желаемое, высоко ценимое поле <…> противопоставлено в антропологической практике «Дому» антрополога. «Поле» максимально удалено от «Дома» в политических, экономических и культурных координатах <…>. Условная деревня была «полем по умолчанию», тем самым «местом этнографической работы par excellence» (*Мельникова* 2025: 26).

[14] См.: сайт https://t.me/anthro_fun/3807

[15] См.: сайт https://t.me/anthro_fun/2681

[16] См.: сайт https://t.me/anthro_fun/3802

[17] См.: сайт https://t.me/anthro_fun/3896

И в этом ученые фольклористы и этнографы совпадают с «наивными слушателями».

Говоря о собственной лекторской практике, я могу констатировать, что на данный момент достигла внутреннего компромисса (хотя, возможно, работа над статьей нарушит этот баланс). С одной стороны, риторика «настоящего фольклора» действительно хорошо ложится на ожидания слушателей, и мне хотелось бы ее использовать, чтобы создавать яркое приглашение уже в самом анонсе. С другой стороны, мне не хотелось быть в конфликте с собственными установками. И я постепенно сформировала собственный формат, позволяющий легитимно, без ощущения продажи «ложного знания», приглашать на лекции о «настоящем» фольклоре. Ему посвящен следующий раздел.

Публичная лекция как пространство встречи с артефактами «той» культуры

После лекции, рефлексия:

> Кажется, для меня вот так: «настоящий фольклор» — это в первую очередь то, что мне говорит сам носитель традиции. Или что он делает. Окружающие его предметы. И поэтому лучшее, что я могу сделать на лекции, — поставить полевую запись. Но при этом те, кого я и все мои коллеги вместе взятые записали и чьи слова я теперь могу поставить — это всегда микроскопическая выборка. Все записанные сотни интервью — это ничтожно мало от миллиардов людей, живущих ныне и живших ранее в мире «русской традиционной культуры» (21.04.2024)[18].

Практика чтения лекций «про фольклор» во «внешнем» мире привела меня к приему, который, как кажется, позволяет примирить экспертную научную «истину» и бытовые «правды» тех слушателей, которые предлагают свои версии, гипотезы, ищут подтверждения «наивных» мнений. Острота конфликта между ними может быть снята в акте встречи с этнографической реальностью, точнее, с артефактами этнографической реальности.

Сделаю две уточняющие ремарки. Первое: под артефактом я понимаю здесь в первую очередь полевые записи (очень редко я использую также материальные предметы). Можем ли мы считать аудио- или видеозапись фольклорного текста артефактом устной культуры? Это интересный вопрос. Строго говоря, нет, поскольку сама запись не принадлежит к этой среде. Но при этом речь рассказчика, его манера и интонации, как и содержание записи, несомненно, обладают большей степенью аутентичности, чем адаптация, пересказ и тем более интерпретация той же информации исследователем. Второе: интересно проанализировать, что меняется между лектором и слушателем, когда в ситуацию их взаимодействия (коммуникации?) вводится запись. Запись оказывается авторитетом и своего рода медиатором: знакомство с ней создает эффект личной встречи и позволяет слушателю подкрепить соображения лектора собственными живыми впечатлениями (я опускаю тот факт, что сама по себе демонстрация записей не дает прямой достаточной

[18] См.: сайт https://t.me/zyb_kolyb/224

объективированности и аутентичности выводов лектора, потому что подбор записей осуществляется им самим).

Сейчас на этом приеме во многом строится мой способ подачи: я стараюсь в каждой лекции отводить время для демонстрации самого полевого материала: неадаптированных полевых записей из личных архивов и публикаций, в идеале в аудио- и видеоформате, которые дополняются фотографиями более далекого от нас периода (для фотографии это конец XIX — первая половина XX века). Демонстрация записей позволяет мне наглядно разделить материал и его интерпретацию и сделать это предметом обсуждения присутствующих; прокомментировать, как именно он был записан и обработан для публикации; отдельно остановиться на том, как он интерпретируется в науке (в разных школах), а иногда и в других сферах (например, в сфере психологической или педагогической практики, культуры и художественного творчества). Четкая атрибуция этих данных задает временные и пространственные границы явлений, о которых идет речь, и понижает вероятность неаргументированных и произвольных интерпретаций и обобщений в этом разговоре. Такой подход создает, на мой взгляд, более полную возможность встречи с «настоящим» фольклором, чем изложение той или иной концепции, объясняющей, как он «на самом деле» устроен.

Подлинность артефакта, пусть и ограниченная уникальностью и некоторой случайностью каждой конкретной записи, отчасти снимает даже вопрос об экспертности лектора, поскольку в пределе в таком случае лектор из эксперта становится хранителем в «музее устной истории», своего рода человеком-архивом. Но в реальности, конечно, обе позиции (и эксперта, и хранителя) важны и для слушателя, и для создания полноценной лекции.

Встреча с артефактом открывает для слушателей столь важную для них возможность не только слушать экспертное мнение, но также увидеть и услышать что-то личное. И в этой связи мне хочется написать заключительный абзац об эмоциях. В научной статье для этой темы не нашлось бы места, а в автоэтнографической, кажется, можно позволить себе такой каминг-аут. Лично для меня особенно прекрасными бывают такие обсуждения после лекций, которые дают возможность заглянуть в эти внезапно нахлынувшие живые воспоминания и мне самой выйти из позиции исследователя, чтобы разделить со слушателем собственную неотрефлексированную нежность к какой-то «той» прошлой деревенской или просто «старой» жизни. Эти комментарии звучат обычно примерно так (воспроизвожу в пересказе):

> …когда вы поставили запись колыбельной, я вспомнила свою бабушку. В детстве я часто ездила к ней в деревню, она нам вот так же пела. Эти интонации особенные… А еще, помню, она брала нас на поле, и мы там прятались от солнца прямо в снопах. И еще помню холодный квас из глиняного кувшина. Спасибо вам! (ПМА)

Когда каких-то моих слушателей, захваченных интонациями исполнителя на записи, укрывают воспоминания о далеких событиях и ушедших старинных людях, я бываю счастлива ощутить вместе с ними это минутное касание ветра, дующего прямо с полей золотого века, где трава была зеленее.

Сокращения

ПМА — полевые материалы автора

Литература

Мельникова Е. А. Парадигмы сельской антропологии: от этнографии в деревнях к этнографии деревни // Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости: сборник / ред.-сост.: Е. Мельникова, П. Куприянов, М. Лурье. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Общее место. 2025. С. 22–58.

Неклюдов С. Ю. Фольклор на «антропологическом повороте» // Фольклор и антропология города. 2018. № 1. С. 9–10.

Петров Н. В. Информант vs собеседник: что на самом деле хочет рассказать человек // Антропологический поворот в фольклористике. Материалы XX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии / ред.-сост. Н.С. Петрова, О.Б. Христофорова, М.С. Суханова. М.: РГГУ, 2020. С. 68–69.

Петрова Н. С. Вопрос эксперту: чего хотят от фольклориста организаторы и посетители научно-популярных мероприятий? // Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве. Материалы Межвузовской научной конференции в формате круглого стола / ред.-сост. М.В. Гаврилова, О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2025. С. 10.

Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. Т. 14. № 1. 2015. С. 224–227.

Федосова К. А. Заговоры в обряде первого выгона скота: принципы варьирования и стратегии текстопорождения в устной и письменной традиции. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Московский государственный университет им. Ломоносова. Москва, 2007.

Черванёва В. А. «Антропологический поворот» в фольклористике: взгляд на классификацию устной прозы в свете новой парадигмы // Шаги/Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 136–155. https://doi.org/10.22394/2412–9410–2021–7–2–136–155.

Чистов К. В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография / ред. Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1970. С. 3–15.

Ellis C., Adams T. E., Bochner A. P. «Autoethnography: An Overview» // Historical Social Research. 2011. № 36(4). P. 273–290.

Research article

Fedosova K. A. Scientist in «outer space» [Uchenyi v «otkrytom kosmose»] Anthropologies, 2026, no 1, pp. 26–45, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/26-45

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Fedosova K. A. | bigl2005@bk.ru | https://orcid.org/0009–0004–4686–1209 |

Candidate of Sciences (Philology), independent researcher.

Keywords: autoethnography; public lectures; folkloristics; traditional culture; fieldwork; public anthropology; popularization of science; anthropological turn; scholarly identity; field recordings.

Abstract

The article presents an autoethnographic study of the practice of delivering public lectures on folklore and traditional culture. The author, an independent field researcher, analyzes her own lecturing path from the early 2020s to the formation of a consistent strategy. The self-study draws on a corpus from her Telegram channel: lecture announcements, post-lecture reflections, and listener comments. The article examines the contradiction between academic frameworks and the demands of the public educational format: stereotypical audience expectations («folklore about folklore»), the need for simplification and the use of appealing rhetoric («authentic folklore,» «those very fairy tales»). It analyzes the scholar's self-definition outside academic institutions in conditions where the boundaries between «scientific» and «naive» knowledge are blurred. A methodological technique is shown that allows smoothing this contradiction: the inclusion of authentic field recordings in the lecture, which serves as a mediator between the lecturer's expert position and the listener's personal experience. The article fits into the discussion of the «anthropological turn» in folkloristics and the role of the scholar in the public sphere.

References

Chervaneva, V.A. 2021. «Antropologicheskii povorot» v fol'kloristike: vzgliad na klassifikatsiiu ustnoi prozy v svete novoi paradigm [The anthropological turn in folklore studies: A look at the classification of oral prose in the light of a new paradigm]. In *Shagi/Steps,* 7 (2), 136–155. https://doi.org/10.22394/2412–9410–2021–7–2–136–155.

Chistov, K.V. 1970. Fol'klor i etnografiia [Folklore and ethnography]. In *Fol'klor i etnografiia* [Folklore and ethnography], edited by B.N. Putilov, 3–15. Leningrad: Nauka.

Ellis, C., Adams, T.E., Bochner, A.P. 2011. «Autoethnography: An Overview». In *Historical Social Research*, 36 (4), 273–290.

Fedosova, K.A. 2007. Zagovory v obriade pervogo vygona skota: printsipy var'irovaniia i strategii tekstoporozhdeniia v ustnoi i pis'mennoi traditsii. PhD diss. abstract, Moscow State University.

Mel'nikova, E.A. 2025. Paradigmy sel'skoi antropologii: ot etnografii v derevniakh k etnografii derevni [Paradigms of rural anthropology: from ethnography in villages to ethnography of the village]. In *Derevnia kak tsennost'. Ideologii i praktiki novoi sel'skosti,* edited by E. Mel'nikova, P. Kupriianov and M. Lur'e, 22–58. |Moscow: Fond podderzhki sotsial'nykh issledovanii «Khamovniki'; Obshchee mesto.

Nekliudov, S. Yu. 2018. Fol'klor na «antropologicheskom povorote» [Folklore at the «anthropological turn»]. In *Fol'klor i antropologiia goroda,* I (1), 9–10.

Petrov, N.V. 2020. Informant vs sobesednik: chto na samom dele khochet rasskazat' chelovek [Informant vs interlocutor: what a person really wants to tell]. In *Antropologicheskii povorot v fol'kloristike. Materialy XX Mezhdunarodnoi shkoly po fol'kloristike i kul'turnoi antropologii,* edited by N.S. Petrova, O.B. Khristoforova, M.S. Sukhanova, 68–69. Moscow: Rossiiskii Gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

Petrova, N.S. 2025. Vopros ekspertu: chego khotiat ot fol'klorista organizatory i posetiteli nauchno-populiarnykh meropriiatii? [Question to the expert: what do the organizers and visitors of popular science events want from a folklorist?]. In *Fol'klor i mifologiia v nauchno-populiarnom prostranstve. Materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii v formate kruglogo stola*, edited by M.V. Gavrilova, O.B. Khristoforova. Moscow: Rossiiskii Gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

Rogozin, D.M. 2015. Kak rabotaet avtoetnografiia? [How autoethnography works?]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 14 (1), 224–227.

© К.М. Королев, Н.С. Петрова, Н.Н. Рычкова, Д.А. Трынкина, Г.Ю. Устьянцев, О.Б. Христофорова

«Фолк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых

Ключевые слова: фольклор, фольклористика, массовая культура, публичная антропология, производство знания, мифология, популяризация.

Интервью посвящено современной русскоязычной научно-популярной литературе по фольклору и этнографии. Его участники — академические исследователи, авторы научно-популярных книг — делятся своим опытом в этой области. Среди обсуждаемых вопросов: причины роста читательского интереса к фольклору и особенности современного читательского запроса, специфика презентации научного знания для широкой аудитории и сложности переключения между академическим и научно-популярным стилями письма, взаимодействие с издателями и проблема экспертности. Ответы участников опроса приоткрывают немало подробностей современного «фольклорного просвещения», его особенностей и перспектив.

Королев Кирилл Михайлович – к. филол. н., независимый исследователь. E-mail: cyrilkorolev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8831-2970

Петрова Наталья Сергеевна – к. филол. н., ст. н. с. Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, зав. кафедрой культурологии и социальной коммуникации РАНХиГС. E-mail: pena.talya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6514-5601

Рычкова Надежда Николаевна – к. филол. н., ст. н. с. Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС, отв. секретарь журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика». E-mail: nadya.vohman@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5516-1643

Трынкина Дарья Александровна – к. ист. н., ст. н. с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доц. Учебно-научного института антропологии и этнологии РГГУ, редактор англоязычных текстов журнала “Фольклор и антропология города” (ШАГИ ИОН РАНХиГС). E-mail: gamagadoki@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6432-204X

Устьянцев Герман Юрьевич – к. ист. н., ст. преподаватель кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, с. н. с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: ustyan-93@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0655-3127

Христофорова Ольга Борисовна – д. филол. н., директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, проф. Института антропологии и этнологии РГГУ, в. н. с. Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС. E-mail: okhrist@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5041-2335

Для цитирования: Королев К.М., Петрова Н.С., Рычкова Н.Н., Трынкина Д.А., Устьянцев Г.Ю., Христофорова О.Б. «Фолк-просвет»: научно-популярная литература о фольклоре в оценках авторов-ученых // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 46–71, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/46-71

Данная статья, в части Н.Н. Рычковой, подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС. This article, authored by N.N. Rychkova, was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Сегодня полки книжных магазинов и витрины маркетплейсов пестрят научно-популярной литературой, хотя еще совсем недавно, десятка полтора лет назад, представить такое было попросту невозможно — коммерческие издатели не понимали «товарного потенциала» такой литературы и, как следствие, не торопились ее издавать, отдавая предпочтение разнообразной «художке». Но, ориентируясь на мировые тренды, они все же начали осторожно пробовать новый сегмент рынка — и, можно сказать, постепенно увлеклись: если в 2012 г., например, еще звучали слова о необходимости «поиска ненасыщенных сегментов», то уже в 2019 г. на очередной книжной ярмарке представители ведущих отечественных издательств констатировали «торжество non-fiction», имея в виду прежде всего научно-популярную литературу (подробнее об этом см.: *Королев* 2026)[1].

Конечно, поток научпопа чрезвычайно многообразен: в этой рыночной нише конкурируют за внимание читателя как естественнонаучные книги (физика, химия, биология), так и гуманитарные и социальные исследования. Но даже в этом многообразии «фольклорный след» отчетливо различим: научно-популярные тексты по фольклористике, прежде всего русской, публикуются многими издательствами и пользуются устойчивым читательским спросом. При этом не следует забывать, что издатели и публика — не единственные коллективные участники процесса «фольклорного просвещения». Самостоятельным и полноценным звеном здесь выступает автор-эксперт, роль которого в условиях современной конкуренции за внимание аудитории приобретает особое значение. От автора требуется рассказывать о фольклоре не просто содержательно, а доступно и увлекательно, чтобы его текст просвещал и развлекал, порождал новое знание и при этом не давал заскучать неподготовленному читателю. Кроме того, сегодняшний популяризатор вынужден примерять на себя в массовой культуре и медиасреде сразу несколько профессиональных и социальных ролей: писателя-«текстовика», рассказчика в подкастах и видео, лектора, комментатора, интерпретатора и даже актера — оставаясь при этом человеком науки. Насколько легко дается академическим исследователям это совмещение разных ролей, какие трудности возникают в процессе, как они преодолеваются и как в целом авторы оценивают свой опыт в сфере «фольклорного просвещения» — об этом мы поговорили с представителями академического сообщества, известными также своими научно-популярными работами.

Настоящая статья продолжает разговор о внеакадемической деятельности антропологов, этнографов и фольклористов, начатый в предыдущем номере журнала форумом, посвященным антропологическим телеграм-каналам (*Алексеевский и др.,* 2025), и выполнена в том же формате. Вопросы авторам сгруппированы в тематические блоки, а ответы на них — откровенные и не всегда комплиментарные для других участников «фольклорного просвещения» (издателей и читателей) — раскрывают, как кажется, многие тонкости нынешнего производства «поп-фольклора» и дают немало поводов к рефлексии о производстве, распространении и качестве коллективного знания в эпоху господства массовой культуры.

Кирилл Королев

[1] См. в готовящейся статье: *Королев К. М.* Коммерческий издатель и фольклорный текст: современные издательские стратегии в массовой культуре // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026.

Участники форума:

Кирилл Королев — автор научно-популярных книг «Нечистая сила: темные духи русского фольклора» (М.: КоЛибри, 2024), «Богатыри земли Русской» (М.: КоЛибри, 2024), «Современное язычество: люди, история, мифология» (СПб.: Азбука, 2025), «От Лукоморья до Буяна. Атлас русской фольклорной географии» (М.: КоЛибри, 2026) и других;

Наталья Петрова — автор научно-популярных книг «Страшный, таинственный, разный Новый год» (М.: МИФ, 2023, вместе с Н. Рычковой); «Мифы народов России для детей» (М.: МИФ, 2024), «Славянские мифы» (М.: РОСМЭН, 2026);

Надежда Рычкова — автор научно-популярных книг «Страшный, таинственный, разный Новый год» (М.: МИФ, 2023, вместе с Н. Петровой), «Русские праздники и традиции» (М.: МИФ, 2025), «Русская Масленица» (М.: МИФ, 2026, вместе с В. Комаровой);

Дарья Трынкина — автор научно-популярных книг «Японская демонология» (М.: Ломоносовъ, 2021), «Культура екай» (М.: Альма Матер, 2024);

Герман Устьянцев — автор научно-популярной книги «Демонология Урала и Поволжья. Зловредные чуды, духи-кереметы и банный староста» (М.: Бомбора, 2025);

Ольга Христофорова — автор научно-популярных книг «Мифы северных народов России» (М.: МИФ, 2023, 2-е изд., испр. и доп. 2025), «Шаманы северных народов России» (М.: МИФ, 2025).

— Как Вы пришли к написанию фольклорного научпопа?

— Вами двигало скорее собственное желание или внешний запрос?

— Кем Вы воспринимаете себя в роли автора популярной книги в первую очередь — писателем, ученым или журналистом?

— Что, на Ваш взгляд, важнее для автора научно-популярной книги: глубокие знания и научная специализация по теме или литературные навыки и умение излагать материал доступным языком?

— Необходимо ли автору подтверждать свою экспертность в глазах широкой аудитории через другие медиа, не только через книги?

— Если текущая издательская политика завтра вдруг поменяется и окажется, что фольклор перестал быть востребованным, продолжите ли Вы свою деятельность в качестве автора фольклорного научпопа (возможно, через другие медиа)?

Кирилл Королев

Мой путь в научпоп получился двояким, если угодно. После окончания первого института (будущего РГГУ), в «лихие 90-е», передо мной встал выбор: полуголодная аспирантура и дальнейшая научная карьера — тоже сомнительная с точки зрения «нормальной» жизни, или гарантированный кусок хлеба в коммерции, а именно в издательском бизнесе. Тогда я выбрал второе и в итоге отдал коммерции два с лишним десятка лет — не только как издатель, но и как переводчик, и как автор. Писать и рассказывать хотелось с детства. И с детства же оформился интерес к мифологии и «сверхъестественной» стороне фольклора, так что в те самые 90-е, когда возник спрос на всякую «чертовщину», а на наш книжный рынок хлынуло переводное фэнтези, мне показалось удачной идеей предложить знакомому издателю нечто вроде справочника по «мифическим существам», которые встречались в переводах. Так родилась первая книга, за которой последовали и другие. Науку при этом я окончательно не забрасывал, опирался на научные исследования коллег, когда готовил свои тексты, но полноценно вернуться к ней получилось уже гораздо позже. Сейчас, конечно, я смотрю на свои ранние работы довольно скептически, однако нельзя сказать, что они откровенно слабы: чувствуется, безусловно, недостаток собственного исследовательского поля, хотя и греет мысль, что эти тексты с их немалыми тиражами (около 40–50 тыс. экземпляров в совокупности) были среди первых опытов постсоветского фольклорного научпопа. Сегодня я пишу иначе по содержанию, но ранние сочинения научили, смею надеяться, нужному тону и правилам «упаковки» материала в книгу. Между «бойким пером» и научной специализацией выбор, как мне кажется, прост: автор научпопа должен, во-первых, иметь не поверхностное, а хотя бы углубленное представление о той области знаний, которую раскрывает для читателя его текст, причем представление актуальное, не полувековой давности; во-вторых, должен соблюдать научную добросовестность, ни в коем случае не увлекаться «альтернативными» теориями — их, как мы знаем, в поп-фольклоре предостаточно — и не позволять собственным убеждениям брать верх над академической беспристрастностью. Зачем множить ложные сущности коллективного знания, которых и без того хватает? Со стилистикой же, если человеку не дано писать «на потребу публике», поможет литературный редактор — точно знаю, что вопреки всем причитаниям по поводу вымирания этой профессии, такие люди в издательствах еще есть.

В моих ближайших планах на несколько лет вперед — не одна научно-популярная книга, даже при том, что нынешняя медиасреда диктует не столько текстовое, сколько аудиальное и визуальное потребление. Вместе с издателями мы экспериментируем с разными формами репрезентации текста и, думаю, сумеем добиться результатов, полезных для всех — для читателя, зрителя, слушателя, коммерции и автора.

Наталья Петрова

Моя первая и последующие книги начались с предложений со стороны издательств или потенциального соавтора. То есть для меня фольклорный научпоп — это внешний запрос, к которому возник внутренний отклик. В его основе — восприятие себя как «переводчика» с точного, но часто «нечитабельного» языка науки на формат, более понятный массовому читателю.

Понимаю автора фольклорного научпопа как медиатора между научными знаниями и любопытством широкой аудитории к темам фольклора и мифологии. В принципе, этим объясняется и мое участие в других способах популяризации фольклористики (публичные лекции, комментарии СМИ). И здесь есть прямая связь с основной сферой деятельности — вузовским преподаванием. Все эти форматы мне кажутся объединенными общей идеей трансляции сложных смыслов более простыми словами. И, если не смущаться излишней патетикой, то и социальное значение всех этих действий очень близкое (просвещение). Поэтому могу сказать, что в любом случае буду продолжать свою деятельность как автора фольклорного научпопа в том или ином виде.

По моим ощущениям, более продуктивно в научно-популярную литературу конвертируется не столько академическое знание как таковое, сколько уже имеющийся опыт его трансляции в процессе преподавания (в частности, подготовка и чтение лекций разным, часто непрофессиональным, аудиториям).

Надежда Рычкова

Все произошло случайно. В мае 2022 г. мне написала шеф-редактор направления «Культура» издательства «Манн, Иванов и Фербер» и предложила выпустить книгу о новогодних и рождественских традициях. Узнала она обо мне, послушав эфир на «Маяке» о символах Нового года. Сегодня просветительскую деятельность так или иначе ведут многие ученые: нас регулярно зовут на телевидение и радио рассказать про фольклор в широком смысле. Это наша реклама. Менеджер проекта может послушать, о чем ты говоришь, как ты говоришь, понять, подходит ли человек для проекта, куда его можно позвать: писать книгу, читать лекцию, сопровождать фильм.

Я не считаю себя писателем — в аннотациях к книгам указываю: «автор научно-популярных книг». И когда организаторы мероприятий называют меня писателем, включается синдром самозванца. Для меня писатель — это прежде всего создатель художественной литературы. Я исследователь, который научился рассказывать о своих открытиях не только специалистам, но и широкой аудитории.

Для меня специализация автора важнее его литературных умений. Тут вопрос даже не в узких темах, а в науке в целом. Если человек профессиональный фольклорист (этнограф или антрополог), который написал диссертацию, допустим, о свадьбе, но его научно-популярная книга о похоронах — можно брать. А если автор — искусствовед и никогда не бывал в поле, пишет книгу про славянскую магию? Тут должна быть тонкая работа издательства — по-хорошему, оно должно указывать в аннотации, какие материалы использованы в книге: исторический это экскурс или полевые записи. Но издание книг — это прежде всего бизнес. Продать книгу помогает название — делают его максимально кликбейтным. А за этим — «не самая настоящая история магии» или, как минимум, «неполная». Все что касается фольклора, на мой взгляд, должно быть написано полевым исследователем. Не был в поле — не можешь писать на эту тему. Причем поле необязательно должно быть «классическим», то есть деревенским. Исследования можно проводить в городе или даже в интернете. Но именно наблюдение за фольклорной или постфольклорной традицией позволит понять, как она функционирует.

Литературные навыки без полевого опыта и научной базы — всего лишь упаковка, за которой может не быть содержимого. А вот хорошая специализация при редакторском участии даст хорошую книгу. Поэтому для меня важнее — быть экспертом.

Вообще, если автор берется писать книгу — он уже должен быть экспертом. В идеальной картине мира издательства должны приглашать к сотрудничеству только экспертов. Как правило, авторы-эксперты появляются сразу в нескольких медиа. Привлечение так и работает: засветился в одном медийном проекте — и тебя зовут во второй, третий, четвертый. Но нельзя исключать сознательный отказ от любой медийности — это нормальное решение, если учитывать, как многие журналисты обходятся с материалом.

Я буду писать о фольклоре всегда — формат для меня совершенно неважен. Если не будут интересны популярные тексты, сосредоточусь на научных. У меня нет цели подстраиваться под вкусы общества — браться за популярные книги не своего, но трендового направления точно не стану.

Дарья Трынкина

Честно говоря, непосредственной причиной обратиться к научно-популярному жанру для меня стал Сергей Александрович Арутюнов. Когда я только устраивалась в институт, наши разговоры с ним постоянно заканчивались тем, что мне нужно издать мой диплом. Идея издать диплом меня смущала, но научный руководитель был неумолим, да и у меня, честно признаться, болела душа за этот текст: я писала диплом с большой любовью, и резкая смена темы для диссертации оставила ощущение, что этот кусок жизни повис в воздухе. Я решила тогда, что мечты юности нужно воплощать. С большим скептицизмом перечитав свою рукопись и вычеркнув все упоминания Леви-Брюля (теперь никто не догадается, что он там был), отправила ее в издательство, которое мне очень нравилось. Мне повезло (неслыханно, как я уже потом поняла): у издательства как раз освободился слот и книгу достаточно быстро издали. Однако еще до выбора издательства мне уже было понятно, что студенческий диплом никак не тянет на серьезное научное исследование. А вот для научно-популярного издания — вполне! Отсюда, собственно, и выбор жанра, и платформы для публикации.

Кстати, об актуальности. Когда я защищала свой диплом, а это было пятнадцать лет назад, тема ёкай в России была не слишком популярна и никому особенно не интересна. За эти годы все сильно изменилось: появились книги и отечественных авторов, и переводные, и даже на русском языке вышла энциклопедия ёкай Торияма Сэкиэна XVIII века. Сейчас эта тема резко стала актуальной. Однако мне всегда казалось, что заниматься нужно тем, к чему лежит сердце, поэтому даже если ситуация изменится снова, я просто буду делать то, что приносит мне радость. Потому что денег это не приносит в любом случае.

Герман Устьянцев

Фольклорным научпопом интересовался с детства, с начальной школы, наверное. Сначала увлекался древневосточными сюжетами и античной мифо-

логией, затем скандинавской. Потом читал книги о фольклорных традициях славян, финно-угров, народов Сибири, а также различные энциклопедии. Это было начало нулевых. Интерес СМИ и общественности ко всему загадочному, мистическому и мифологическому был очень высоким. У меня была серия книг в красивых светлых суперобложках издательства «Эксмо»: «Русская мифология», «Кельтская мифология» и другие. Помню, большое впечатление на меня произвела работа «Мифы финно-угров» В.Я. Петрухина. В университете я выбрал историческую специализацию, связанную с изучением этнических традиций. Тогда же начались полевые экспедиции, и там снова фольклор — сегодняшний, актуальный. Информанты неизбежно начинали рассказывать нарративы о колдовстве, «нехороших местах». Наконец, уже совсем взрослым, я начал активно читать отечественных семиотиков и получил образование в магистратуре Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Таким образом, фольклорно-мифологическая тематика как будто сопровождала меня достаточно долго. Неожиданно поступило предложение от издательства «Бомбора» написать книгу про демонологию Урало-Поволжья. Так я попробовал себя в научно-популярном жанре — поводом стал внешний запрос.

Работая над научно-популярным текстом, я осознаю себя скорее писателем. Ученым, возможно, тоже себя считаю, но это уже вторично. Для себя я разделяю эти компетенции: написание научно-исследовательской работы и популярного текста. Часто сталкивался с мнением, что литературные навыки и понятный литературный язык — это самое главное в научно-популярной работе. Я думаю, что это не так. Современный читатель имеет доступ к огромному количеству источников, посвященных этническим традициям. Многие потребители научпопа глубоко вовлечены в мифологическую тематику. Покупая книгу, они ждут не только увлекательное повествование, но и научную интерпретацию. Читателям важны экспертные мнения и теоретические обобщения — их можно и нужно знакомить с некоторыми концепциями. Важно при этом, разумеется, соблюдать законы жанра, использовать доступный язык описания, уметь писать просто о сложном. Это помогает читающим по-новому осмыслить уже часто знакомый фольклорно-мифологический материал.

Публичные выступления автора важны, но, как мне кажется, не с точки зрения доказательства его экспертности. Во-первых, участие в подкастах и публикации в интернет-медиа помогают в продвижении книги. Во-вторых, некоторым читателям интересна «внутренняя кухня»: история создания книги и личное отношение автора к описываемым феноменам.

Если популярность фольклорного научпопа сойдет на нет, как и интерес издателей к этой теме, не уверен, что буду в дальнейшем реализовываться в этой сфере. Возможно, смогу интегрировать полученные опыт и знания в исследовательскую деятельность. Область моих этнографических интересов тесно связана с мифологией финно-угорских народов — буду продолжать работать в этом ключе. Сейчас спросом пользуются интернет-ресурсы, посвященные популяризации фольклорных традиций: демонологии, эпоса, городских легенд и пр. Честно говоря, не являюсь активным потребителем научно-популярного контента в сети (что не очень хорошо) и не вижу себя его автором. Не исключаю при этом, что в будущем что-то изменится.

Ольга Христофорова

Честно говоря, я никогда не выступала инициатором научно-популярных проектов, в которых участвовала (лектории на «Постнауке» и «Арзамасе», отдельные лекции для детей и взрослых, публикации в СМИ и т. п.). И с книгами тоже инициатива исходила не от меня. Ко мне обратилось издательство с предложением написать книгу на тему мифологии народов Сибири. Подумав, я согласилась — у меня были научные тексты на эту тему, в том числе кандидатская диссертация, и мне было интересно рассказать широкому кругу читателей об этих наработках, популяризовать свои идеи, поделиться интересными фактами и историям. С другими книгами было так же (опубликованы две, еще две находятся в процессе подготовки) — с предложениями выступило издательство. Причем со стороны издательства наблюдался своего рода «шантаж» – когда я отказывалась, мне говорили, что тогда передадут эту тему другому. И мне становилось страшно, что этот «кто-то другой» напишет слабую книгу на близкую мне тему — и приходилось соглашаться.

Воспринимаю себя, безусловно, ученым-популяризатором. Мой способ письма во многом основан на тридцатилетнем опыте университетского преподавателя: знание материала, умение логично структурировать его и интересно излагать. Уверена, что для автора научно-популярной книги важнее всего научная специализация и глубокие знания, которые приобретаются не за один год. Литературные навыки и умение излагать материал доступным языком тоже важны, но это все же вторично.

— Поток научпопа сегодня чрезвычайно велик. Насколько заметна в этом потоке фольклорная составляющая?

— Есть ли у нее, по Вашему мнению, собственная ниша?

— Сегодняшнему росту читательского интереса к фольклору и мифологии (и соответствующей издательской активности) предшествовал аналогичный подъем середины 2000-х, а еще раньше — 1990-х годов. Можно ли считать эти волны частью одного процесса, и в чем, на Ваш взгляд, специфика современной ситуации?

— Каково общее отношение к просветительской и популяризаторской деятельности в академической среде и воздействует ли оно на Вас?

— Воспринимаете ли Вы коллег, которые трудятся в том же популяризаторском поле, как конкурентов или как соратников?

Кирилл Королев

На мой взгляд, нынешний интерес к фольклору, во-первых, несомненен, а во-вторых, определяется, скорее, желанием «укорениться», припасть к культурному наследию. То есть, это интерес скорее к наследию, чем к собственно фольклору. Можно сказать, это в какой-то мере следствие политики памяти, проводимой в стране с середины 2000-х годов, а в какой-то мере — попытка, возможно, неосознаваемая, этнической и гражданской самоидентификации. Вопросы, которые задают мне в последние годы на встречах с читателями,

вполне подтверждают этот вывод: люди расспрашивают о «предках», пытаются совмещать картины мира в прошлом и настоящем, и больше их занимает мировоззрение вообще, а не «чертовщина», как было в 90-х годах.

Что касается академического снобизма, он, по-моему, у части научного сообщества присутствует, чего греха таить. «Мы тут важным делом занимаемся, еще не хватало время впустую тратить на всякую писанину для…» (дальше — сами подставьте, для кого, — в меру своей испорченности). Но вот в какой степени это отношение к «простецам» диктуется именно кастовым высокомерием, а в какой — общей загруженностью научного работника — вопрос неоднозначный. Думаю, все зависит от конкретной персоны: если тебе есть что сказать широкой публике, и ты хочешь это сказать, то сам будешь искать возможности высказаться.

Конкурируют издатели, а не авторы. Ученые-популяризаторы — мы же говорим о добросовестных ученых, правильно? — разумеется, соратники в непростом деле просвещения. Испытываю удовольствие, когда вижу новый текст от коллеги с крепкой научной репутацией, и досадую порой на издательскую неразборчивость, когда в одной и той же серии оказываются такие книги и сочинения «сомнительных» авторов, хотя, сам имея за спиной многолетний издательский опыт, хорошо издателей понимаю. Мы радеем за истину, как бы громко это ни звучало, а они — за копеечку.

Наталья Петрова

Изнутри околофольклористической среды рост интереса к фольклору и мифологии в последние годы представляется безусловно заметным и значительным. Однако в общении с представителями других дисциплин (история, реставрационное дело) мне приходилось сталкиваться с их удивлением, когда речь заходила о «моде на фольклор».

Мне сложно по объективным критериям сравнивать нынешнюю волну интереса к фольклору с предшествующими, поскольку тогда я еще не была участницей и даже потребительницей фольклорного научпопа. Но есть ощущение, что нынешние профессиональные фольклористы гораздо активнее вовлечены в процесс написания научно-популярной литературы, чем наши старшие коллеги в свое время.

Ответ на вопрос о мотивации своего участия в фольклорном научпопе я выработала в дискуссиях со скептически настроенными академическими коллегами. «Тебе не стыдно с этим связываться?» — иногда спрашивают те, для кого чисто научные публикации (статьи или монографии) безусловно приоритетнее книг для детей. Также у некоторых есть сомнения по поводу потенциальных репутационных рисков: в одной издательской серии могут выпускаться, а потом лежать на одном стенде в книжном магазине или на выставке, как книги авторов из академической среды, так и «просто» литераторов, иногда допускающих в своих ярких и живых текстах грубые фактические ляпы. В рабочих чатах временами появляются фотографии из серии: «Смотрите, рядом с чем лежит ваша книга на non/fiction!». В таких кулуарных словесных баталиях мне ближе позиция тех коллег, кто считает: «Если мы не напишем эти научно-популярные книжки про мифы, это сделают другие,

и не факт, что хорошо». Тут, конечно, проявляется немного охранительная риторика и метафора ученого-автора научпопа как защитника научного знания о фольклоре от посягательств со стороны непрофессионалов. Но какая-то доля истины здесь, мне кажется, есть.

Конкуренция с коллегами в сфере научпопа во многом нивелируется наличием разных экспертных специализаций: фольклористы обычно занимаются различными жанрами и региональными традициями. Книга по финно-угорской мифологии едва ли может рассматриваться как конкурент книге о мифах сибирских народов. Скорее радуют имена коллег, знакомые лично или по конференциям и публикациям: их можно воспринимать как своеобразный «знак качества» и критерий выбора таких книг для личной библиотеки.

Надежда Рычкова

Огромное количество литературы по фольклору и дискуссии по поводу ее качества приводят к тому, что читатели задаются вопросом: «Что нужно читать, а что нет?» На публичных встречах всегда просят рекомендаций. Лично меня беспокоит, когда в одном ряду стоят: Александр Афанасьев, Борис Рыбаков, Татьяна Агапкина, Марина Голубева. Иными словами, неспециалисту трудно разобраться, кому из авторов можно доверять и как правильно читать ученых XIX века в XXI веке. На мой взгляд, людям нужно сопровождение на этом крайне насыщенном рынке. Такая ситуация обнажает проблему научно-популярной литературы: в ней нет обязательного раздела с анализом предшествующих работ. А ведь такой раздел помог бы читателю сориентироваться и разобраться, как изучали ту или иную тему, что автор думает по этому поводу и что нового он расскажет в книге. Есть и другой способ сориентировать читателя — дать в конце книги список рекомендованной литературы.

Мне сложно рассуждать о сходстве и различии читательского интереса в разные периоды — специально я этим не занималась. Я участвую только в современной ситуации. Но как наблюдатель могу сказать: сегодня количество выпущенных наименований в разы превышает то, что издавалось в 1990-е или 2000-е годы. Главная же особенность современного момента, на мой взгляд, в другом: к созданию книг приступают не эксперты. Складывается впечатление, что издатели и сами авторы со стороны считают фольклористику простой наукой — ну, не физика же. Любой грамотный человек, рассуждают они, может пересказать собранные другими коллегами былички о домовом. Я не могу себе представить, что я или мои коллеги вдруг написали бы книгу об истории анимации или истории фотографии, не имея за плечами научных публикаций, многолетних изысканий и выступлений на конференциях. Это и есть специфика сегодняшней ситуации. И она беспокоит академическое сообщество.

Мои научные коллеги — всегда коллеги, никогда не конкуренты. Мы вместе работаем над тем, чтобы научно доказанные факты перевешивали устаревшие и развенчанные теории — в любом контексте, популярном или научном. Что касается других авторов научпопа по фольклору, в том числе тех, кого я считаю не экспертами… Я не вижу в них ни конкурентов, ни соратников. Конкурент — это тот, кто соревнуется со мной в одном деле, на одном поле.

А когда кто-то штампует ошибки, не имея базовой подготовки, он со мной не соревнуется — мы просто находимся в разных системах координат. Поэтому я спокойно «ругаю» книги издательства, которое печатает и меня, если они плохи. И не чувствую никакой цеховой солидарности. Соратниками я могу назвать только тех, кто, как и я, пытается донести до читателя проверенное знание — независимо от того, в каком издательстве выходят их книги. А с остальными у меня просто нет общего дела.

Дарья Трынкина

Расцвет интереса к мифологии и фольклору в 1990-х годах и сейчас, на мой взгляд, совпадает с одновременно возросшим интересом к магии и эзотерике. Во времена турбулентности и отсутствия контроля за происходящим люди стремятся обрести его через обращение к магическим практикам, так как другие инструменты контроля не работают, а магия хотя бы создает его иллюзию. Точно так же и возросший интерес к мифологии непосредственно связан с поиском альтернативного взгляда на происходящее. Тот самый воображаемый конструкт «магического мышления» — будь он неладен. Он выражается в переключении восприятия с парадигмы рациональности, которая распространена в западной науке с XVIII века, на парадигму, где иррациональное и сверхъестественное (якобы) выступают непосредственными акторами.

Более того, здесь вступает в силу критерий «аутентичности»: если в случае с произведениями в стиле фэнтези мы просто говорим об эскапизме, то сборники по мифологии воспринимаются как нечто настоящее — как то, во что некие далекие другие люди действительно верят. Это, с одной стороны, разумеется, попытка посмотреть на тот же мир глазами «других» (практически по Бронславу Малиновскому), чаще всего воображаемых людей: любая научно-популярная книга по мифологии — это не картина мира непосредственно народа с обложки, а представление об их картине мира западного читателя. Эта самая картина мира, которая представлена в научно-популярных книгах о мифологии — чаще всего смешение эпох, разных типов источников и представлений людей абсолютно разных классов и сословий. Это такая картина мира, которой никогда не существовало в реальности — буквально «миф» по Эдварду Тайлору: прошлое, которое никогда не было настоящим.

Тут вступает в силу определенного рода порочный круг: заявленная вроде бы как объективная картина мира, которую ожидает увидеть читатель, и ожидает опубликовать издатель, и, разумеется, которую представит им автор (возможно, после нескольких редактур), на деле оказывается тем самым ориенталистским конструктом, о котором писал Эдвард Саид. Однако ее воображаемый характер ничуть не влияет на ее эффект — это все еще альтернативный взгляд на мир, в котором боги существуют и магия возможна. Мир, который позволяет отвлечься, поверить в чудо и разбудить воображение. И с этим сборники по мифологии справляются отлично. Еще они отлично справляются с распространением разных стереотипов о народах, например, что японцы всё еще верят в лис-оборотней, но эта участь ожидает любое научно-популярное произведение об отдельном народе.

Герман Устьянцев

Думаю, складывается интересная ситуация, в которой «предложение рождает спрос»: читатель может выбрать книгу по достаточно узкой проблематике или купить несколько разных изданий по одной теме и сравнить их. Часто фольклорный научпоп, как я заметил, покупают не только для чтения, но и для коллекционирования или в подарок.

Мне кажется, популярность научпопа о мифологии в 2000-х отличается от современного периода в 2020-х годах. По моим воспоминаниям, в нулевых годах в центре читательского и издательского интереса было несколько традиций: античная, скандинавская, кельтская, китайская, индийская, японская и мифология Древнего Востока. Много писали о славянском фольклоре. В настоящее время для читателя открыто большее региональное разнообразие — возрос интерес к мифологиям народов России. Например, выходят и охотно раскупаются отдельные издания о чувашском и татарском фольклоре, о мифологии народов коми, а также книги, посвященные не отдельным народам, а целым регионам. Есть множество изданий о конкретных персонажах в мировой культуре. Помимо интереса к локальным традициям, как мне кажется, у читателя возникла потребность в аргументированном и экспертном знании: появилось представление о научных фальсификациях. В нулевые этому уделялось меньше внимания, но, возможно, я ошибаюсь. Сейчас можно найти много информации в интернете и перепроверить факты.

Среди окружающих меня коллег-этнологов научно-популярный жанр воспринимается с интересом и в целом положительно. Многие отмечают важность популяризации фольклора. Легкий эпизодический скепсис относительно моей книги, с которым я сталкивался, был связан скорее с ее демонической тематикой, а не жанровой принадлежностью.

Не считаю других авторов фольклорного научпопа ни конкурентами, ни соратниками. У меня нет ощущения такой цеховой идентичности. Некоторых коллег воспринимаю как учителей. А отдельные авторы и в самом деле ими являются: читаю их книги, нахожу вдохновение и открываю для себя что-то новое.

Ольга Христофорова

В последние годы заметно возрос интерес к фольклору и мифологии как у читателей, так и у издателей (влияние идет в обе стороны), хотя еще не так давно преобладали другие научные направления — биология, антропология, история, психология. У повышенного внимания к фольклору своя стезя, как мне видится, — это не просто интерес к науке, даже наоборот, это интерес не к науке, а к «культуре предков», своим «корням» или к «древнему знанию» других народов. В 1990-е годы, как кажется, было несколько по-другому — общество хотело получить то, что от него долгое время скрывали: стихи Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама, прозу Даниила Андреева и Михаила Булгакова или фольклорные публикации, будь то тексты старых фольклористов или русский эротический фольклор. Волна середины 2000-х, возможно, ближе к нынешней и отчасти связана с ростом националистических настроений в обществе; отсюда и повышенное внимание к русскому фольклору, обрядам и традициям.

Вместе с тем отношение к просветительской и популяризаторской деятельности в моей академической среде скорее позитивное, но только при условии, что в роли экспертов выступают признанные ученые и они не выходят за рамки своей научной области. Если книгу пишет или лекцию читает вчерашний выпускник бакалавриата или человек, далёкий от науки, с нарушением базовых правил научной публикации (корректные ссылки на источники, знание историографии, выстроенная концептуальная рамка), то такие работы воспринимаются крайне негативно, и основным объектом критики со стороны коллег выступают прежде всего неразборчивые издатели.

Коллеги, которые трудятся в том же популяризаторском поле, для меня, безусловно, соратники. А вот авторы с несуществующей экспертностью, особенно «влезающие» на мою «территорию», воспринимаются не столько как конкуренты, сколько как люди, компрометирующие важное дело популяризации и заодно институт экспертов.

— Какие задачи при работе над текстом Вы ставите сами для себя, а какие ставит издатель, и насколько они пересекаются?

— Охарактеризуйте Ваш опыт взаимодействия с издателем. Насколько оно оказалось конструктивным, сложным или конфликтным?

— В чем основные точки напряжения?

— Есть ли непримиримые противоречия?

— В чем чаще всего приходится идти на компромиссы?

— Насколько субъектен сам издатель?

— Насколько он подчиняется «общественным вкусам» и запросам?

— Насколько важна для него, по Вашей оценке, авторская экспертность?

— Можно ли сказать, что благодаря автору и издателю популярный фольклор в наши дни превращается в самостоятельное культурное поле?

Кирилл Королев

Сошлюсь, опять-таки, на двойную оптику — издательскую и научную, которая у меня присутствует и избавляться от нее я совершенно не намерен: она немало помогает выстраивать отношения с современными издателями. Скажем, я неплохо понимаю логику издателя: подбор названий, оформление обложек и текстов для них, что позволяет во многих случаях столкновения интересов находить более или менее удачные компромиссы. А столкновения — да, бывают: например, недавно издатель захотел убрать с обложки слово «фольклорный», потому что «фольклор не продается» (это любимая издательская присказка еще с 1990-х годов). Но все же мы сумели договориться, и слово на букву «ф» на обложке осталось.

По тем же причинам, по собственной издательской «генеалогии», мне довольно просто следовать установкам на «облегчение» научно-популярного текста и по возможности отказываться от сносок и примечаний. Они действительно затрудняют чтение, а в книгах, рассчитанных на неподготовленную, а тем более на молодежную аудиторию, такой аппарат вряд ли нужен. Вместо ссылок можно поиграть с оформлением: делать примечания «выключками» и врезками в основной текст, выделяя их графически; это, кстати, позволяет отвлечь читателя от основного изложения и привлечь внимание к каким-либо забавным или важным подробностям, напрямую с текстом не связанным. А вот от списка литературы в конце я отказываться не готов. Разве что стараюсь ограничить его источниками и монографиями, без статей, чтобы не пугать издателя. Как правило, такой подход принимается.

В целом же фигура автора в современном «фолк-просвещении» двойственна: издатель вроде бы ищет эксперта по той или иной теме, но оценивает кандидатов по своим меркам, зачастую несовпадающим с мерками научного сообщества. Поэтому и получается, что в эксперты по воле издателя — а имя на обложке по-прежнему служит для публики признаком и подтверждением авторской экспертности — назначаются люди, скажем так, не близкие к науке. Эта проблема характерна для современной культуры в целом. Достаточно вспомнить многочисленных экспертов на радио и ТВ, рассуждающих о «культурном коде» и прочих эфемерных сущностях.

Поп-фольклор как самостоятельное культурное поле? Скорее да, чем нет! Но я бы не сводил все к печатным текстам, а смотрел бы на ситуацию шире: нужно учитывать прочие медийные репрезентации фольклора, народные праздники и формы их проведения, всевозможные краеведческие и квазикраеведческие музеи (вроде музеев сказок, суеверий, знахарства и т.п.), туристический «фольклорный» брендинг, актуальные коллективные представления о «фольклорном» и «народном», работу памяти и работу с памятью… Это все и складывается в поп-фольклор.

Наталья Петрова

У меня есть опыт взаимодействия с несколькими издательствами. У каждого, конечно, есть своя специфика (равно как и у разных редакторов одного издательства), но я сосредоточусь на некоторых универсальных моментах.

Основная задача — создать книгу, которую будут читать и, соответственно покупать, — у автора и издателя совпадает. При этом обе эти роли балансируют между субъектностью и необходимостью соответствовать требованиям формата. Как у автора у меня есть свои любимые фольклорные традиции, темы, персонажи и сюжеты, но не все они могут заинтересовать потенциального издателя. Скажем, я пока не представляю изложения в научно-популярном формате своих исследований по фольклору и этнографии ГУЛАГа. Отдельный редактор также руководствуется не столько личными симпатиями или собственным интересом к какой-то фольклорной теме, сколько стремлением попасть в запросы потенциальных читателей или других интересантов. Например, однажды мне предложили подумать о включении в книгу раздела о семейных отношениях и любви, поскольку 2024 год был объявлен Годом семьи. Книга была, с одной стороны, о мифологии, с другой — ориен-

тирована на детскую аудиторию. Я была вынуждена отказаться от этой идеи, поскольку встречающиеся в мифологических источниках сюжеты насилия или инцеста не подходили под возрастные ограничения издания.

Другой пример, когда я как автор отказалась удовлетворить запрос издателя — это просьба дать для всех упоминаемых мифов «хотя бы примерную информацию о времени их возникновения». Пришлось объяснить, что вопрос точных датировок для фольклорно-мифологических текстов не релевантен.

Отдельная проблемная тема — цитирование и его оформление. Редакторы объясняют, что постраничные сноски «утяжеляют» чтение, а библиографию в конце книги нужно сократить до «только ключевых работ», потому что читатель не захочет платить за четыре страницы списка литературы. В одной из книг компромиссом стал QR-код на полную библиографию. Также очень дискуссионными и иногда конфликтными могут быть иллюстрации: искажение этнографических реалий (орнамент из другой традиции), чрезмерная экзотизация и «удревнение», игнорирование визуальных референсов от автора.

Надежда Рычкова

Начну с простого — с издателя, для которого каждая книга — это деньги. Поэтому здесь я могу сказать только очевидные вещи: главное, чтобы книга понравилась читателям, как можно большему количеству читателей. Моя же цель — не обмануть, рассказать историю так, как я бы рассказывала ее научному сообществу: собрать как можно больше фактов, проверить их, дойти до самой сути. Кроме того, хочется поделиться со всеми тем, что знаешь и от чего у тебя горят глаза. И, наконец, просветить — как бы пафосно это ни звучало. Например, объяснить, почему Масленица — не самый древний языческий праздник, а блин — не символ солнца.

Опыт взаимодействия с издательствами совершенно разный. С кем мне точно везло, так это с литературными редакторами — правки всегда минимальны и бережны. Все трудности, которые возникали, скорее касаются не самого издательства, а законов. С одной стороны, юридических, с другой — маркетинговых. К примеру, в нашей с Верой Комаровой книге о Масленице в главе «Проводы русской зимы», которая рассказывает, как в советское время переосмыслили и «возродили» старый праздник, нет ни одной фотографии тех лет. Хотя у нас полно экспедиционных фото, которые мы переснимали из альбомов наших информантов — с их согласия, конечно. Но закон об авторском праве говорит, что этого недостаточно — их разрешение не покрывает коммерческое использование. И для взыскательного читателя это выглядит как недоработка и влияет на восприятие книги.

Вторая проблема — возрастная маркировка. В масленичном фольклоре довольно много ненормативной лексики. Но включить такие примеры — значит поставить на книгу 18+, запаковать ее в пленку и лишиться стандартных каналов продвижения.

То же с детскими книгами. Недавно я сдала рукопись с рабочим названием «Все про Новый год», в которой собрала детские вопросы о празднике и ответы на них. И один из них о традиции загадывать желание, писать его

на бумажке, сжигать и выпивать пепел — все это под бой часов. В дневниковых записях на сайте «Прожито» я нашла чудесные описания этой практики начала XX века. Но во всех дневниках упоминают алкоголь, неприемлемый для детской книги.

Самое долгое обсуждение вызвали упоминания кладбища и поминок в детской книге о праздниках. Издательство просило убрать все, что связано с похоронами. Аргумент — в детскую книгу не хотелось добавлять печальную тему. К счастью, мне удалось убедить редактора оставить все как есть. Во многих праздниках поминальная тема — одна из составных частей. Умолчать — значит показать неполную картину. Дети, кстати, к смерти относятся проще — тем более к такой книжной теме, которая их не касается.

В первой книге мы дискутировали по поводу ссылок на источники. В итоге нам удалось договориться только на сноски в цитатах. Однако постепенно редакция пришла к тому, что список литературы — это нормальный аппарат научно-популярной книги. Он демонстрирует, что все написанное — не авторская фантазия, а выводы, основанные как на собственном полевом опыте, так и на анализе большого количества исследований. Коллеги, в свою очередь, могут оценить, что автор учел, а что нет.

Субъектность издателя несомненна. Особенно в выборе названий книг. Тут мнение автора наименее значимо: у нас просто нет экспертизы в том, что будет продаваться, а что нет. Название, с одной стороны, должно цеплять, а с другой — не должно быть слишком замысловатым, чтобы выпадать в поисковых списках по теме.

Экспертность некоторых авторов, пишущих о фольклоре, у академического сообщества вызывает вопросы и обсуждения. Есть ряд авторов, которые в научной жизни не занимались фольклором, но написали уже несколько научно-популярных книг. Специализированные телеграм-каналы заметили это и каждую новую публикацию разбирают по косточкам. Мы с коллегами аккуратно сообщаем издательству о фактических ошибках. Но, кажется, это бесполезно — издательства зарабатывают деньги. Эксперты пишут долго, а компиляторы собирают тома с невероятной скоростью.

Почему так происходит? На мой взгляд, люди, для которых фольклористика не родная дисциплина, не страдают от того, что своими некачественными текстами засоряют в том числе и научный корпус. Создают иллюзию доступного знания. К сожалению, будущие студенты воспринимают эту литературу как настоящую, готовятся по ней к поступлению в вузы. Но это не аргумент для издательства — они считают, что выпускают книги для широкой аудитории и предлагают просто не читать их в научном сообществе.

Еще раз повторю, издание книг — это бизнес. Сегодня книги по фольклору на пике популярности, а значит и денег приносят немало. Поэтому у издательств есть соревновательный эффект — опубликовать то, чего нет у конкурентов и заполучить читателей. И в такие моменты скорость — решающий фактор: «Если не ты, то кто-то другой!» Ждать два года великого эксперта или выпустить книгу через три месяца? В ситуации ожесточенной конкуренции издательская деятельность подчиняется выражению: «Дорога ложка к обеду!»

В результате рождаются странные книги о фольклоре — развлекательное чтение без опоры на полевую работу и учета законов фольклорной традиции. Авторы не эксперты, возможно, даже не представляют, насколько важно это понимать не только писателю, но и читателю. Можно ли это назвать самостоятельным культурным полем? Скорее, параллельной реальностью, которая живет по своим законам и редко пересекается с академической наукой. И это тревожно.

Дарья Трынкина

Мой опыт взаимодействия с издательствами довольно занимателен, причем в каждом отдельном случае эта занимательность уникальна. Мою первую книгу издали очень быстро. Однако мне не прислали верстку, поэтому о выходе книги я узнала из паблика «Фаланстер», и уже потом в самой книге с интересом читала примечания об Аненербе, о которой, разумеется, в самом тексте ни слова не было. Полностью читать книгу, откровенно скажу, я побоялась, поскольку она уже вышла и ничего в ней исправить нельзя. Но отзывы меня тогда немного успокоили.

Вторую книгу мне заказало маленькое и очень милое (как я тогда полагала) издательство. Мы очень хорошо общались, пили кофе на книжных ярмарках, обсуждали структуру книги и ее научных редакторов. Но после того, как я потратила год на написание текста (и еще примерно столько же он лежал у них) в ответ на мои настойчивые расспросы издатели сообщили, что решили отказаться от проекта, и я могу делать с рукописью что захочу. Вдохновленная подобной перспективой, я ошарашенно пыталась найти людей, которые снисходительно взглянут на этот текст. И мне повезло: издательство, в которое я обратилась по совету коллеги, приняло книгу сразу (и даже напечатало ее в срок!). Оплату, правда, мне выдали авторскими экземплярами книги — словно будущее уже наступило, человечество отказалось от денег и капитализма. Но это всё еще позитивный опыт.

Следующую книгу заказало издательство подростковой литературы. Мы обсудили концепт, я написала им пробный текст, мы обсудили мой гонорар и план книги. Я регулярно на протяжении года, отказываясь от другой работы, высылала им отдельные главы. Мы очень приятно и радостно общались с редактором, я дописывала и переделывала кусочки — это была чудесная совместная работа. И, внезапно, мне даже заплатили настоящие деньги. Однако книгу не издали. Она лежит в этом издательстве уже второй год, планов издавать ее у них нет, и возвращать текст они мне также не намерены: предложили выкупить права обратно и самостоятельно искать желающих ее опубликовать.

Сейчас я пишу четвертую книгу, и мне действительно интересно, как сложится ее судьба. Подозреваю, что совершенно неожиданно.

Любопытно, что у меня есть очень позитивный опыт издания научной монографии по моей диссертации. Этот опыт позитивен абсолютно во всем, включая работу с текстом редактора и корректора, выбор иллюстрации для обложки, общее форматирование и прочие приятные вещи, кроме того, что всё это происходило за мой счет и за счет денег тогдашнего гранта. И это вышло

настолько контрастно дорого по сравнению с изданием научно-популярных книг, что стимул издавать свои научные работы до сих пор ко мне не возвращается.

Герман Устьянцев

Задачей моей книги была популяризация низшей мифологии финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья. Я хотел показать, насколько разнообразен этот мир, населенный страшными и по-своему обаятельными персонажами. Конечно, обобщив при этом региональную специфику демонологических представлений. Сложность заключалась в полиэтничности региона: нужно было продемонстрировать традиции разных народов.

На своем опыте считаю, что написание научно-популярной книги — это коллективный процесс. Команда редакторов сыграла весомую роль в упрощении текста и его адаптации для широко круга читателей. Помимо ответственного редактора, научного и литературного редакторов мне помогли привлеченные научные консультанты и специалисты по конкретным этническим традициям. Знаю по рассказам коллег, что опыт взаимодействия с редакцией может быть негативным, например, после правок меняется изначальный смысл текста. В моем случае такого не произошло — редактор дал полную свободу творчества. Это был интересный опыт командной работы. Конечно, не могу не отметить вклад художницы. Она работала, создавая по моим описаниям иллюстрации персонажей. Ее свежий взгляд человека «со стороны», не носителя традиции и не эксперта — показался мне очень интересным.

Непримиримых противоречий не было. Возможно, это связано с тем, что я достаточно легко иду на компромиссы. Единственное, я изначально представлял себе книгу более страшной — все-таки она про демонов. В процессе написания глав и обсуждения с редактором я понял, что текст не должен отпугивать читателей и вызывать неприятные ощущения. Эта идея исходила от редактора, и я с ней согласился. Единичные формулировки я правил, но на смысле текста это не отразилось.

Экспертность автора не всегда важна для издателя. Это связано с коммерческой составляющей издательского процесса: книга должна быть, в первую очередь, интересной и продаваемой. Принадлежность автора к научному цеху не гарантирует, что его научно-популярный труд получится увлекательным и востребованным. Наверное, многое зависит от задач конкретного издателя.

Полагаю, что сотворчество автора и издателя действительно приводит к появлению нового феномена — популярного фольклора. Это культура повествования о мифах и обрядах в широком этнографическом контексте, с учетом научных обобщений и параллелей в разных традициях.

Ольга Христофорова

Моя цель — грамотно, структурированно и увлекательно изложить фольклорно-этнографические материалы, в том числе редкие и малоизвестные; разрушить неверные стереотипы относительно того или иного явления культуры; вызвать интерес к моей научной области, а у молодых читателей —

и интерес к профессии исследователя. Издатель, как кажется, нацелен больше на коммерческий успех — отсюда и вышеупомянутая неразборчивость, характерная для всех издательств, занимающихся научпопом (мне попадались плохие книги во всех издательствах). Мой опыт взаимодействия с издательством был немного сложным в случае первой книги — литературный редактор переписывал текст вне режима рецензирования, что приводило, в том числе, к фактическим ошибкам, не говоря уже о стиле. Пришлось перечитывать текст и отменять негодную правку (конечно, была и правка полезная), это заняло время. В следующей книге обошлись без литературного редактора.

Вторая проблема — ссылки на источники. Издатели просят минимизировать их, чтобы не тратить драгоценный объем. Некоторые коллеги рассказывали, что весь их богатый ссылочный аппарат убрали из текста в QR-код. Началось это с научно-популярных книг для детей (якобы родители против того, чтобы платить за страницы со ссылками, воспринимавшиеся как «пустые» страницы), но теперь, с подорожанием производства, встречается и во взрослых сериях. Наконец — иллюстрации. Я подбирала картинки сама, но бывают обстоятельства, не позволяющие их публиковать — дороговизна, сложные отношения издательств и владельцев прав. Здесь приходится идти на компромиссы. В целом издатели всегда ориентируются на продажи, а значит — предпочитают запросы и вкусы читателей, какими бы странными и неправильными они ни казались экспертам.

— Массовая аудитория предъявляет свои требования к научно-популярным текстам — насколько они для Вас значимы?

— Трудно ли переключаться между академическим и популярным стилем?

— В чем состоит принципиальное различие между двумя авторскими режимами и насколько оно преодолимо?

— Где пролегает граница между развлекательностью как признаком массовой беллетристики, к которой принадлежит и научпоп, и научной строгостью?

— Иными словами, чего в научно-популярном тексте больше — научности или популярности? И возможна ли золотая середина?

— На какого потенциального читателя Вы ориентируетесь в первую очередь — на детей и подростков или на взрослых?

— Насколько значимы для Вас читательские отклики и оценки коллег?

Кирилл Королев

Слукавлю, конечно, если скажу, что пишу «как слышу и как дышу» и что мнение читателей, в том числе коллег, меня не слишком интересует, а главное для меня — высказаться. Башня из слоновой кости хороша для отшельника, но любая публичность предполагает, что ты должен учитывать чужие вкусы

и пожелания, а также — если говорить об академии — принятые научные конвенции. Поэтому — да, переключение между режимами письма требует усилий, стилистических и даже, если угодно, когнитивных — приходится всякий раз «перестраивать» сознание. Иногда получается просто, иногда со скрежетом. Труднее всего, пожалуй, переходить от научной дотошности и желания всесторонне обозначить какой-либо факт социальной действительности к его поверхностному, по необходимости, описанию в научпопе. Вот тут приходится порой себя по-настоящему ломать.

Еще интонация. В научпопе, на мой взгляд, нужна интонация в духе платоновских симпосиев: допустимы легкая ирония и диалог с читателем. В научных текстах это все ни к чему.

Не буду утверждать, что при работе над текстом воображаю некоего условного потенциального читателя, но какое-то аморфное представление о нем у меня, безусловно, имеется. Причем определяется оно, скорее, не возрастными или гендерными, а символическо-статусными характеристиками: бывает, смотрю на написанную фразу и думаю: «Нет, обычный читатель этого не поймет, надо переформулировать.» Хотя если меня попросят составить словесный портрет этого «простого читателя», я, наверное, растеряюсь и лишь разведу руками.

Другая мерка статусности — восприятие моего текста неким обобщенным коллегой. «Так, я написал то-то и то-то, а насколько это вообще приемлемо с научной точки зрения?» Тут уже в уме возникают отдельные конкретные фигуры, чьим научным мнением я дорожу. Рисуется спор с ними, аргументы и контраргументы, и такое мысленное сопоставление помогает порой отыскать и убрать благоглупости, которые иначе могли бы пойти в печать (увлекся или изложил некорректно, а потом краснел бы от стыда).

В целом пишу я, наверное, сразу и для взрослых, и, как указывали в выходных данных в советские времена, для «старшего школьного возраста» и студентов.

Наталья Петрова

Запрос аудитории на ясность, доступность и увлекательность научно-популярного текста, без сомнения, важен и определяет правила игры, которые мы принимаем, соглашаясь на написание такой книги. На мой взгляд, принципиальное различие между двумя авторскими режимами — это большая масштабность (и оттого неизбежная поверхностность) популярного формата и узкая специализированность академического. В своих статьях и даже диссертациях мы чаще рассматриваем очень конкретные фрагменты или отдельные аспекты фольклорной традиции (вроде «ареальной дистрибуции номинаций домового»), тогда как книга «про фольклор» часто требует более общего ликбеза «про славянскую мифологию вообще» или «про богатырей в целом».

Читатель, которого я мысленно представляю, работая над научно-популярной книгой — это мой условный студент, до которого мне надо донести академически-корректную информацию, но в процессе не уморить его страшными терминами и заунывными описаниями.

У меня есть guilty pleasure: периодически ищу читательские отзывы на свои книги. Радуюсь положительным, расстраиваюсь из-за отрицательных, хотя некоторые из последних могут помочь лучше «попасть в формат» или узнать какие-то конкретные запросы аудитории, например, на большее этническое разнообразие традиций, представленных в книге. Оценки коллег тоже важны, но, кажется, академические тексты друг друга мы все же читаем чаще, чем научно-популярные.

Надежда Рычкова

Честно говоря, я не знаю о требованиях, которые предъявляет аудитория. Издательства не выдавали мне редакционную политику в отношении научно-популярных книг. Поэтому я сама решаю, как буду адаптировать текст. На самом деле я и в академических статьях предпочитаю облегченный стиль — если мы говорим о языке. Избегаю пассивных конструкций, обилия причастных оборотов и сложных предложений. Переключения не требуют больших усилий.

Что касается глубины знаний — стараюсь не упрощать. Даже для детей. Я ориентируюсь на своих сыновей — объясняя им что-то, я использую простые слова, но никогда не упускаю смыслы, даже если дети пока не все понимают. Вспомнят об этом потом, вернутся, перечитают и откроют что-то другое. Я всегда тестирую на них книгу — у старшего задача выделить места, которые требуют пояснений. Я прохожусь по его заметкам и перестраиваю конструкции. Для первой детской книги я приглашала разновозрастных детей — они читали вслух, а я наблюдала, где спотыкаются, что переспрашивают. Потом отрабатывала их комментарии.

Самое сложное в научпопе — уместиться в заданный объем. От количества страниц, в том числе, зависит стоимость издания. Поэтому редактор сразу предупреждает, сколько авторских листов нужно. И тут начинается торговля с собой: о чем важнее рассказать, а что оставить за кадром. Проблема в том, что популярные издания всегда ориентируются на широкие темы. Допустим, книга обещает рассказать «все про Новый год» — а где про речь президента или мандарины? Да просто не вошло. Жертвовать глубиной других глав не стала — но читатели об этом не узнают.

Был со мной такой случай. Первый мой выпуск подкаста «Мрачные сказки» был посвящен свадьбе. Я написала сценарий страниц на десять, тайминг — 20 минут. В итоге — рассказала только начало. Слушатели в комментариях уточняли: «А про это где, а про это?» Мне хотелось отвечать каждому: я просто не успела! Так и в книгах. Иногда ты ограничен выбранной структурой глав, иногда общим объемом книги. С опытом наверняка появится умение сохранять баланс, но пока я каждый раз переживаю, что уместила не все.

Принципиальное различие есть, и оно не в языке, а в логике работы с материалом. Важная характеристика фольклора — диалектность. Нет универсальной общерусской Пасхи, Масленицы и т. д. Поэтому чаще всего фольклористы работают с той традицией, которая знакома им по полевым материалам. Безусловно, это не исключает сравнительный контекст, но в основе — одна-две доминанты. Когда же ты пишешь о Масленице вообще, рассказать обо всех региональных вариантах невозможно.

Научная работа требует постановки проблемы, новизны исследования и обзора литературы. Популярная всего этого избегает — ее задача объяснить знакомое. Но академическое «я» и тут пытается найти такой новый ракурс даже для известной темы. Ввести в оборот неопубликованные полевые материалы, уточнить принятые в науке установки…

Для меня популярное — это скорее про форму, а не про содержание. Поэтому ты не просто писатель, ты креативный писатель: врезки, цитаты, задания. Нужно думать, как удержать внимание, чем зацепить, как разнообразить форму. Детские редакторы просят добавлять интерактив, чтобы дети могли закрепить материал. Иногда придумать задание к разделу бывает очень сложно, но это, скажем так, издержки формата, на которые ты сознательно соглашаешься.

Золотая середина возможна, но она не в пропорции 50/50, а в честности. Вот мой критерий: ты имеешь право упрощать форму (опускать пассивные конструкции, заменять термины метафорами), но не имеешь права упрощать факты и выводы. В каждой моей книге научность определяет содержание — что именно я рассказываю. Популярность определяет, как я это рассказываю.

У меня есть и взрослые, и детские книги. Из моих ответов ясно, что писать вторые сложнее. Но для меня это возможность рассказать еще ясной голове, не заполненной большим количеством «знаний» о фольклоре, то, что действительно важно в нашей дисциплине. Показать, что традиция диалектна, что мифологические представления и народную религию разделить невозможно, что праздники — это не только радость и веселье, а еще и важный инструмент политики государства. Я наивно верю, что могу хоть как-то повлиять на молодые умы. Я убеждена, что в детские книги заглядывают и взрослые — и для них многие детали будут важными. Ребенок пропустит, а родитель учтет. Поэтому я считаю, что детский научпоп нужно писать для двух аудиторий: и для детей, и для взрослых.

Я слежу за отзывами на маркетплейсах. Особенно переживала за первую книгу. Дальше все проще: ты уже понимаешь индустрию, знаешь аудиторию и примерно представляешь, о чем будешь писать. Чтобы не беспокоиться о том, что скажут коллеги, я думаю о них на всем протяжении создания книги: «А если ее прочитает вот этот специалист? А тот?» Стараюсь писать так, чтобы не стыдно было отправить книгу Сергею Юрьевичу Неклюдову. Да, она не научная, но я все равно старалась, изо всех сил.

Дарья Трынкина

Для меня это одновременно и простой, и сложный вопрос. Если бы я объясняла студентам, то сказала бы, что научный текст отличает от ненаучного именно постановка проблемы. Утрируя: в основе вашего исследования должна лежать научная проблема. Исследование не может быть обо всем и ни о чем («взгляд и нечто»), не может носить описательный характер и не может быть перечнем чьих-то еще достижений и выводов. Но реальность, разумеется, гораздо сложнее.

В реальности сам идеал науки расплывается. Многое зависит и от научных школ, и от представлений о знании, и от дихотомии «метрополия — провин-

ция», и от возраста самого исследователя, и, в конце концов, от представлений о научном престиже, от структуры научного поля и от того, какие акторы в нем обладают символическим капиталом.

Парадоксально, но научные и научно-популярные книги могут практически не различаться. Несколько раз я всерьез объясняла коллегам, что мои книги о Японии не могут считаться научными, потому что там нет моего собственного исследования. Там нет научной проблемы, так как проблема «обзора мифологических образов, их источников и методов их изучения» — ненаучная. Тем не менее, кандидатская диссертация тоже, как считается, должна быть лишь обзором существующего материала и концепций его анализа в определенной сфере. И, разумеется, на моей последней книге о японской мифологии стоит гордая метка «научное издание».

Однако именно моя академическая занятность во всех случаях послужила тому, что ко мне обращались и заказывали книги (и одновременно тому, что от них потом отказывались).

Мы живем в научной парадигме. Наука для нас является последней инстанцией, а научный авторитет считается незыблемым. Поэтому издательства заинтересованы в освящении популярной литературы авторством ученого, в некоем ультимативном критерии аутентичности информации и способа познания мира (хотя, возвращаясь к Полу Фейерабенду: почему книгу о ведьмах не может написать ведьма?). При этом очень часто при работе с книгой издатели как будто сами себе ставят палки в колеса: после одобрения книги мне предлагали полностью переработать текст, чтобы он стал более развлекательным, или же с окончанием моей работы меня ставили перед фактом, что аудитория книги непонятна даже издателю. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось многим издателям научно-популярных книг (например, что научные сотрудники пишут научным стилем).

Перефразируя Лафкадио Хёрна, который писал научпоп о Японии более века назад[2]: благословенны те, кто не боится научпопа от ученых, которых они сами и позвали!

Герман Устьянцев

Читатели фольклорного нон-фикшна, по моим наблюдениям, очень разнородная группа. Мне кажется, что выделить условные «требования» довольно сложно. Кто-то ищет интересные сюжеты, кто-то хочет больше узнать об истории и этнографии региона, а кто-то покупает книгу в надежде на экспертный комментарий.

Для меня в силу небольшого опыта «переключение кодов» в написании текстов дается с трудом. На данный момент я, наверное, еще учусь писать тексты разной стилистики. Работая в направлении научпопа, я стараюсь избавляться от сложных формулировок, перегруженности текста и привычных для меня научных терминов. Также важно, чтобы книга хорошо воспринималась на слух, ведь сейчас тексты выходят и в аудиоформате, а это уже отдельная задача.

[2] «Blessed are they who do not too much fear the gods which they have made!» (*Hearn* 1894: 35).

Хочется сказать, что важен баланс научности и доступности изложения, но в реальности он достигается крайне редко. По моим наблюдениям, в научно-популярных изданиях, как правило, превалирует один из этих компонентов. Жанровые особенности научпопа предполагают отсутствие или упрощение историографической части, описания источников и методологии. Авторы стараются минимизировать цитирование других исследователей и упростить концептуализацию. И, пожалуй, самое главное: нон-фикшн не обязательно ставит своей целью выработку и введение в научный оборот нового знания. Именно так я для себя определяю эти отличия.

В то же время я думаю, что золотой середины в научно-популярном тексте быть не может. Это связано с разнородностью читателей: некоторые сочтут текст слишком поверхностным и упрощенным, а другим, напротив, он покажется излишне научным и сложным. Наверное, жанр научпопа рождается на стыке авторской задумки и впечатлений читателей.

Для кого я пишу научно-популярные работы? Затрудняюсь ответить. Какого-то единого конкретного образа читателя у меня в голове нет. Мои изначальные предположения о том, кому потенциально может быть интересна книга, разошлись с эмпирикой. Судя по читательским отзывам, это очень разные люди. Но я заметил одну особенность: книгу часто приобретают выходцы из конкретных регионов, например, Урало-Поволжья, — те, кто хочет узнать что-то новое о близкой им культуре. Увидеть что-то «свое» в тексте для читателя –это очень приятно.

Я знакомлюсь с отзывами носителей традиции и коллег о книге. Она проходила рецензирование и обсуждение для рекомендации к печати. Это помогло мне учесть и исправить некоторые нюансы на стадии подготовки рукописи. Комментарии читателей тоже важны, так как я пока плохо представляю себе аудиторию и ее запросы. У некоторых книга вызывает ассоциации с детством, бабушкиными рассказами о деревне… Совсем не страшно.

Ольга Христофорова

Массовая аудитория нередко ищет открытий и новых, неожиданных объяснений известных фактов, хочет занимательности и однозначных ответов на сложные вопросы. Мне кажется, можно учитывать этот запрос и предлагать в занимательной форме точные и верные объяснения, не греша против научной истины, не домысливая и не «вчитывая» в описываемую культуру чуждые ей смыслы.

При этом стиль письма может быть доступным, легким и популярным — и даже должен быть таким. Нет ничего плохого в том, чтобы объяснять даже сложные вещи понятным языком — как студентам, так и массовому читателю. Академический стиль не обязательно должен быть недоступным тем, кто находится вне научного цеха. «Птичий язык» советской гуманитарной науки, наследие которого ощущается до сих пор, — это отчасти следствие особенностей той эпохи, когда приходилось писать «непонятно» для особого рода цензоров.

В наше время тоже есть свой «птичий» язык — это следствие новых концептуальных рамок и терминологического аппарата. Мне кажется, и в научпо-

пе, если это необходимо, можно использовать новые подходы и термины, объясняя их. Лично я ориентируюсь на читателей, искренне заинтересованных в том, чтобы увидеть картину мира людей иных эпох и культур, во-первых, системно, и, во-вторых, «изнутри» — постараться понять, как они видели свой мир.

Наверное, представляю себе среди читателей прежде всего своих студентов. Оценки коллег и читателей, безусловно, важны. Лучший комплимент, который я получила после публикации книги о мифологии народов Сибири, был от студентки второго курса бакалавриата — она сказала, что этот материал казался ей хаотичным и трудным для понимания, а после прочтения книги он стал систематизированным и понятным.

Научная литература

Алексеевский М. Д., Верховцев Д. В., Винокуров Г. Д., Гусейнова А. Л., Крихтова Т. М., Мартыненко А. А., Сивков Д. Ю., Сталинов Г. А. «К людям ради людей»: антропологические телеграм-каналы глазами их авторов // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 41–66.

Hearn L. Glimpses of Unfamiliar Japan. Boston & New York. Houghton Mifflin Company, 1894. Vol. 1.

Interview

Korolev K. M., Petrova N. S., Rychkova N. N., Trynkina D. A., Ustyantsev G. Y., Khristoforova O. B. «Folk-enlightenment»: popular science literature on folklore in the assessments of scientific authors [«Folk-prosvet»: nauchno-populiarnaia literatura o fol'klore v otsenkakh avtorov-uchenykh] Anthropologies, 2026, no 1, pp. 46 –71, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/46-71

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Korolev K. M. | cyrilkorolev@gmail.com | https://orcid.org/0000–0001–8831–2970

Candidate of Sciences (Philology), independent researcher.

Petrova N. S. | pena.talya@gmail.com | https://orcid.org/0000–0002–6514–5601

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities, Head Department of Cultural Studies and Social Communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Rychkova N. N. | nadya.vohman@gmail.com | https://orcid.org/0000–0001–5516–1643

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow, Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); resp. secretary of the journal «Folklore: Structure, Typology, Semiotics».

Trynkina D. A. | gamagadoki@gmail.com | https://orcid.org/0000–0001–6432–204X

Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), Associate Professor at the Institute of Anthropology and Ethnology (RSUH), English-language editor of Urban Folklore & Anthropology (School for Advanced Studies in the Humanities, RANEPA).

Ustyantsev G. Yu. | ustyan-93@mail.ru | https://orcid.org/0000–0003–0655–3127

Candidate of Sciences (History), Senior lecturer from Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Khristoforova O. B. | okhrist@yandex.ru | https://orcid.org/0000–0001–5041–2335

Doctor of Sciences (Philology), director of the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities; professor of the Institute of Anthropology and Ethnology, Russian State University for the Humanities; leading research fellow, Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Keywords: folklore, folklore studies, mass culture, public anthropology, knowledge production, mythology, popularization.

Abstract

The interview is focuses on modern Russian-language popular science literature on folklore and ethnography. Its participants — academic researchers, authors of popular science books — share their experience in this area. Among the issues discussed: the reasons for the growing reader interest in folklore and the nature of contemporary reader demand, the specifics of presenting scientific knowledge for a wide audience and the difficulty of switching between academic and popular science writing styles, interaction with publishers and the problem of expertise. The answers of the survey participants reveal many details of modern «folklore education», its features and prospects.

References

Alekseevskii M. D., Verkhovtsev D. V., Vinokurov G. D., Guseinova A. L., Krikhtova T. M., Martynenko A. A., Sivkov D. Yu., Stalinov G. A. 2025. «K liudiam radi liudei»: antropologicheskie telegram-kanaly glazami ikh avtorov [«To people for people's sake»: anthropological Telegram channels through the eyes of their authors] *Antropologii/ Anthropologies* 2: S. 41–66. https://doi.org/10.33876/2782–3423/2025–2

Hearn L.1894. *Glimpses of Unfamiliar Japan.* Boston & New York. Houghton Mifflin Company. Vol. 1.

© А.С. Басов, А.С. Бородулина, П.Б. Жураковская, С.О. Ковальский, П.С. Куприянов, Г.Н. Малышев, А.А. Мартыненко, В.С. Михайлова, М.А. Мочалова, Н.А. Савина, Е.С. Садова, М.А. Сакирко, И.А. Сапогов

(Не)идеальный антрополог в прикладном исследовании: материалы дискуссии

Басов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. E-mail: a.basov@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0003-3518-1852

Бородулина Алевтина Сергеевна – консультант в компании “Аквамарин Проджектс”, социальный антрополог, независимый куратор. E-mail: alevtina.ethno@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5349-2940

Жураковская Полина Борисовна – куратор, старший научный сотрудник Музея Москвы. E-mail: P.zhurakovskaya@mosmuseum.ru, https://orcid.org/0009-0003-4949-6385

Ковальский Святослав Олегович – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0001-8967-2644

Куприянов Павел Сергеевич – к. ист. н., старший научный сотрудник Центра визуальной антропологии ИЭА РАН. E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9856-3159

Малышев Гавриил Николаевич – аспирант факультета Антропологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге. E-mail: g.malyshev@eu.spb.ru, https://orcid.org/0009-0009-8808-9938

Мартыненко Александра Александровна – младший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН. E-mail: amartynenko@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0001-8561-3006

Михайлова Виктория Сергеевна – аспирант ИЭА РАН. E-mail: mikhailova.vikt@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5634-0480

Мочалова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. E-mail: Masha.mochalova@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0003-2702-737X

Савина Наталья Алексеевна – магистр антропологии и этнологии, младший научный сотрудник Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: nsavina@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0001-7517-8899

Садова Екатерина Сергеевна – магистр социологии (Университет Париж-Сакле); магистр истории (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), независимый исследователь. E-mail: sadovacath@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-6511-6053

Сакирко Мария Алексеевна – PhD по социальной антропологии, старший научный сотрудник Музея Москвы. E-mail: mariasakirko@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0189-6729

Сапогов Иван Андреевич – бакалавр антропологии и этнологии, независимый исследователь. E-mail: sapogovivan@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9953-3303

Для цитирования: Басов А.С., Бородулина А.С., Жураковская П.Б., Ковалевский С.О., Куприянов П.С., Малышев Г.Н., Мартыненко А.А., Михайлова В.С., Мочалова М.А., Савина Н.А., Садова Е.С., Сакирко М.А., Сапогов И.А. (Не)идеальный антрополог в прикладном исследовании: материалы дискуссии // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 72–100, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/72-100

Ключевые слова: прикладная антропология, профессиональная идентичность, методы антропологического исследования, этика полевого исследования, социальная ответственность антрополога, экспертность.

Публикация содержит материалы дискуссии, состоявшейся на секции «(Не)идеальный антрополог в прикладных исследованиях: дилеммы, ожидания и ответственность» Конференции молодых ученых (3–5 декабря, ИЭА РАН, Москва). Участники секции обсуждают вопросы, связанные с профессиональной идентичностью антрополога в прикладных исследованиях, часто вынуждающих исследователя балансировать между конфликтующими этическими обязательствами, методологическими стандартами и прагматическими ограничениями. Дискуссия демонстрирует разнообразие и сложность прикладной сферы в современной российской антропологии, отсутствие консенсуса по обсуждаемым вопросам, а также выявляет наиболее проблемные точки заявленной темы. Публикуемые материалы сопровождаются введением и заключением организаторов секции, в которых описывается контекст и подводятся итоги состоявшегося обсуждения.

П. Куприянов, В. Михайлова, М. Мочалова

Введение

Идея этой публикации возникла из ощущения, которое, как нам показалось, знакомо многим, кто работает на пересечении академических и прикладных исследований. В профессиональном сообществе существует критика прикладной работы как пространства компромиссов — места, где исследователи вынуждены отступать от академических стандартов, подстраивать свою оптику под запрос заказчика, искать решения, которые не всегда согласуются с принятыми в научном сообществе представлениями об исследовательской этике. При этом площадок, где можно было бы открыто обсудить этот опыт — не в формате критики извне, а как рефлексию изнутри самой практики, — недостаточно. Стандартный формат конференции для этого не подходит: он скорее предполагает представление результатов, нежели совместную рефлексию над противоречиями процесса. Приватные разговоры, конечно, ведутся, но чаще так и остаются приватными. Так родилась идея организовать серию круглых столов, где исследователи смогли бы вместе осмыслить свой опыт прикладной работы.

Ключевым для нас стал образ «(не)идеального антрополога». За этим словосочетанием — реальное напряжение, которое испытывает большинство тех, кто работает в прикладных контекстах. Академическая подготовка формирует определенные представления о том, каким должно быть исследование: длительное поле, рефлексивность, независимость позиции, ответственность перед сообществом.

Прикладные проекты предполагают иные условия: заказчик с конкретным запросом, сжатые сроки, смешанные команды и необходимость переводить выводы в форматы, далекие от академических. И именно здесь возникают компромиссы — как методологические, так и этические, и профессиональные.

При этом речь идет не о единичных исключениях из правила, а скорее наоборот: большинство выпускников антропологических и этнологических программ работает именно в таких условиях — в корпорациях, музеях, НКО и урбанистических проектах, то есть за пределами академии, где классические этические кодексы зачастую просто не предусматривают тех дилемм, с которыми приходится сталкиваться.

Вопрос, который нас интересовал, состоял не в том, как избежать этих компромиссов, а в том, как их осмыслить. Как найти в разном опыте общие закономерности и понять, что именно в условиях прикладной работы порождает то напряжение, которое мы и обозначили фигурой «(не)идеального антрополога».

Нашей задачей было подготовить условия, при которых такой разговор мог бы стать реальным и продуктивным. Из этого родилась конкретная механика — проведение секции смешанного формата, объединяющего доклады и обсуждение в рамках круглых столов. Участники рассказывали о своем опыте на материале конкретных кейсов в формате короткого доклада, а затем на круглом столе отвечали на вопросы, подготовленные нами как модераторами. Секция «(Не)идеальный антрополог в прикладных исследованиях: дилеммы, ожидания и ответственность» прошла 4 декабря 2025 года в ИЭА РАН в рамках конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии».

Всего в секции прозвучало пятнадцать докладов, которые на основе присланных заявок были объединены в три тематических подсекции. Первая была посвящена отношениям с заказчиком — тому, как его присутствие меняет исследовательскую оптику и профессиональную позицию. Вторая сосредоточилась на методологических адаптациях и этических дилеммах, возникающих непосредственно в поле. Третья обратилась к более широким институциональным рамкам прикладной работы — срокам, междисциплинарным командам, грантовым форматам и тому, как все это трансформирует исследовательскую практику.

Вопросы для круглых столов формулировались на основе тематики докладов каждой подсекции — и это оказалось отдельной нетривиальной задачей. Формулировки этих вопросов, безусловно, исходили из нашего собственного опыта прикладных исследований, из тех противоречий, с которыми мы сталкивались в своей работе.

Забегая вперед, стоит сказать, что уже в ходе самих дискуссий эти формулировки подвергались уточнениям и критике, что, на наш взгляд, еще раз подтверждает необходимость подобных мероприятий: они создают пространство для того, чтобы договариваться о понятиях и осмыслить опыт.

В итоге каждый круглый стол строился вокруг трех вопросов — двух общих для всех подсекций и одного специального для данного тематического блока.

Данная публикация является следующим этапом нашей работы по коллективной рефлексии прикладного опыта. Мы отобрали фрагменты дискуссий,

в которых разговор выходил за пределы конкретных кейсов — к более общим суждениям о природе прикладной работы и об условиях производства антропологического знания. Наша цель — не подвести итог, а продолжить разговор и пригласить к нему более широкий круг коллег.

Подготовка материала к публикации стала для нас отдельной интеллектуальной работой. Расшифрованные записи трех круглых столов представляли собой плотный массив живой речи — с повторами, оговорками, отсылками к репликам, прозвучавшим часом раньше или на предыдущем круглом столе, а порой и к разговорам, которые велись уже за пределами секции. Соотносить эти пласты внутри одной публикации, на которую читатель смотрит как на самостоятельный текст, оказалось непростой задачей.

Первой ощутимой сложностью стал сам перевод живой речи в письменную. Реплики, произнесенные в свободной дискуссии, нередко строились по логике, отличной от логики письменного высказывания: мысль уточнялась по ходу ее формулирования, тезис мог быть собран только к концу длинной фразы, а часть смысла удерживалась интонацией, паузой и реакцией коллег. Часть реплик публикуется в авторской редакции и частично отличается от того, как они прозвучали изначально.

Здесь же стоит оговорить еще одно обстоятельство, делающее наш текст гибридным жанром — не вполне стенограммой и не вполне эссе. Между моментом произнесения реплики на круглом столе и моментом ее авторской редактуры прошло значительное время, за которое некоторые участники переформулировали свои высказывания. Иногда — стилистически, иногда — содержательно: уточняя мысль, докручивая ее или, наоборот, смягчая то, что в момент речи было сказано острее. Мы не считаем это искажением: переход в письменный регистр предполагает иную меру ответственности за слово, и право автора отредактировать собственную реплику кажется нам бесспорным. Но это означает, что публикуемый текст — «авторизованная» версия разговора, и читатель, по-видимому, имеет право об этом знать.

Отдельная сложность — отсылки. Участники постоянно опирались на то, что прозвучало раньше. Часть таких отсылок мы оставили как есть, потому что они показывают, что дискуссия была сквозной и держалась на общем контексте обсуждения, а не на отдельных выступлениях. Это означает, что местами читатель публикуемых материалов оказывается в положении человека, пришедшего в середину разговора. Это положение мы решили не маскировать, что, надеемся, не испортит общего впечатления от дискуссии.

Также важно упомянуть о том, как мы пытались тематически сгруппировать реплики. Изначально предполагалось вычленить несколько подкатегорий, привязанных к вопросам круглых столов. Однако быстро выяснилось, что вопросы повлияли на дискуссию гораздо меньше, чем мы рассчитывали: участники возвращались к одним и тем же сюжетам — заказу, лояльности, рынку, академическим стандартам — независимо от того, какой вопрос был задан и в рамках какой подсекции. Мы пробовали разные способы сборки этого текста: разделить материал на «структуры» и «этику», ввести отдельную рубрику «заказ», развести «идентичность» и «аффективное измерение» профессиональной работы. Ни одна из сеток тегов не выдерживала провер-

ки материалом: реплики не желали распределяться по чистым категориям и в большинстве случаев попадали сразу в несколько.

В итоге мы остановились на двух блоках — «Сообщество. Лояльность» и «Исследование». Тема рынка и заказа в прикладных исследованиях стала сквозной. Объяснение тому, что эти два блока оказались работающими, а более дробные способы деления — нет, нам видится следующим. Во всех попытках классификации обнаруживался следующий устойчивый смысловой сдвиг. Какой бы из вопросов ни обсуждался — об оптике, о методах, об идеальном антропологе, — высказывания участников раз за разом смещались с содержания на описание структурных условий, в которых исследователь оказывается и в которых вынужден действовать. Иными словами, рассуждение о том, *как* устроена прикладная антропология, в большинстве случаев оборачивалось рассуждением о том, *в каких условиях* антрополог в ней существует.

Этот сдвиг — на наш взгляд, значимый и содержательный — и определил выбор итоговой рамки. Вместо тематических подкатегорий мы предлагаем читателю два угла зрения на общую ситуацию профессионального существования прикладного антрополога.

Также отметим, что вышеупомянутые структурные условия, не просто задают внешние ограничения, но формируют и саму исследовательскую оптику: то, как антрополог видит поле, каких акторов считает значимыми и какие вопросы вообще кажутся ему уместными. В этом смысле *давление структур* — это не помеха исследованию, которую можно преодолеть достаточной рефлексивностью, а его постоянный фон, во многом определяющий, что именно производится в результате. Именно поэтому обсуждение такого давления также проходит красной нитью через всю дискуссию, и вынести его в отдельную рубрику не представляется возможным.

Наконец, есть реплики, которые в публикацию не вошли. Мы отмечаем это, чтобы читатель помнил: публикуемая выборка — это не стенограмма, а результат нескольких уровней отбора, и сами эти уровни тоже стоит иметь в виду.

***

Дискуссия

Общие вопросы секции:

— В прикладном исследовании антрополог несет ответственность одновременно перед исследуемым сообществом, заказчиком и академическими стандартами. Как разрешается конфликт лояльностей, когда эти обязательства вступают в противоречие?

— Как рыночные условия влияют на антропологическое знание?

— Видите ли вы в этом проблему и, если да, как пытаетесь ее решать?

Специальные вопросы каждой подсекции:

Подсекция 1:

— Как наличие заказчика меняет вашу исследовательскую оптику и профессиональную позицию?

— Идеальный заказчик для идеального антрополога: какой он?

Подсекция 2:

— Прикладная антропология может требовать использования «чужих» методов или адаптации «своих» под ограничения времени и формата?

— Где проходит граница между адаптацией и утратой качества исследования?

Подсекция 3:

— Как структурные и контекстные условия прикладных проектов — сроки, междисциплинарность команды, институциональные требования — трансформируют вашу исследовательскую практику?

— Каким должен быть идеальный антрополог для прикладного проекта?

Сообщество, лояльность

Иван Сапогов: Для меня «сообщество» — это триггерное выражение. Когда я слышу слово «сообщество», я хватаюсь за револьвер. Некоторое количество сил и времени я посвятил тому, чтобы критиковать понятие «городского сообщества». Более того, в сборник «Партиципаторная Россия», который собирались издавать в НЛО Илья Севастьянов и его коллеги, должна была войти моя статья, где я писал, что партиципация вообще невозможна, что никакой партиципации нет.

Тут речь идет скорее даже не о заказчике, а о некоторых представлениях, которые заказчик разделяет — да будет позволено ввести такую категорию, — такие общие места, «*loci communes*», которые имеются вокруг того, что называется городом: вот у нас есть город, и считается, что в городе есть сообщества. И так считается не потому, что в науке так принято концептуализировать, а потому, что у нас есть конкурс «Формирование комфортной городской среды», в котором необходимо исследователям показать, какие запросы есть у горожан и как проект их решает. И показать, пользуясь определенными заранее заданными выражениями. Разумеется, антрополог, работая над заявкой для этого конкурса, будет конструировать сообщество. Никуда он от этого не денется. Имеет ли он на это право — вопрос, и у меня нет ответа на этот вопрос.

Проблема в том, что антропологи вообще довольно часто это делают. Иногда они делают это безотносительно того, есть такая установка в каких-то

документах или нет. Но в данном случае у нас не остается другого выбора, кроме как конструировать сообщество. Я как исследователь могу считать, что понятие «сообщество» и чисто академические коннотации, которые оно за собой тянет, не годятся для описания городской социальности, но как только мне потребуется выполнить полевую работу для заказчика, который хочет получить федеральное финансирование, мне придется заниматься вот этим вот — пользоваться теми выражениями, которые я до этого с таким пылом критиковал.

Святослав Ковальский: Мне «сообщество» не нравится. Это совершенно точно надо деконструировать. «Сообщество», «заказчик», «академические стандарты» — это уже определенная модель социальной ситуации и, соответственно, какие-то позиции, которые в этой социальной ситуации можно занимать. Нечто под названием «сообщество» в этой ситуации, по крайней мере, по моему опыту — скромному, но тем не менее, — это, пожалуй, самая большая редукция, самое большое огрубление, самое большое обобщение из этих трех вещей. Самая неконкретная абстракция — и самая опасная по своим последствиям. Буквально можно людям гадостей наделать, того не желая. Потому что, как правило, то, что мы понимаем под сообществом, не является монолитом. Очень часто группы состоят из множества разных коллективов с конфликтующими или неконфликтующими интересами, пока ты эти интересы не столкнешь своей персоной, сам того не желая.

В какой момент возникает заказ от сообщества? Когда мы всех собрали и такие: «Здравствуйте! Мы приехали, хотим вам творить добро?» Когда собрали слушания, столкнули всех лбами? Любимая сейчас панацея — «*community-based research*»[1], которая, мне кажется, зачастую весьма страшная вещь по своим последствиям.

Заданная вопросами «ответственность» перед «сообществом», «заказчиком» и «академическими стандартами» имеет смысл только в рамках некоторых теорий моральной ответственности и социальных онтологий (например, допускающих коллективную ответственность и существование коллективных акторов). То же, в общем-то, касается и «лояльности», хотя это несколько иное понятие, требующее отдельного обсуждения. Как бы то ни было, я исхожу из того, что сообществ как монолитных коллективных акторов не существует и, соответственно, ответственность перед ними — фикция (пусть и могущая иметь ощутимые последствия, но которые причиняются отнюдь не усилием коллективных сущностей). Что не фиктивно, так это вина, которая может быть на нас возложена вполне конкретными людьми, на которых мы воздействуем своим вовлечением во всякие прикладные проекты. И вот с этим, пожалуй, считаться сложнее, чем строить утешающие абстрактные схемы ответственностей и лояльностей перед абстрактными же сообществами, заказчиками и т.д. Концептуальное решение конфликта лояльностей не спасет от практических обвинений и переживаемого чувства вины.

В конечном итоге, мне кажется, нам нужно эту ситуацию осмыслить в других категориях. Может быть, этот мир не состоит из «сообществ», «заказчи-

[1] Особое направление исследований, в рамках которого исследователи и заинтересованные члены сообщества сотрудничают с целью решения проблем, выявленных сообществом.

ков», «стандартов», «лояльностей» и проч. Он состоит из чего-то другого. Соответственно, наши действия в этом мире могут быть лучше, если мы по-другому выстроим отношения, руководствуясь иными категориями.

Мария Мочалова: Мы все равно как антропологи в предложенных нам исследованиях так или иначе живем в какой-то патерналистской конструкции, но мне хочется верить, что мы чувствуем и понимаем ее устройство. Есть кто-то, у кого больше власти, сил, полномочий и денег, есть кто-то, у кого меньше, — и мы всегда видим это в ситуации заказа. Вопрос наш — он скорее про это. И у меня достаточно простой ответ — я здесь выступаю «защитником обездоленных». Простите, что слишком много на себя беру, но мне кажется, мы имеем вес какой-то, значимость и силу; сама практика производства знаний антропологами имеет все это. И еще мы обладаем умением подбирать разные слова и способы говорить: если нам не нравится одно, мы не разделяем какое-то направление работы или представления информации, мы можем постараться заменить его другим.

Мы можем влиять на эту ситуацию распределения сил и чуть больше приблизиться к какому-то более идеальному миру, или, по крайней мере, более идеальной ситуации исследования, в которой мы постараемся решить какую-то проблему.

При этом, когда все эти наши лояльности вступают в противоречие — мне сложно. Я не могу выбрать или встать на позицию того, у кого больше власти. Хотя я понимаю, что можно иногда перевернуть игру и сказать, что, например, у коренного сообщества в каком-то смысле больше власти в ситуации, когда разговор идет об историчности и индигенности сейчас, в наше постколониальное время. Через этот дискурс тоже осуществляется власть, но и эта ситуация продиктована кем-то, у кого власти еще больше, ведь рамку индигенности как бы предложили, «подарили» во многом именно исследователи и политики. К тому же она работает зачастую только, пока сообщество представляет себя достаточно «коренным» и «аутентичным», чтобы этот дискурс его опознал.

Наталья Савина: В предпроектных исследованиях, связанных с благоустройством (значительную часть которых занимает подготовка заявок на федеральный конкурс, известный многим как МГИП), я регулярно оказываюсь в ситуации некоторого напряжения между интересами заказчика (которым выступают архитектурное бюро и местная администрация, а иногда еще и региональная) и интересами горожан. Поскольку в таких государственных проектах участие жителей заявлено как базовая рамка и своего рода «правила игры», я вижу свою профессиональную задачу в том, чтобы последовательно поддерживать в проекте сторону жителей: подсвечивать их интересы, запросы, ценности, привычки и повседневные практики, а также следить за тем, чтобы они действительно учитывались при разработке архитектурных решений.

Как человек, получивший антропологическое образование и работающий с опорой на него, я вижу свою роль в том, чтобы привносить в проект антропоцентричный взгляд. Я стараюсь, чтобы эта оптика влияла не только на мою исследовательскую часть, но и на всю работу проектной команды: на взаимодействие с людьми, выбор проектных решений, способы описания города/поселка и конкретной территории, а также на презентацию. В частности, для

меня принципиально важно, чтобы в альбомах – сверстанных презентациях, в которых оформляются результаты работы междисциплинарной проектной команды, — люди и их практики не превращались только в набор схем, таблиц и обозначений «типов пользователей». Один из показательных примеров — то, как архитекторы и дизайнеры часто изображают посетителей пространства через схематичные иллюстрации: вот мама с коляской, вот подросток, вот бабушка… Безусловно, в архитектурных и аналитических материалах невозможно полностью отказаться от условностей, но мне кажется важным, чтобы эти условности не начинали превалировать и не вытесняли ощущение знакомства с жителями конкретного места. Поэтому я всегда выступаю за то, чтобы в материалах, где это возможно и уместно, появлялись фотографии реальных горожан и их практик. В частности, я стараюсь просматривать материалы архитекторов и аналитиков и предлагаю заменить условные иллюстрации фотографиями реальных людей. Еще более скептически я отношусь к использованию ИИ-иллюстраций людей, которые становятся все более распространенными. Сейчас дизайнеру даже не нужно специально разрабатывать обобщенный образ жителя, поскольку его можно быстро сгенерировать, и это оказывается проще, чем найти фотографии реальных людей. Меня смущает такая тенденция, потому что она позволяет очень легко и быстро создать презентацию проекта, весьма далекую от реального контекста.

Еще один показательный для меня момент — проведение общегородских проектных семинаров. Мне приходилось наблюдать за работой разных проектных команд, и, например, мне кажется важным, когда приглашенным людям дают право высказаться и самим нарисовать что-то на картах или листах, отметить важные места, написать свои предложения, приклеить стикеры — а не рисуют или клеят за них, оправдывая это тем, что так удобнее в работе.

Мне кажется, что, привнося антропоцентричную оптику в проект, антрополог может, метафорически говоря, «заражать» ею или «прививать» ее другим участникам процесса — чтобы, разрабатывая проекты по государственным программам, они так или иначе держали в голове, что работают не только для удовлетворения собственных профессиональных амбиций, не просто для городов и «развития территорий», а в конечном счете — для людей. Такую оптику, на мой взгляд, важно передавать прежде всего архитекторам и тем самым напоминать им, что они проектируют не для абстрактных пользователей, а для конкретных людей, живущих в определенном контексте, с разными привычками, потребностями и ожиданиями. Не менее важно, чтобы эта перспектива была видна и городской администрации, которая так или иначе знакомится с проектными материалами и принимает участие в их обсуждении. Для администрации такие материалы могут становиться и напоминанием о том, что речь идет о создании условий для конкретных людей — жителей, для которых они работают. Наконец, мне кажется, что эту оптику стоит передавать и экспертам, которые оценивают заявки в Минстрое. Когда они просматривают 500 заявок за два месяца, существует риск, что за схемами, таблицами и сгенерированными персонажами исчезнет само место и его жители. Поэтому мне кажется важным, чтобы проектные материалы помогали увидеть не только архитектурные предложения, но и тех людей, ради которых они разрабатываются. В конце концов, представителям Минстроя — как сотрудникам государственной структуры, так и нанятым ими экспертам — тоже стоит напоминать, что они работают, распределяют федеральные средства и принимают решения не для абстрактных персонажей, а для реальных людей.

Виктория Михайлова: Мне хотелось задать вопрос Наталье [Савиной] во время ее доклада, но, пожалуй, лучше вынести его на общее обсуждение. Наталья описала позицию, при которой для нее важно влиять на проектный процесс — и мне это очень близко, потому что я сама в схожих проектах всегда стараюсь встроиться в структуру работы именно таким образом, чтобы оказаться в такой же позиции. Я выстраиваю свою исследовательскую практику так, чтобы те наблюдения и выводы, которые появляются в процессе исследования, могли реально войти в проект и повлиять на решения.

Но вот что меня здесь занимает. Когда я нахожусь в этой позиции, я автоматически становлюсь тем, кто занимается репрезентацией и интерпретацией, — и тем, кто несет за это ответственность, ведь эта интерпретация в итоге реализуется через проект, через конкретные решения. Иными словами, я несу ответственность не только за исследование, но и за то, что из него воплощается в жизнь. И тогда возникает вопрос: почему для нас эта позиция кажется правильной? Что именно мы считаем своей задачей и насколько осознанно мы принимаем на себя эту ответственность?

Алевтина Бородулина: у меня есть ощущение, что в моем исследовании бидаю в Малайзии я лояльна духам (в шутку — мы наняты духами на работу). В исследуемом сообществе все разные на самом деле, там не все «обездоленные» (отсылая к реплике Марии Мочаловой). И у всех очень разные интересы — и экономические, и властные. А есть, помимо этого, ещё какая-то идеалистическая картинка — она близка к тому, о чем Мария говорила: такое ощущение, что мы всегда должны быть на стороне… ну, например, ты любишь это здание — и ты хочешь, чтобы оно скорее сохранилось, а не было уничтожено. Это твое личное предпочтение, но от этого никуда не деться. Лучше, если будет сохранено что-то от этой архитектуры, может быть, просто потому, что я человек, который любит культурное разнообразие. Я поняла, что, несмотря на идеалы исследовательской дистанции и объективизма, я всегда начинаю эмоционально привязываться ко всему, что я делаю. И в той ситуации — как Мария как раз описала: ты получаешь деньги от одного источника, будь это российский научный фонд или заказчик, но морально ты работаешь как будто на некое субъективно понимаемое всеобщее «благо». Это, возможно, теоретическая картина. Но я с ней существую.

Виктория Михайлова: Мне хотелось бы вернуться к тому, о чем говорилось в самом начале — о том иллюзорном благе, которое мы, как исследователи, якобы несем. Есть такое представление, что мы всегда должны стоять на защите сообществ. Но мы уже выяснили, что сами сообщества — понятие не очень устойчивое: непонятно, кто именно входит в это сообщество и кого именно мы защищаем.

Мне кажется, что эта позиция — «мы защищаем обездоленных» — всегда эмоциональная, и всегда про некое сконструированное благо, которое существует прежде всего в наших головах. Откуда берется это представление о благе — отдельный вопрос, но оно у нас есть, и мы его воспроизводим.

Но при этом мы понимаем, что есть исследователи, которые работают, например, на корпорации, изучают их и могут находиться на их стороне. Видимо, эти исследователи оказываются, по такой логике, в невероятном кризисе:

они должны защищать обездоленных, но стоят «на стороне зла». Мне кажется, «благо» относительно и всегда ситуативно, и все не так просто и очевидно, чтобы можно было разделиться на «хороших» и «плохих».

Екатерина Садова: Если говорить об этике, я бы добавила сюда не только заказчика и академические стандарты, но и государство. Потому что мы как современные исследователи так или иначе работаем внутри текущих процессов и не можем их не учитывать.

Например, в одном проекте я работаю с чувствительной аудиторией, которой критически необходима государственная поддержка. И этические вопросы исследований для меня становятся особенно яркими, когда речь идет об анализе социальных проектов, которые получают внешнее финансирование.

Возникает как будто бы двойная ответственность — с одной стороны, перед самим сообществом, потому что важно не навредить, не поставить под риск его будущее финансирование. С другой — я действительно в рамках исследований могу выявить некоторые нереализованные обещания, которые заявлялись при запросе на грантовую поддержку… И как мне в таких ситуациях, где мои выводы могут иметь реальные последствия для участников, с трудом получающих какую-то помощь, сохранять исследовательскую нейтральность — пока я не понимаю.

Третье — про гранты. Я немного залезу в рассказ Виктории [Михайловой] и, прошу прощения, — мы просто вместе делали один территориальный проект. Когда ты идешь в поле как исследователь, который потом будет передавать материалы для того, чтобы территория получила деньги на развитие, — у меня так было и во Франции, и в России, — ты как бы должен подчеркнуть такие проблемы, которые, с одной стороны, реально существуют, а с другой — на которые правда можно получить финансирование и за счет этого что-то изменить.

И здесь возникает вопрос, на который, кажется, тоже нет ответа. Это снова про определенную вынужденную узость взгляда: ты как специалист понимаешь, что, условно, на парк деньги не дадут, а на школу — скорее всего дадут. И если ты действительно хочешь помочь сообществу, ты работаешь в этих рамках, понимая, что есть более важные для сообщества проблемы, которые ты не можешь затронуть, потому что заявка не про это и денег тут не дадут.

И вот эта сложность — сужение поля из-за рыночных условий и заданного целеполагания, то есть того, насколько ты вообще понимаешь, что то, что ты исследуешь, потом реально на что-то повлияет, — меня тоже волнует. Я пока нахожу для себя ответ в том, что мне бы хотелось действительно что-то менять на территории, поэтому я, в общем, играю по этим условиям. Но они для меня сложны. Я в этом вижу проблему. Не знаю, как на нее ответить, как решить пока.

Мария Сакирко: У нас[2] имеют значение не только академические стандарты, но и музейные стандарты, хотя здесь тоже нет каких-то четко очер-

[2] Здесь и далее Мария Сакирко и Полина Жураковская в своих репликах обсуждают свой опыт работы в проекте Музея Москвы «Москва без окраин», состоящем в серии выставок о районах Москвы, основанных на личных историях жителей.

ченных границ. Но вот пример, когда наши собеседники имеют свое видение того, как должна быть устроена выставка — не только то, как рассказана их история, но и в целом то, что еще представлено на выставке, и главное — как. С одной стороны, это очень ценно, и мы стараемся прислушиваться к мнениям и идеям наших собеседников. Но с другой стороны, мы стараемся разграничивать зоны экспертности: все-таки есть кураторы, которые принимают экспозиционные решения, а наши собеседники — эксперты по своим районам, по опыту жизни в них. Но это всегда довольно длительный диалог — мы пытаемся найти компромисс. Бывает так, что мы принимаем позиции наших собеседников, но мы часто настаиваем и на нашей позиции. У наших собеседников всегда есть возможность отказаться от участия, если они кардинально не согласны с нашим видением. У нас была пара таких случаев, когда уже на этапе согласования финальной витрины люди отказывались участвовать. Такое бывает.

Павел Куприянов: А когда они между собой конфликтуют — такое бывает?

Полина Жураковская: Бывает. Например, так было на выставке про Очаково-Матвеевское. В ней участвовали жители Очакова и Матвеевского. Жители Матвеевского не хотели, чтобы их истории пересекались с историями жителей Очакова. Это две очень разные территории — артикулированно разные. Сотрудники «Планеты» — организации, устраивающей разные культурно-массовые мероприятия, — поделились с нами, что им очень сложно сделать одно событие для двух районов, и они делают два одинаковых: утром, скажем, в Очакове, вечером в Матвеевском. Жители не хотят соприкасаться между собой. Когда они все пришли на открытие, мы стали свидетелями напряжения и латентного конфликта в режиме реального времени.

Павел Куприянов: Вы знали про эту ситуацию заранее?

Полина Жураковская: Да, знали.

Павел Куприянов: Но вы не могли сделать две выставки?

Мария Сакирко: Нет, мы не могли сделать две выставки, потому что делаем одну выставку в рамках района. Административные границы для нас — принципиальное условие. Но мы стремимся к тому, чтобы внутри этих границ не пытаться создать какой-то единый обобщенный образ, а как раз говорить о разнообразии и различиях.

Полина Жураковская: Разочек дай волю — и начнется: «Арбат — это вообще-то до Остоженки» и тому подобное.

Павел Куприянов: Мне нравятся эти антропологи… Понятно. Но такого, что вы все время решаете в пользу ваших информантов или все время в пользу музея — такого нет? У вас всегда по-разному или все-таки есть некоторые доминирующие факторы?

Полина Жураковская: Мы с Марией [Сакирко] очень настойчиво остаемся на стороне наших собеседников. Мы их очень любим, уважаем и ста-

раемся по возможности защитить. Например, в случае с текстом: мы просим редактора сохранить в нем все, что важно для собеседника, можем несколько раз согласовывать. Нам важны моменты нашего общения и уважения. Иногда удается настоять на сохранении изначальных формулировок.

Павел Куприянов: Вы себя чувствуете такими медиаторами, о которых говорила Екатерина [Садова], или нет? Между… кем-то и кем-то.

Полина Жураковская: Я-то точно себя чувствую. У меня есть это ощущение медиатора, переводчика. Поэтому я и настаиваю на максимально корректной, уважительной репрезентации каких-то важных для людей сюжетов.

Мария Сакирко: Мы неизбежно оказываемся в роли переводчика, который выбирает, интерпретирует и адаптирует истории своих собеседников для музейного пространства, но мы стараемся максимально внимательно это делать. Но понятно, что всегда есть опасность что-то пропустить, допустить ошибку, и такие ситуации тоже бывали.

Исследование

Святослав Ковальский: Сперва нужно определиться, что такое оптика, потому что метафора эта донельзя затасканная. И в этом отношении, как могут заказчики или не заказчики, кто угодно, влиять на оптику, не вполне очевидно. У меня «диоптрия» не меняется… Если иметь в виду методологию, то она, пожалуй, никак не меняется от наличия заказчика. У тебя есть какие-то общие исследовательские установки, грубо говоря, парадигмы мышления: если ты болеешь историзмом, или социологизмом, или еще чем-нибудь — онтологическим поворотом — то это с тобой и останется, вне зависимости от того, есть у тебя заказчик или нет. Если понимать под оптикой методику (то есть конкретный набор исследовательских приемов), то и она тоже, в общем-то, не зависит напрямую от заказчика, а скорее от цели и предмета. Конечно, можно сказать, что заказчик формулирует эту цель и предмет, но, по моему опыту, их формулирование — написание ТЗ — это как минимум диалогический процесс.

Теперь про профессиональную позицию. Она тоже никак не меняется от наличия заказчика: я остаюсь антропологом, научным сотрудником вне зависимости от того, какой у меня заказчик. Скорее меняется то, что называют позициональностью (*positionality*) в антропологии. И вот тут как раз возникают серьезные дилеммы. Статус исполнителя заказа — то есть некоторой заинтересованной стороны, если ты его не скрываешь от людей, — очевидно, исключает возможность такой позиции, как медиатор в отношениях. В каких-то ситуациях роль адвоката сообщества будет исключена, если заказчик, например, корпоративный. Тут можно еще задаться вопросом: не исключает ли роль исполнителя заказа вообще статус и позицию ученого. Это тоже возможно.

Мне кажется, в этом смысле не профессиональную позицию надо рефлексировать, а именно вот эту позициональность. Хотите вы этого или нет, она будет иметь последствия. Поэтому ее надо рефлексировать и на входе, то есть сразу думать, кем ты окажешься в этой ситуации; и в процессе, потому

что процесс будет оказывать влияние на то, кем ты оказываешься; и на выходе из ситуации — это тоже определяющая вещь: есть «жизнь проекта после проекта».

Что касается идеального заказчика: идеальный заказчик в идеальном мире — никакой, потому что в идеальном мире нет заказчиков. Это капиталистическая корпоративная логика, то есть логика несовершенного мира. Это я полусерьезно, полушутя. Вообще идеальному антропологу не пришлось бы браться за заказы, потому что позиция исследователя в хорошем мире — это позиция, где ты не голодаешь и у тебя не становятся круглыми глаза от того, что тебе какую-то сумму предложили. Соответственно, ты не берешься за заказы — ты занимаешься «рисерч». Хотя «рисерч» — дурацкое слово, потому что оно стало синонимом «прикладнухи». Давайте «познавать мир» — это здорово. Пусть все будут исследователями. Мир философов — это хороший мир. А в неидеальном мире идеальный заказчик — это стихийный антрополог. Это если мы смиримся с тем положением вещей в мире, в котором живем.

Павел Куприянов: И я правильно понимаю, что из того, что ты говоришь, следует: наличие заказа, ситуация заказа угрожает твоей позиции как ученого? Ты как будто боишься перестать быть ученым в какой-то момент?

Святослав Ковальский: Я бы сказал, что не боюсь. Мне кажется, прикладная роль — это не исследовательская роль, это не про познание мира, это про действие в мире. И в этом смысле — это другая роль. Я не хочу сказать, что она плохая. Но при этом действовать в мире не обязательно через заказ. Заказ, мне кажется, это черта нашего времени — она не универсальная, не внеисторичная.

Алевтина Бородулина: Пока я работала в академии, я писала то про Сахалин, то про Крохино — меня вообще невозможно было остановить. Но я не понимала, для чего это все нужно. То есть я не очень верила в то, что я вношу какой-то большой вклад в великую теорию или в знания о мире. Мне казалось, что я приезжаю в какое-то место — вот как на Сахалин, в заброшенный городок, где людям плохо, и у них — своя жизнь, а я на этом зачем-то делаю себе академическую карьеру. И после того, как я от них уеду, им лучше не станет, потому что я не журналистка, я не смогу привлечь внимание к их проблеме. Прочитают это три с половиной человека. Я себя чувствую очень бесполезной. И именно наличие заказчика — скорее, даже прикладного исследования, — дает мне хотя бы веру: то, что я делаю, не напрасно и, может быть, чуть-чуть кому-то как-то станет от этого лучше. Такую мотивацию. Это — во-первых.

А во-вторых, заказчик дает временные ограничения. Он как бы говорит тебе: вот отсюда досюда мы работаем. И неважно, что это еще не идеально, не завершено, не доисследовано, не дочитано — вот все, вы должны выйти к этому месяцу! Это тоже помогает. Ну, единственное, что если вы идеальный заказчик, то, конечно, должны быть адекватные сроки. Вот в одном случае, я ответила: «Полгода работы — это прекрасно!». Был другой заказчик, который думал, что социокультурное проектирование делается за неделю, а мне нужно было объяснить, что за две недели (хотя, на самом деле, и не за две).

Екатерина Садова: Я хотела сказать по поводу моей боли: рыночные условия требуют максимально коротких, ярких и емких текстов. И я не понимаю, как следующий специалист, который будет приходить, например, через год, будет это оценивать. Как он посмотрит на мои тезисы без расписанных формул, выборки, ещё чего-нибудь… Как он будет работать с этим дальше? Насколько действительно заказчики — и даже, в первую очередь, команда, которой предстоит дальше работать с выявленными мною проблемами, — будут принимать это мое «целеполагание», понимать, что именно и почему я предлагаю вводить, — для меня большой вопрос.

Я все равно пока пишу вот этот большой внутренний документ, где расписываю весь ход работы и логику будущих изменений, причинно-следственные связи. Я знаю, что сейчас его никто не читает, поэтому мне больно и грустно: я, по сути, пишу почти диссертацию (понятно, что — нет, но это просто большой-большой труд), которую рынок не требует. Но он нужен в реальности, потому что я понимаю: когда я захожу, например, за кем-то в проект, я тоже не могу восстановить эту цепочку, не могу даже понять, что предыдущий аналитик мог сделать неправильно, — и иногда приходится в целом исследование начинать полностью заново. И вот эта особенность рыночных условий меня печалит.

Виктория Михайлова: Как раз хотела сказать еще про тот пресловутый «продукт». Мне кажется, что рынок влияет на нас именно в этом аспекте очень сильно: продуктовая логика, о которой мы сегодня говорили, вынуждает нас упаковывать наше знание в какой-то продукт. Каким именно будет этот продукт — отдельная история, зависящая от задачи и контекста, — но это должен быть именно «продукт» в рыночном смысле. Мы должны подобрать к нему понятную упаковку, которую смогут воспринять потенциальные заказчики, и суметь объяснить, что именно мы можем сделать, доступным языком. Вот эта продуктовая логика на нас действительно сильно влияет.

И здесь же — про методы. Мы уже обсуждали сегодня, что бизнес-инструменты развиваются быстрее, чем исследовательские: они более гибкие, оперативные и лучше упакованы. И это тоже давление, с которым приходится считаться.

Павел Куприянов: О чем и речь. Вот эти все обстоятельства, они как будто бы меняют то, что получается в процессе, и то, что получается в итоге. Вот я все время себя ловлю на том, что если я пишу статью, то я могу оговорить и продемонстрировать сложность, я могу ее показать и что-то с ней там как-то крутить, как-то пытаться объяснить действительность и даже сказать, например: «Смотрите, не получается объяснить с помощью вот этого инструмента». А когда у меня есть человек, который спрашивает: «Сколько вешать в граммах — проектировать все-таки детскую площадку или рампу для скейтеров? Всё-таки каток или сцену?» — вот тут я как будто вынужден как-то всё-таки себя ограничивать, и эта сложность отступает куда-то на дальний план, остается за скобками. А здесь вот я говорю: «Ну, как будто, в общем, сцена — пожалуй, самый оптимальный вариант».

Мария Мочалова: Государство, которое вроде бы должно быть не совсем рыночным игроком, а каким-то иным, дающим деньги на фундаментальные

исследования, на самом деле им не является. Потому что если ты получаешь финансирование под конкретное исследование — его идеи, цели и результаты, под его объём, которые ты заранее прописываешь, — то именно за осуществление всего этого прописанного ты и получаешь оплату. А значит, ты все равно оказываешься в той самой ситуации рынка, которую мы только что раскритиковали, просто заказчиком тут выступает государство.

Получается, что по-настоящему вне рынка ты оказываешься только в одном случае: когда достигаешь такого уровня экспертности и признания, что тебе дают средства на проведение исследования и твое существование просто за то, что ты исследователь. Тебе настолько доверяют, что разрешают самому придумывать, что именно изучать, — не спрашивая заранее, под какие конкретные цели и результаты. Такое, если честно, сложно представить, потому что это какая-то ситуация почти полного отсутствия контроля, получается, со стороны общества.

На деле, мне кажется, другой ситуации, в которой мы не продавали бы знание, — у нас пока просто нет. Поэтому проблему я вижу иную, более «земную»: это «модность» отдельных «рыночных» слов, пришедших в академию. Не нужно пытаться все превратить в продукт. Оттого что мы назовем «продуктом» наше исследование или текст, наша работа не станет более прикладной, популярной или ценной. То есть это вопрос к языку, а не к самой рыночной ситуации. А к ситуации какие вопросы? Мы живем в капитализме, а у него нет «снаружи». Он задает не только условия того, как и откуда мы получаем деньги, но и сами категории, в которых мы описываем свою работу.

Александр Басов: Хочу вернуться к тому, что тут как-то, мне кажется, немного потерялось: разделение, на котором настаивает Павел [Куприянов] между прикладными и неприкладными академическими проектами. Мы обсуждали это с ним в интервью про проект, о котором Алевтина [Бородулина] рассказывала в докладе[3]. Мы оказались в такой ситуации, когда ты, чтобы сделать хороший продукт, чтобы он продавался, ты… чистишь его. Все, что не продается, что глаз занозит, — ты это убираешь. Ты там, конечно, подстилаешь себе какую-то соломку, пишешь, что мы, конечно, не все осветили. Но это одно предложение на техническом языке, где-то там во «Введении» — такой маленький дисклеймер, небольшой, таким маленьким шрифтом. А все остальное, когда человек эту книжку читает, у него будет ощущение, что вот как живут бидаю, что у них вот такая культура, что вот у них вот эти три цвета. И они монолитное сообщество, и хотят развиваться в туризме, конечно. И это так и задумано, и так и нужно, потому что вот так оно будет работать, а иначе будто бы не будет.

Эта вот история, она как бы… вшита в форматы нашей жизни.

И потому я не уверен, можно ли ее решить ясным языком или чем-то таким. Кажется, здесь работают какие-то структурные неравенства и какое-то изощренное насилие, которое зашито в это все производство продуктов, — и это не лечится так просто. Только революция какая-то нужна.

[3] Имеется в виду обсуждение прикладного исследования в Малайзии: (*Басов и др*. 2025).

Мария Сакирко: Для нас это, конечно, очень актуальный вопрос — во-первых, с точки зрения ограничения времени и формата. Мы работаем примерно 3–4 месяца над каждой выставкой. Правда, у нас три человека, которые активно берут интервью и еще несколько интервьюеров, которые нам помогают. Еще у нас ограниченное пространство, в котором мы представляем истории. Довольно часто бывает так, что у нас есть возможность — есть необходимые контакты и понимание направления — и есть желание глубже погрузиться в какую-то историю, но мы понимаем, что мы не можем: мы должны успеть обработать [имеющийся материал и] познакомиться с теми институциями и сюжетами, которые еще не охвачены в районе. Мы не можем себе позволить ввести все истории в полном объеме.

Но одновременно с этим нам недостаточно поговорить, условно, с одним человеком — то есть мы пытаемся увидеть разнообразие взглядов и включить разные опыты, связанные с каким-то конкретным местом или с конкретным временным периодом. Плюс есть проблема формата: одна выставка следует за другой, и мы еще, например, не успели вернуть экспонаты собеседникам с предыдущей выставки, а у нас уже идет подготовка к следующей. И вот это наслоение тоже создает постоянную проблему и риск утраты качества исследования.

Но одновременно есть вопрос: можем ли мы это называть исследованием? Конечно, в академическом плане здесь много моментов. Например, мы не можем быть достаточно критичными. Если мы видим какие-то конфликты в районе, то мы скорее будем их смягчать на выставке, чем актуализировать. Если бы мы проводили академическое исследование, мы бы, наоборот, взяли это за основу для того, чтобы понять район. Здесь мы, конечно, это учитываем для понимания района и того, как с ним работать, но в самой экспозиции мы все-таки стараемся уйти от оценочных суждений, которыми делятся наши собеседники.

Полина Жураковская: Это правда немножко напоминает коллекцию историй, такой чисто описательный проект — и это моя ужасная боль, потому что я говорю: давайте сядем, проанализируем, продумаем какие-то смыслы. Но это как будто постоянно ускользает, как будто не хватает сил и времени на аналитическую работу времени <…> И, в общем, тебе остается согласиться с тем, что, наверное, главный эффект этого проекта — это, во-первых, действительно, накопление какой-то информации, которая будет потом доступна уже для нормального исследования, и, кроме того, есть еще терапевтическое измерение, которое совершенно точно работает. Этот результат точно есть, и мы часто получаем такую обратную связь: что важен сам процесс участия, важна ситуация участия.

Мария Сакирко: Да, ситуация диалога с жителями, благодаря которой они начинают чувствовать музей своим.

Павел Куприянов: Да, социальный эффект или эмоциональный эффект — это как раз очень понятно. Но вот мне кажется: не правильнее ли «отпустить» и сказать, что мы не занимаемся исследованием, мы собираем материал. Может быть, так концептуализировать вашу деятельность? Потому что, мне кажется, попытка сказать, что наше исследование про смыслы района, — это

такая зыбкая почва, непонятная, как бы сказать, концептуализация, сомнительная, так скажем. Поэтому, может быть, просто: «Мы собираем материал, мы собираем воспоминания, мы собираем истории»? И тогда и вам легче станет, и, может быть, это будет точнее?

Мария Сакирко: С одной стороны, да, мы собираем истории, с другой стороны, у нас присутствует рефлексия и анализ собранных историй в определённой степени, но не в той степени, в которой бы мог себе позволить академический исследователь.

Полина Жураковская: И у нас появляются гипотезы, в отношении которых нам бы хотелось, чтобы их кто-то потом разрабатывал. Но они как бы повисают в воздухе. И точно нигде не остаются. Они остаются только в скетч-буке. И это обидно. Кажется, что мы кое-что заметили, что хочется кому-то передать.

Александра Мартыненко: В одном из первых прикладных проектов я помню, что испытывала то самое антропологическое беспокойство, которое, уверена, мои коллеги тоже много раз испытывали и много раз его упоминали. Вот это ощущение, когда тебе кажется, что те данные, которые ты собрал в рамках прикладного проекта, — недостаточны. Они какие-то неполные. С ними что-то не так.

Это то, что вызывает обычно беспокойство у людей, которые привыкли к академическим исследованиям: долгим, глубоким и т.д. И в связи с этим, в том числе в рамках прикладного проекта, посвященного дачной культуре, я сразу обратилась к Александре Касаткиной, потому что она уже обладатель экспертизы в этом поле. Но помимо ее экспертности мне была важна и ее способность адекватно воспринять то, что те данные, которые мы соберем для прикладного проекта, будут неполные, будут сфокусированы на конкретной маленькой задаче, и их сбор будет ограничен сроками. И в этом смысле идеальный антрополог для прикладного исследования, опять же — это человек, который внимателен к контексту и готов понять все ограничения, связанные с прикладными исследованиями.

Наталья Савина: Мне кажется важным разделять разные типы прикладных исследований. Например, есть прикладные проекты, в которых исследовательская практика и участие жителей специально подсвечиваются и выносятся на первый план, — это могут быть проекты благоустройства или культурные проекты отдельных институций. Если авторы или организаторы проекта заявляют, что он сделан «с опорой на социологическое/антропологическое исследование», с «вовлечением жителей» и «работой с локальным сообществом» — у меня, условно говоря, сразу возникает «стойка», как у собак на охоте. В таких случаях я считаю, что, как антрополог и специалист, понимающий, как устроена такая работа, могу предъявлять к ней профессиональные требования.

Например, если в правилах конкурса Минстроя прописано, что при разработке проекта благоустройства должно быть проведено «исследование», что должны «учитываться мнения жителей» и использоваться «механизмы соучаствующего проектирования», я могу оценивать, насколько исследова-

ние действительно было содержательным, насколько разнообразными были группы информантов и форматы, представленные как «вовлечение». Скажем, когда я открываю какой-нибудь альбом и вижу, что «исследованием» и «вовлечением» названы интервью, проведенные по Zoom, а в качестве подтверждения приложены фотографии, где в одной и той же комнате по очереди сидят разные группы информантов — сначала школьники, потом пенсионеры, потом работники культуры, — я отношусь к такому исследованию очень скептически. Или когда мои коллеги — специалисты, позиционирующие себя как «эксперты по взаимодействию с локальными сообществами», — работая в одной из республик Кавказа, позволяют себе в рабочих обсуждениях жесткие этнические стереотипы и шутки в адрес наших собеседников, у меня появляются вопросы к их профессиональным компетенциям. Ровно так же у меня возникает некоторое недоумение, когда предложения моих собеседников по наполнению выставки, посвященной им самим, не принимаются кураторами только потому, что не соответствуют их [кураторов] эстетическим представлениям: позиционируемая «работа с жителями» в таком случае, как мне кажется, вступает в некоторое противоречие с реальными решениями, принимаемыми авторами проекта.

Но есть и другой тип прикладных исследований. Например, если речь идет об исследовании для условного «Яндекса», посвященном пользовательскому опыту (UX-исследование), где задача состоит в том, чтобы зафиксировать определенные практики, сценарии, трудности или ожидания пользователей при работе с конкретным продуктом, — я несколько иначе отношусь к дальнейшей судьбе этого исследования. В таком проекте для меня может быть не столь принципиально, как именно заказчик затем учтет или не учтет результаты моей работы в своих управленческих или продуктовых решениях. Моя профессиональная ответственность в этом случае связана прежде всего с качеством самого исследования: уместным использованием разных методов сбора материала, точностью анализа полученных данных, корректным отношением к информантам и точно сформулированными рекомендациями.

Иными словами, мне кажется важным, какую роль исследование играет внутри проекта и какое место оно занимает в его публичном позиционировании. Если исследование и «работа с сообществами» предъявляются как основания для принятых решений, тогда у меня появляется гораздо больше оснований ожидать, что эта работа будет соответствовать профессиональным принципам. А в том случае, когда такая работа проводится мной, я считаю себя вправе ожидать от заказчика, что он будет учитывать ее результаты и мои рекомендации (для этого еще на этапе договоренностей стараюсь понять, насколько он к этому готов). Если же исследование выполняет скорее инструментальную задачу внутри какого-то продукта или сервиса, я не считаю, что могу претендовать на какой-либо контроль над последующими решениями заказчика.

Мария Мочалова: А кто вообще такой антрополог? Тот, кто делает какое-то полевое исследование, разговаривает с людьми. Но ведь не это делает антропологию отдельной наукой.

Взять, например, музейные проекты. На европейских образовательных программах вовсе не обязательно быть антропологом, чтобы научиться со-

бирать материалы для выставки или еще для чего-то. Под это есть отдельные направления — музейный менеджмент, Heritage Studies и проч. У нас такая программа была, насколько я знаю, только в Шанинке. Уже нет.

И вот в чем суть: путаница может начинаться еще здесь, на уровне образования и определения, что такое антропология. Тебе говорят, что в поле ходит именно антрополог. Ты такой: «Ага, значит, надо как-то притянуть к себе антропологический метод».

Александр Басов: В прикладном проекте хорошо бы понять, что этот проект делает в мире, хочешь ли ты, чтобы это в мире происходило дальше, и готов ли ты в него вкладываться как человек. И в этом смысле, мне кажется, что не так важно, называть ли это исследованием в прикладном смысле. Опять же, то, что мы с Павлом [Куприяновым] обсуждали в уже упомянутом интервью о малазийском исследовании: «Ну нет монополии у академической науки на исследования, кто угодно занимается исследованиями — и это нормально». Скорее, академическая наука отличается тем, на мой взгляд, что она должна проводить исследования, чтобы строить какие-то теории, понимать мир, как он устроен, или что-нибудь — как оно устроено. А в прикладных проектах вы проводите исследования, чтобы что-то сделать, чтобы оно что-то сделало, и тут надо понимать, хорошо ли это, правильно ли это, должно ли оно быть. Вот в эту сторону предлагаю думать.

Гавриил Малышев: Мне кажется, что ключевое качество идеального антрополога в прикладном проекте — и, шире, в любом исследовании, — это онтологическая честность. Я имею в виду честное понимание и признание того, что академическая и прикладная проектная онтологии — это разные образы мышления с принципиально разными целями деятельности. Если исследователь, начиная проект, способен с самого начала ясно определить для себя, кто он в этой ситуации и какую позицию занимает, а затем последовательно удерживать эту позицию и проговорить ее заказчику, то исследование в любом случае получится хорошим. Главное здесь — быть честным с самим собой и окружающими и не пытаться усидеть на двух стульях.

Возможных честных позиции я вижу ровно две. Во-первых, можно использовать прикладные проекты как большое академическое поле — и тогда ты остаешься внутри академической онтологии: просто изучаешь методом включенного наблюдения сам процесс проектирования. То есть параллельно работая на прикладной проект, ты можешь собирать материал для собственного академического исследования.

Во-вторых, можно, наоборот, своими усилиями постепенно смещать прикладную постановку задачи в сторону академической: убеждать заказчика, что проект должен стремиться не поменять что-то, а понять, всесторонне исследовать что-то. Для меня сегодня ответ звучит так: это две разные позиции, и идеальность антрополога заключается не в выборе одной из них, а в честности по отношению к собственному выбору.

Если антрополог входит в прикладной проект и сознательно принимает сторону архитекторов, работает внутри архитектурной онтологии, то важно понимать, что он делает. Он не должен пытаться искусственно натянуть

на эту ситуацию академические принципы и делать вид, будто занимается чистым пониманием. В прикладном проекте задача иная: не только понимать, но и улучшать, вмешиваться, проектировать изменения. И если исследователь честно признаёт, что в каком-то смысле фальсифицирует классическую академическую постановку задачи, это делает его позицию устойчивой.

Но возможна и противоположная ситуация. Идеальным антропологом для прикладного проекта может оказаться человек, который сохраняет прежде всего академическую позицию и честно говорит: «Я использую этот проект как возможность для исследования». Он может затем написать хороший текст о том, как устроены подобные проекты, или вообще прийти к выводу, что с точки зрения академической антропологии происходящее не поддается прямому применению, хотя сам собранный материал оказывается ценным. В обоих случаях решающим становится именно честное самоопределение. Если исследователь честен с собой, исследование будет состоятельным.

При этом внутри самой академической антропологии давно уже развенчана идея исследователя, стоящего «над схваткой» в некой нейтральной метапозиции. Мы понимаем, что даже академическое исследование неизбежно влияет на сообщество, с которым работает.

Я могу привести пример из собственного опыта. Во время академического, совершенно неприкладного исследования на Чукотке, среди чукчей и эскимосов, один сельский чиновник узнал, что я архитектор. В полевых условиях, особенно в таком сложном и дорогом регионе, найти жилье антропологу очень трудно. И тут этот местный администратор предложил мне: «Я поселил тебя у себя, ты будешь жить в хороших условиях. Только сделай, пожалуйста, мне проект благоустройства».

Именно здесь для меня снова проявилась важность исходной честности. Я приехал в поле как академический антрополог, но не скрывал и своей другой профессиональной позиции, поэтому внутри этого академического поля начали происходить самые разные вещи, в том числе прикладные. И они тоже становились частью исследования.

В этом смысле практики наблюдения и включенности могут принимать самые разные формы. Даже прикладной архитектурный проект благоустройства можно рассматривать как своего рода антропологическую провокацию — как эксперимент в духе архитектурной антропологии Тима Ингольда (*Ingold* 2021), который меняет поле и позволяет увидеть скрытые механизмы его устройства. Создавая такие ситуации, ты одновременно продолжаешь изучать поле академически.

Так, благодаря тому что у меня возник этот прикладной проект благоустройства внутри академического исследования, я понял, насколько важны для чукотского села любые каналы доступа к внешнему ресурсу. Любой приезжающий человек воспринимается там прежде всего как потенциальный поставщик ресурсов. При этом между прикладным и академическим проектом на уровне производства не было прямой связи. Но именно потому, что моя первичная лояльность оставалась лояльностью Академии, я смог сохранить внутреннюю цельность. Эта честность позволила мне, как говорится, «прой-

ти между струйками» — не предать себя и удержать ясность собственной позиции.

Виктория Михайлова: Отвечая на вопрос о том, каким должен быть идеальный антрополог для прикладного проекта, здесь, кажется, уже звучало про гибкость и адаптивность — дискурсивную и всякую разную.

Павел Куприянов: Неупертый антрополог.

Виктория Михайлова: Неупертый антрополог, да. Мне кажется, мы вряд ли придем к какому-то одному универсальному решению — к кодексу, в котором четко прописано, как именно нужно действовать. Есть, конечно, какие-то совсем красные линии, но в целом эта рамка достаточно широкая. И для каждого проекта ты вынужден каждый раз заново переизобретать эти линии для себя.

Поэтому, если говорить об идеальном антропологе для прикладного проекта, я бы сказала: гибкий — местами как гимнаст, местами как канатоходец, который пытается всем этим балансировать, а местами как жонглер.

Наталья Савина: Я не уверена, что для прикладного проекта нужен какой-то специальный антрополог, принципиально отличный от антрополога, работающего в академическом поле. Мне кажется, если у тебя как у профессионала есть исследовательские и этические принципы, в основе которых лежат гуманистические ценности, ты будешь руководствоваться ими и в академическом исследовании, и в прикладном проекте, и, скорее всего, в частной жизни.

Некоторая особенность, на мой взгляд, скорее в том, что в прикладном исследовании антрополог потенциально чаще оказывается в ситуации, где ему необходимо формулировать и прямо проговаривать свои профессиональные принципы, переводя их на язык, понятный другому: заказчику, в роли которого могут одновременно находиться несколько разных акторов; коллегам из других дисциплин, вместе с которыми нужно работать над проектом; информантам, которым необходимо объяснять, что это за исследование, зачем оно проводится и как будут использоваться его результаты. В академической среде, как кажется, у антрополога обычно меньше необходимости специально задумываться о собственных принципах и проговаривать их: когда находишься в профессиональном сообществе, возникает ощущение, что все и так понимают, почему важны вопросы этики и другие.

Кроме того, мне кажется, можно говорить о том, что прикладное исследование в целом требует от антрополога большей ответственности за сформулированные им идеи и предложения. Обычно заказчику нужны от исследователя вполне конкретные решения: какие сценарии использования территории заложить в проект, в каком направлении развивать культурную институцию, как сделать позиционирование проекта более успешным и т. д. В этом случае антрополог отвечает не только за качество исследования и корректность интерпретаций, но и, в некотором смысле, за то, как его выводы и рекомендации повлияют на проектные решения, а через них — на жизнь людей. Поэтому от него требуется умение хотя бы в какой-то степени прогнозировать, как именно и кем могут быть использованы результаты исследования.

Святослав Ковальский: Очевидно, что рыночные условия влияют на антропологическое знание — и влияют существеннейшим образом. Как конкретно — можно очень долго перечислять. И новых мыслей сложно высказать, потому что эта тема уже достаточно давно дебатируется. В контексте нынешнего разговора важно, что категории, которыми мы рассуждаем, нам даны рынком. Иногда они хорошо структурируют наше сознание, наше мышление, позволяют нам ставить задачи. Когда ты оказываешься в ситуации заказа, нередко ты способен породить более конкретное, осмысленное, направленное исследование, исследовательский проект и реализовать его, чем когда ты вольная птица в академическом мире. Но хочется сказать, что дело не в том, как замечателен рынок, а в том, каково положение дел в науке. И в первую очередь в плане организации. Мы очень рыхлая социальная структура. Мы даже не структура, если пользоваться этим функционалистским понятием. Рынок в этом отношении дает определенное чувство конкретности в том, что мы делаем, в наших действиях. И это может давать некоторое позитивное подкрепление, самоощущение, но мне кажется, что это лукавые чувства, и нужно сопротивляться, нужно бдеть, нужно рефлексировать, как раз-таки потому, что эти данные нам категории, они зачастую не безобидны по своим последствиям.

Очевидно, я в этом вижу проблему. Как я ее пытаюсь решить? Непросто дать ответ. Потому что, во-первых, я бы сказал, что нахожусь скорее на этапе осознания, чем на этапе проработки этой «травмы».

Наверное, для того чтобы решать эту проблему… невозможно это делать в одиночку, нужно это делать с кем-то, нужно делать это совместно, нужно выстраивать новые смыслы сообща. Наверное, в этом смысле любые мои индивидуальные попытки тщетны. Но когда я делаю что-то вместе с коллегами, возникает чувство полноты и ситуативной свободы — от этих душащих условий рынка.

***

П. Куприянов, В. Михайлова, М. Мочалова

Заключение

Как мы уже писали в начале, идея круглых столов возникла из представления, сформированного нашим собственным опытом, а также известным нам опытом коллег, о том, что для антрополога работа в прикладном проекте сопряжена с более или менее явным внутренним напряжением: структурным, методическим, этическим — между прикладной и академической сферой. Это напряжение казалось нам достаточно универсальным и общеразделяемым, чтобы сформулировать на его основе отдельные вопросы для общего обсуждения.

Однако обсуждение показало, что эта наша отправная точка не вполне верна. Там, где нам виделась некая профессиональная конвенция, обнаружилось поле для разночтений, сомнений и несогласий. Доклады и реплики на круглых столах продемонстрировали, что опыт прикладных исследований у участников секции довольно сильно различается (не только количественно,

но и качественно), и общую платформу, на которой можно было бы обсуждать проблемные вопросы, очевидно, еще только предстоит создать. Пока же это поле слишком рыхло и разнородно, имеющийся опыт с трудом поддается обобщению, и дискуссия то и дело «пробуксовывала», увязая то в обсуждении базовых понятий, то в описании конкретных кейсов. Между тем сам факт несостоявшегося консенсуса является, на наш взгляд, показательным и полезным результатом разговора, а сама дискуссия позволяет сделать ряд наблюдений.

Прежде всего в ходе обсуждения стало хорошо видно, насколько прикладные исследования в антропологии разнообразны. Они различаются не только темой или масштабом, но и исследовательскими задачами, и тем местом, которое в проекте отводится собственно исследованию, и ожидаемыми от него результатами. Под зонтичное понятие прикладных исследований попадают и те, что связаны с развитием территорий и городским благоустройством, и музейные проекты, и этнологическая экспертиза — и во всех этих разных случаях антропология оказывается востребована в разной степени и в разном качестве: где-то как авторитетное, экспертное знание о предмете (месте, культуре, людях), а где-то — как инструмент, метод, технология, позволяющая получить необходимую информацию. Условно говоря, одному заказчику важно знать социальный и культурный контекст для осуществления каких-то действий (строительства жилого комплекса, развития социокультурного проекта, закрытия горно-обогатительного комбината), а другому — понимать, как правильно представить или показать народ, город, район, группу. Очевидно, что в разных случаях вопросы о методах, этике и общем дизайне исследования формулируются и решаются по-разному — соответственно, для продуктивного обсуждения требуется их более тонкая калибровка, а попытка генерализации встречает сопротивление.

Нельзя не признать, что эта реакция довольно естественна и предсказуема для аудитории, приверженной антропологическому подходу, предполагающему контекстуализацию, внимание к деталям, прочную эмпирическую укорененность и с осторожностью относящемуся к обобщениям. В этом смысле можно сказать, что дискуссия отразила запрос на антропологизацию заявленной темы и, шире, — на антропологию прикладной антропологии.

Очевидно, этим объясняется громко звучавшая на круглых столах критика используемых понятий и категорий, вскрывающая их нерелевантность для анализа конкретных ситуаций «на земле» (столь привычная для антропологических текстов), а также последовательное усложнение озвучиваемых тезисов — обсуждение той или иной темы часто развивалось от каких-то положительных утверждений (о важности антропологической миссии в прикладных проектах, об удручающих капиталистических условиях, ограничивающих исследователя) к сомнениям и деталям, уточняющим и усложняющим исходные высказывания.

Именно это можно наблюдать в обсуждении конвенциональной этической установки, предписывающей антропологу выступать на стороне исследуемого сообщества, отстаивать его интересы перед другими акторами. Внятно и убедительно артикулированная в дискуссии Натальей Савиной, эта позиция была дополнена замечаниями, что реальные ситуации не всегда укладываются

в схему, где горожане, местные жители или коренные народы (то есть объекты нашего исследовательского интереса и потенциальной заботы и защиты) противостоят государству или бизнесу, и, стало быть, этическая позиция антрополога не всегда так очевидна.

Опыт разных участников, изложенный в выступлениях на секции и на круглых столах, показывает, что в каждом конкретном случае эта этическая максима понимается и интерпретируется по-своему, а круг «интересов сообщества», подлежащий защите и отстаиванию перед заказчиком, формируется исследователем. Это хорошо видно на примере выставочного проекта Музея Москвы «Москва без окраин», авторы которого, уверенно и искренне отстаивающие перед музеем позицию, мнение и голос своих информантов, одновременно категорически отказывают последним в праве транслировать собственную воображаемую структуру городского пространства, жестко выдерживая «районную» рамку, заданную логикой проекта.

Этот пример также наглядно показывает, что обсуждаемое влияние антрополога на проект (через отстаивание тех или иных интересов) дополняется встречным влиянием проекта на антрополога. Как справедливо заметил Иван Сапогов, исследователь, включаясь в прикладной проект, принимает ту категоризацию, те базовые установки и модель социального мира, которые в этом проекте содержатся. Если проект «мыслит» районами, сообществами, народами, то и антрополог будет мыслить так. И это наблюдение позволяет подойти к проблеме используемых категорий и понятий с иной стороны, задавшись вопросом о том, в каких случаях исследователь может (и должен) предлагать и задавать «свой» понятийный аппарат в прикладном исследовании, а в каких — действовать в предлагаемых обстоятельствах.

Воздействие проекта на антрополога имеет еще один важный аспект, который в состоявшейся дискуссии был затронут, но не получил развития. Это вопрос об *экспертности* — не как о свойстве («есть диплом — есть экспертность»), а как о позиции, которая каждый раз заново легитимируется в конкретной ситуации. Без этого пропущенного уровня разговор о профессиональной этике нам представляется неполным.

В разговоре не раз обсуждалась возможность антрополога встать на чью-либо сторону — «обездоленных», заказчика, академии. Однако сама эта возможность предполагает, что у исследователя уже есть некий вес, некая сила, позволяющая эту сторону выбрать. И ситуация заказа не просто дает ему деньги и сроки — она назначает его тем, кто вправе говорить и производить знание. Вне этой ситуации он может считаться (и считать себя) «бесполезным» (как признается Алевтина Бородулина) — сидящим высоко в башне из слоновой кости, далеким от «земных», читай «прикладных», проблем. Заказ же переворачивает эту оценку и наделяет ученого вполне определенной, практически нужной ролью *эксперта* — по народу, по району, по сообществу, по практикам.

«Честность с самим собой», о которой говорит Гавриил Малышев и к которой все мы так или иначе стремимся, задает внутренний ориентир, но не объясняет, почему в разных ситуациях исследователь вообще оказывается в «комнате принятия решений»и почему его описание иной раз перевешивает слова краеведа, активиста или чиновника, пришедших говорить не менее честно.

В проектах про наследие это особенно заметно: вокруг одного объекта всегда несколько претендентов на авторитетное слово, и в контексте нашей дискуссии вопрос здесь не в том, кто из них прав, а в том, как одни голоса начинают весить больше других и как влияет на ситуацию само присутствие исследователя. Именно в этой перспективе прикладной опыт и позволяет исследователю увидеть себя иначе: не как носителя единственно верного знания или метода, а как того, чья экспертность — это каждый раз заново разыгрываемая позиция.

Неожиданным результатом нашей попытки систематизировать материалы дискуссии стало то, что вместо общих закономерностей работы антрополога в прикладном проекте мы обнаружили набор практических приемов. Высказывания участников — при всем разнообразии контекстов и позиций — описывали не столько рассуждения о природе прикладной работы, сколько способы существования внутри различных структур: проекта и его сроков, рынка и логики заказа, академических ожиданий, собственных представлений о профессиональной миссии. Каждое рассуждение, в конечном счете, оказывалось ответом на вопрос: как я справляюсь с этим давлением — и как объясняю себе и другим, что именно я делаю. Неслучайно в ходе дискуссии возникла полушуточная идея составления «каталога приемов», с помощью которых антропологи удерживаются на канате, балансируя между разными обязательствами. Если единого языка для разговора о прикладной работе пока нет, то общим знаменателем может стать именно это — коллективно описанный опыт маневрирования: не как готовые рецепты, но как точки пересечения, вокруг которых возможен дальнейший разговор.

Выработка этого общего языка, однако, упирается в вопрос, который дискуссия так и не разрешила, но к которому постоянно обращалась, — где проходит граница между прикладным и академическим исследованием. Разговор о прикладной работе то и дело сводился к разговору об академическом — о мотивах и смысле научной деятельности, о специфике антропологических методов, о характере академического сообщества и о том, что такое исследование, а что — лишь сбор материала. Это смещение фокуса само по себе показательно — оно проблематизирует «естественную» границу между двумя сферами и выводит на общие проблемы антропологии — этические, методологические, теоретические и социальные. Между ними обнаруживается много нейтральных, общих и не размежеванных территорий (как, например, рыночный фактор), хотя есть и другие зоны с более четко прочерченными границами (например, разделяющими академическую сложность, прикладную ясность и простоту).

Критика «неидеального» прикладного антрополога, якобы жертвующего академической строгостью ради заказа, опирается на молчаливое допущение о существовании некоего «чистого» исследования, свободного от внешних структур. Однако если определяющим признаком прикладного исследования считать наличие заказа, то академическая наука, выполняющая государственные задания и во многом существующая на государственные гранты, тоже окажется «прикладной» — а внутри этих структур существуют те же этические дилеммы, этими структурами и обусловленные. «Прикладное» оказывается не устойчивой категорией или форматом, а качеством, в той или иной степени присущим любому исследованию.

Это наблюдение меняет и то, как мы смотрим на ограничения прикладной работы. Если граница между сферами не абсолютна, то и сами ограниче-

ния — сроки, заданный формат, конкретный адресат — перестают выглядеть исключительно как дефекты прикладного исследования по сравнению с академическим. Их можно расценивать двояко: с одной стороны, как препятствия для полноценного исследования (из-за ограниченного срока, упрощенного дизайна исследования и формата результатов, из-за этических осложнений), с другой — как условия, благодаря которым у антропологического исследования появляется шанс не только стать более предметным и фокусированным и быть завершенным в определенный срок, но и произвести реальный социальный эффект, принести практическую пользу. Более того, как было отмечено в дискуссии, прикладные исследования в силу этих самых ограничений зачастую требуют от антрополога более интенсивной методической рефлексии и более осознанного отношения к принципам исследования — того, что в академической работе может оставаться имплицитным.

Наконец, в дискуссии обозначились и два принципиально разных способа мыслить соотношение академического и прикладного — и две соответствующие стратегии действий. Один состоит в утверждении их онтологической разницы: это разные миры, в которых условия и правила существования исследователя существенно различаются, и, вступая в то или иное пространство, антрополог принимает соответствующие правила, что освобождает его от моральных и эпистемологических терзаний, поскольку два пространства находятся в разных плоскостях и существуют по разным законам. Другой взгляд видит академическое и прикладное как две части одного целого, существующие внутри одной рамки, что неизбежно порождает вопросы об их соотношении, о сохранении профессиональной идентичности при перемещении из одной области в другую и об оптимальной стратегии: от последовательного отстаивания академического этоса и габитуса до ситуативного балансирования и поиска компромисса. Ни одна из этих позиций не была признана единственно верной — и, пожалуй, сама эта невозможность однозначного выбора точнее всего описывает положение, в котором находится сегодня прикладной антрополог.

Все это вместе взятое делает центральный вопрос секции — о том, кто такой (не)идеальный антрополог — если не некорректным, то, по меньшей мере, преждевременным. Организуя секцию, мы исходили из допущения, что образ идеального антрополога — пусть размытый и неартикулированный — существует как некая разделяемая профессиональная интуиция. Дискуссия это допущение не подтвердила — никому так и не удалось этот образ сформулировать. Участники предлагали разные характеристики: гибкость и адаптивность, онтологическую честность, умение удерживать исследовательскую рамку под давлением заказа, готовность занять сторону сообщества. Но ни один из этих образов не стал общим, а некоторые прямо противоречили друг другу. Стоит признать, что идеал всегда чей-то: любой образ «правильного» исследователя удерживается какой-то структурой — академической, рыночной, государственной, активистской. И пока не задан вопрос, какая именно структура легитимирует исследователя для него самого и для окружающих, разговор об идеале остается разговором о своих и чужих предпочтениях, принимаемых за универсальные. Публикуемые материалы, таким образом, не дают ответа на вопрос об идеале — они документируют момент, когда сам вопрос был поставлен под сомнение. И это, пожалуй, более честная и более продуктивная позиция: не предъявлять идеал, а зафиксировать условия, при которых его формулирование когда-нибудь станет возможным.

Литература

Басов А. С., Бородулина А. С., Куприянов П. С., Михайлова В. С. Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 67–95, https://doi.org/10.33876/2782–3423/2025–2/67–95;

Ingold T. Foreword // Stender M., Bech-Danielson C., Hagen A. L. (ed.). Architectural anthropology: exploring lived space. Routledge. 2021. P. 13–17.

Interview

Basov A.S, Borodulina A.S, Zhurakovskaya P.B, Kovalevsky S.O, Kupriyanov P.S, Malyshev G.N, Martynenko A.A, Mikhailova V.S, Mochalova M.A, Savina N.A, Sadova E.S, Sakirko M. A., Sapogov I. A. (Ne)ideal'nyi antropolog v prikladnom issledovanii: materialy diskussii [(Not)Ideal Anthropologist in Applied Research: discussion materials] Anthropologies, 2026, no 1, pp. 75–100, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/75-100

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Basov A. S. | a.basov@iea.ras.ru | https://orcid.org/0000–0003–3518–1852|

Junior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Borodulina A. S. | alevtina.ethno@gmail.com | https://orcid.org/0000–0001–5349–2940 | Consultant at Aquamarine Projects, social anthropologist, independent curator.

Zhurakovskaya P. B. | P.zhurakovskaya@mosmuseum.ru | https://orcid.org/0009–0003–4949–6385 | Curator, Senior Research Fellow at the Museum of Moscow.

Kovalevsky S.O | sokovalsky@iea.ras.ru | https://orcid.org/0000–0001–8967–2644 | Junior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Kupriyanov P. S. | kuprianov-ps@yandex.ru | https://orcid.org/0000–0001–9856–3159 | Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Malyshev G. N. | g.malyshev@eu.spb.ru | https://orcid.org/0009–0009–8808–9938 | Postgraduate student of the Faculty of Anthropology of the European University in St. Petersburg.

Martynenko A. A. | amartynenko@eu.spb.ru | https://orcid.org/0000–0001–8561–3006 | Junior Researcher in the sector of family sociology, gender and sexual relations of the Sociological Institute (RAS) — a branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Mikhailova V. S. | mikhailova.vikt@gmail.com | https://orcid.org/0000–0002–5634–0480 | Postgraduate student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Mochalova M. A. | Masha.mochalova@iea.ras.ru | https://orcid.org/0000–0003–2702–737X | Junior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Savina N. A. | nsavina@eu.spb.ru | https://orcid.org/0000–0001–7517–8899 | Master of Anthropology and Ethnology, Junior Researcher at the School of Arts and Cultural Heritage of the European University in St. Petersburg.

Sadova E. S. | sadovacath@gmail.com | https://orcid.org/0009–0000–6511–6053 | Master of Sociology (University of Paris-Saclay), Master of History (Lomonosov Moscow State University), independent researcher.

Sakirko M. A. | mariasakirko@gmail.com | https://orcid.org/0009–0002–0189–6729 | PhD in Social Anthropology, Senior Research Fellow at the Museum of Moscow.

Sapogov I. A. | sapogovivan@gmail.com | https://orcid.org/0000–0002–9953–3303 | Bachelor of Anthropology and Ethnology, independent researcher.

Abstract

The paper contains the materials of the discussion held at the section «(Not)Ideal Anthropologist in Applied Research: Dilemmas, Expectations, and Responsibility» of the Conference of Young Scientists (December 3–5, IEA RAS, Moscow). The participants of the section discuss issues related to the professional identity of an anthropologist in applied research, which often forces the researcher to balance between conflicting ethical obligations, methodological standards, and pragmatic limitations. The discussion demonstrates the diversity and complexity of the applied field in modern Russian anthropology, the lack of consensus on the issues discussed, and detects the most problematic aspects of the topic. The published materials are accompanied by an introduction and conclusion from the organizers of the section, which describe the context and summarize the discussion.

Keywords: applied anthropology, professional identity, methods of anthropological research, ethics of field research, social responsibility of an anthropologist, expertise.

References

Basov A. S., Borodulina A. S., Kupriyanov P. S., Mikhailova V. S. 2025. Prikladnaia antropologiia na Borneo. Interviu s avtorami [Applied anthropology in Borneo. Interviews with the authors]. In *Antropologii,* 2, 67–95. https://doi.org/10.33876/2782–3423/2025–2/67–95.

Ingold T. 2021. Foreword // Stender M., Bech-Danielson C., Hagen A. L. (ed.). In *Architectural anthropology: exploring lived space*, 13–17.

© А.Л. Гусейнова, П.С. Куприянов

От детской книги до бизнес-корпорации: антропологическая оптика в практическом применении (разговор с Анной Гусейновой)

Ключевые слова: антропологическая оптика, «Город похожих и разных», культурное разнообразие, прикладная антропология, публичная антропология, корпоративная антропология.

Разговор Павла Куприянова с Анной Гусейновой строится вокруг ее недавней детской книги «Город похожих и разных» (СПб.: Поляндрия Принт, 2025), представляющей современный мегаполис через портреты и истории его отдельных жителей и тем самым демонстрирующей преимущества «антропологического» взгляда на мир, вскрывающего его культурную сложность, но при этом избегающего стереотипных категоризаций и автоматизмов восприятия. Специфика антропологической оптики и вопросы ее использования вне академического исследования как общедоступного когнитивного инструмента обсуждаются в интервью на материале книги, а также личной и профессиональной биографии ее автора, включая опыт применения подходов социальной антропологии к сфере корпоративной социальной ответственности в крупной компании.

В современной детской литературе немало книг, которые могут быть отнесены к антропологическим или этнографическим: о разных странах и народах, религиях и обычаях, мифах и праздниках, кухне и одежде. Книга «Город похожих и разных»[1], о которой пойдет речь ниже, заметно выделяется на их фоне: она тоже «антропологическая», но на других основаниях — не столько по тематике, сколько по оптике (см. Рис. 1). Действие книги происходит в городе, и в ней довольно много рассказывается о городской среде, домах, местах и жителях, но все же город здесь скорее обстоятельство, чем герой повествования. Идея книги не в том, чтобы сообщить информацию о городе, а в том, чтобы предложить читателю особым способом посмотреть на него, приучить замечать в горожанах отдельных людей со своими привычками,

Гусейнова Анна Левоновна – руководитель направления комфортная и безопасная среда, БФ Х5 «Выручаем». e-mail: aguseinova@gmail.com https://orcid.org/0009-0009-8943-4203

Куприянов Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра визуальной антропологии ИЭА РАН. e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru https://orcid.org/0000-0001-9856-3159

Для цитирования: А.Л. Гусейнова, П.С. Куприянов. От детской книги до бизнес-корпорации: антропологическая оптика в практическом применении (разговор с Анной Гусейновой) // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 101–121, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/101-121

[1] Гусейнова А., Цатрян В. Город похожих и разных. СПб.: Поляндрия, 2025.

пристрастиями и историями. Об этом авторы говорят в первых же строках, в обращении к читателю:



Рис. 1. *Обложка книги. Гусейнова А., Цатрян В. Город похожих и разных. СПб.: Поляндрия, 2025.*

> Эта книга о людях. О тебе и обо мне. О наших близких и знакомых, о случайных прохожих, о тех, кого мы видим на улице и в кино. О тех, кто родился далеко или на соседней улице, совсем недавно или много веков назад. О тех, кто нам интересен. Кого мы любим. И кого боимся. А еще о тех, кого мы никогда не видели. Или не замечали.
>
> Эта книга для любопытных. Все мы разные, и нам часто бывает трудно понять друг друга. Но каждый из нас что-то делает, о чем-то думает и во что-то верит — не просто так. Может быть, тебе, как и нам, бывает непросто понять другого человека … (*Гусейнова, Цатрян* 2025: 1)

Далее читателю предлагается пройти по городу вместе с мальчиком Федей, вооружившись воображаемыми очками, помогающими «видеть другого, узнавать его», подмечать в людях различия и сходства. Сопровождая Федю в его перемещениях, мы встречаем множество людей, о каждом из которых что-то узнаем: что он любит, а что — нет, что ему снится или о чем он тревожится, чего боится или куда торопится, о ком думает или переживает, что с ним было раньше или что происходит сейчас. В результате многочисленные встречные горожане предстают не безликой людской массой и не безымянными статистами, а отдельными людьми со своими именами, привычками, желаниями и заботами. О ком-то мы узнаем больше, о ком-то меньше, но о каждом нам сообщаются какие-то детали, которые мгновенно делают чужого и далекого человека ближе и «человечнее». Так, оказывается, что солдат Семён любит фисташковое мороженое, девочка Фифа не любит сильные порывы ветра, что полицейский Николай ходит на курсы фотографии, а у уличного скрипача Алика (в обычной жизни менеджера по продажам) есть кошка по кличке Бабушка, что вагоновожатый Айдар сейчас разговаривает по телефону с мамой, а у пассажирки Даны послезавтра свадьба, что живущую на улице Люсинду Огрисовну в детстве называли Простолюсей, а в каморке у дворника Фея

Сергеевича целая коллекция удивительных вещей. Увиденный через воображаемые очки город оживает, за каждым его жителем и за каждой городской сценой раскрывается целый мир.

В книге нет слова «антропология», однако трудно спорить с антропологическим характером предлагаемой «человеко-чувствительной» оптики. Именно она определяет гуманистический посыл книги, и именно благодаря ей это детское издание, обильно и стильно проиллюстрированное, заставляет задуматься над весьма «взрослыми» антропологическими вопросами: восприятием другого, обобщением и индивидуализацией, социальным (не)равенством и иерархиями, и, конечно, культурными сходствами и различиями.

Нельзя не отметить, что тема культурного разнообразия — одна из ключевых для антропологии — представлена в книге довольно широко и одновременно тонко и корректно. С одной стороны, население Федебурга (так называется книжный город) исключительно разнообразно: это люди разного пола и возраста, разных социальных слоев, местные и приезжие, богатые и бедные, люди разных культурных ориентаций, происхождения и национальностей (напрямую об этом не сказано, но мы догадываемся об этом по именам или узнаем из историй). Наконец, здесь есть и люди с ментальными и физическими особенностями. Однако культурное разнообразие Федебурга возникает не из этих привычных внешних категоризаций, а из богатства индивидуальных миров его жителей — именно они делают горожан «похожими и разными». Бармена из Эфиопии, едущего в метро, объединяет и разделяет с попутчиками не его эфиопское происхождение, а его личные качества или привычки, а особенности «особенных» персонажей книги оказываются в одном ряду с особенностями «обычных» людей. Такой взгляд размывает и игнорирует привычные групповые границы, проявляя и акцентируя индивидуальные — тем самым создавая образ равноправного и последовательно инклюзивного пространства, где групповая принадлежность не имеет определяющего значения.

Таким образом, «Город похожих и разных» — не что иное как увлекательное, но при этом вполне серьезное приглашение задуматься о практическом использовании антропологии в повседневной жизни. Приняв его с воодушевлением, я попросил автора идеи и одного из авторов книги, прикладного антрополога Анну Гусейнову, написать несколько строк о задумке книги и ее воплощении, о метафоре «антропологических очков», о возможностях и пределах практического применения антропологии. А затем мы встретились с Анной вживую и обсудили эти темы подробнее.

Павел Куприянов

***

Книга «Город похожих и разных» родилась из простой интуиции, вызванной наблюдением за тем, как в самых разных сферах жизни (корпоративной, образовательной, городской среде и даже в семейных и дружеских отношениях) проявляется невидимость людей друг для друга. Где-то мы просто скользим взглядом по тем, кто оказывается рядом, где-то происходят коммуникативные разрывы, а где-то взаимодействие, даже будучи необходимым,



Рис. 2. *Фрагмент книги. Гусейнова А., Цатрян В. Город похожих и разных. СПб.: Поляндрия, 2025.*

оказывается затруднено. Мне нравится метафора, хорошо описывающая сегодняшний мегаполис как зал ожидания в аэропорту: мы физически находимся рядом друг с другом, но один устремлен мыслями в Париж, а другой — в Сургут. Так и в городе: мы живем в своих «мыльных пузырях», раздутых глобализацией, технологиями и виртуальными мирами. Наше общество технически насыщенное и коммуникативно ускоренное, однако ускорение коммуникации не тождественно углублению понимания. Напротив, цифровые интерфейсы, алгоритмические среды и институциональная рационализация все чаще порождают упрощенные формы восприятия другого, постепенно отдаляя нас друг от друга. Социальная ткань большого города истончается, взаимодействие и соучастие превращаются в набор сервисов и услуг, за которые мы привычно расплачиваемся деньгами, становясь друг для друга носителями функциональных ролей. В мире царящей рациональности надеяться на то, что вдруг чудом возникнет интерес к отдельному человеку, а тем более что этот интерес передастся детям, — по меньшей мере, наивно. Разве что появится некий тренд под названием «человекоцентричность»: да, формально это про «человека в центре», но на деле — про софиты, которые менеджеры наводят на человека, чтобы достичь еще большей управляемости и предсказуемости в интересах корпораций и прочих институтов.

Антропология давно перестала быть дисциплиной, обращенной в прошлое или к далеким экзотическим мирам. Далекого и экзотического осталось крайне мало, зато атомизация в городах (при парадоксальной гиперсвязанности) требует от антропологии выйти со всем своим инструментарием на первый план в современной повседневности. На мой взгляд, сегодня она оказывается особенно востребованной за пределами академической науки: в городе, в школе, в корпорации, в семье, в повсеместной коммуникации — всюду, где

человек сталкивается с другим человеком, и всегда, когда эти встречи требуют понимания.

Эти наблюдения послужили поводом вступить в диалог с человеком любого возраста и найти художественный способ донести до него сложные идеи. Антропологические теории, наверное, единственные в мире, позволяют тонко настроить фокус на человека без каких-либо манипуляционных целей.

Метафора «антропологических очков», положенная в основу книги «Город похожих и разных», позволяет перевести профессиональный исследовательский опыт на язык повседневности. Это первый и самый понятный прием из всего инструментария антрополога. И поскольку хотелось об этом поговорить и с детьми, и со взрослыми, то я искала самое понятное и простое решение, которое бы позволило видеть то, что скрыто за привычными, развешанными в городской среде ярлыками.

Книга «Город похожих и разных» была задумана как учебник по социальной антропологии для детей — как попытка обращения науки антропологии к жизненному ненаучному назначению. Один день ребенка выстраивается в маршрут, проходящий через знакомые каждому социальные среды: семью, домашнее пространство, двор, школу, общественный транспорт, межпоколенческие контакты, случайные встречи и публичные места. То, что в обычной городской жизни служит нейтральным фоном, для героя книги Феди оборачивается сложной системой норм, символов, историй, мотивов, отношений — тем, чем в действительности и является город, но что почти всегда остается незамеченным. Главный герой представлен ребенком не случайно: он пока еще способен увидеть повод для вопроса там, где для взрослого горожанина «все ясно». Он способен удивляться устройству мира, и в этом отношении детский взгляд близок антропологическому: есть шанс вернуть проблемность привычному.

Книга населена огромным количеством персонажей. Мы демонстрируем множество личных историй, которые становятся видимыми для Феди благодаря «антропологическим очкам», чтобы у читателя возникло устойчивое понимание того, что за каждым человеком стоит своя история, что кажущийся просто прохожим человек одновременно является чьим-то «центром вселенной» и что каждый без исключения уязвим. Наделяя уникальными историями сотни персонажей, мы хотим показать незаменимую роль каждого, его важность и значимость, не избегая при этом появления в сюжете, например, бездомной женщины Люсинды или воришки в кафе; дать возможность понять и обсудить с ребенком, что он тоже важен для кого-то и нужен в этом мире.

Книга опирается на три центральные метафоры — очков, зеркал (отражений) и мостов. Очки позволяют увидеть скрытую сложность социальной реальности. Образ зеркала отражает классическую мысль о том, что изучение другого одновременно является формой самопознания. Мост же никогда не возникает естественным образом, он строится общим усилием, основанном на сотрудничестве и доверии. А антропология еще и подскажет, что все мосты между людьми держатся на дарообмене.

Наш книжный город Федербург выстроен художественно на прототипе Санкт-Петербурга — и это не случайно. Петербург — город островов, его

мосты — это не только инженерные сооружения, но и символ рукотворной связанности. И именно в месте появления метафоры «мостов», на мой взгляд, проходит важная граница между академической и публичной антропологией. Академическая дисциплина стремится к описанию, объяснению и накоплению объективного знания. Публичная антропология, если она вообще имеет право на существование, вынуждена задаваться вопросом о последствиях такого знания. Что следует из понимания того, что другой человек сложнее моего представления о нем? Должен ли этот вывод менять повседневное поведение? Возможно ли и нужно ли движение навстречу, основанное на признании сложности другого? Эти вопросы уже выходят за пределы науки, но они закономерно рождаются внутри нее. И самой сложной задачей в книге было не уйти в морализаторство и не демонстрировать авторские ценностные установки, а остаться в поле научной этики, где антропология сохраняет отстраненную объективность, но при этом продолжает оставаться оплотом гуманизма.

Еще одна сложность в работе над книгой была связана, например, с необходимостью при описании неоднозначной или конфликтной ситуации избегать готовых ответов и советов, столь часто ожидаемых читателями в книгах для семейного чтения. И эти моменты касаются практических аспектов антропологической оптики, которая имеет определенный «функционал» и границы применимости. Она, скорее всего, не поможет при необходимости быстрых решений в ситуации опасности; она не предполагает оправдания любых поступков, не гарантирует избавления от конфликта. Но она делает почти невозможным ленивое презрение или «навешивание ярлыков». Она препятствует возникновению ненависти и снижает градус влияния идеологического внешнего контекста, потому что учит распознавать и «отбрасывать» искусственно сконструированные слои. Она препятствует уверенности в том, что «мы уже все поняли о человеке, который перед нами», и тем самым спасает от стереотипного мышления. И, пожалуй, что этого уже достаточно.

Непростой задачей оказалось передать важную для меня идею всеобщей связанности в городе. На разворотах книги персонажи то и дело рассыпаются, как бусины, или разбегаются, как муравьи, — каждый в свою сторону, демонстрируя атомизированность современного общества. Последняя, несомненно, часть нашей реальности, но в книге мы видим, что она не единственная. Есть пространство сильных связей (семья, школа, тренировка в бассейне и даже компьютерная игра, пусть она и виртуальная), а есть пространство слабых связей — двор, улица, трамвай, метро, площадь. Кроме того, существуют и невидимые связи, которые крайне разнообразны. Это связи во времени — как на развороте с фото дальних и близких родственников Феди, и в пространстве — как во фрагменте о Федином бассейне, который, как выясняется, по ночам чистит специальный человек. И такая рефлексия напоминает нам об этих сетях связей, которые тоже сложно заметить, если не включить оптику исследователя.

Антропология — это мощное оружие против опасного упрощения восприятия людей друг другом, возникающего из-за алгоритмизации городской жизни. Антропология настаивает на важности понимания другой культуры изнутри ее собственных координат и доказывает относительность многих привычных представлений о нормальности. Антропологическая оптика делает человека менее «очевидным», но удивительным образом именно это способствует его более глубокому пониманию. Книга «Город похожих и разных»

как раз об этом. Это романтическая попытка перевести антропологическое знание в общедоступный набор простых и понятных бытовых установок и компетенций. Но, пожалуй, самое ценное для меня — то, что книга помогает выстраивать диалог с самыми разными людьми: о том, почему так важно сохранять понимание сложности, нелинейности и многообразия нашего социального окружения.

Анна Гусейнова

(см. Рис. 3)

***



Рис. 3. *Фрагмент книги. Гусейнова А., Цатрян В. Город похожих и разных. СПб.: Поляндрия, 2025.*

Павел: Я хотел спросить про Ваш путь в антропологию. В книге Вы пишите о важности освоения антропологической оптики, а как она сформировалась у Вас?

Анна: Я постараюсь коротко. Это связано, конечно, с моей биографией. С тем, что я родилась в армянской семье карабахских армян, которые переехали из Нагорного Карабаха в Баку. Мы там жили, бабушка с дедушкой построили прекрасный дом, но в какой-то момент из-за Сумгаитского конфликта, мы были вынуждены покинуть свой дом навсегда, без возможности вернуться. В то время произошли масштабные волны переселений: порядка 400 тысяч армян покинули Азербайджан, а из Армении бежали около 200 тысяч азербайджанцев. Если говорить о бакинских армянах — это исчезающий сегодня культурный мир. Люди, сформированные в мультиэтнической среде, говорили на нескольких языках, потому что бакинская среда подразумевала присутствие множества национальностей: азербайджанцев, армян, евреев, грузин, русских, украинцев.

Из Баку мы бежали, когда мне было семь лет. Я была маленькой, в этом возрасте вести дневник было невозможно. Но в памяти сохранились запахи, фразы, лица, острое чувство опасности.

Моя семья без особых раздумий переехала в Армению искать там убежище. Мы пытались интегрироваться, и надо сказать, что многим бакинцам это удалось, но нашей семье — нет. Нам было тяжело. Но считаю счастьем, что за время проживания в Армении, я выучила армянский язык и прекрасно им владею и сегодня. Через шесть лет мы продолжили наш путь в поисках нового дома. Мы немного пожили на Украине, а потом переехали в Россию.

Признаться, я даже не знала, что есть такая наука, как антропология — ведь, понимаете, когда твоя семья постоянно переезжает, вообще-то не до образования. Встают вопросы выживания… Я поменяла семь школ. И каждый раз мне не хватало времени на учебу — нужно было налаживать отношения и встраиваться в новый социальный мир. А он везде был разным и требовал колоссальных усилий. Тогда было тяжело, и такой опыт приносил немало трудностей и огорчений. Теперь я вижу, что все пережитые испытания оказались богатейшим опытом, который я «распаковываю» по сей день, хотя прошло уже много лет.

Совершенно неудивительно, что из-за постоянного нахождения внутри остро ощущаемых дихотомий — свой/чужой, восток/запад, дом/не-дом, христианство/ислам — я научилась быть внимательной к тому, как люди строят свои связи, и к тому, из чего возникает чувство принадлежности. А еще, когда каждый новый переезд или смена школы происходит фрагментарно, формируется особое чутье, позволяющее понять сложности мира как обязательного его качества. И теперь, проводя исследования, я каждый раз понимаю, что многое для меня останется лишь обрывком, лоскутом чего-то целого. Какими бы глубинными ни были мои интервью, всего мне не узнать. И даже простое понимание того, что такая сложность повсеместна, само по себе ценно. Прошло немало лет. Неспешное, естественное осмысление пережитого постепенно привело меня к профессиональному выбору.

Павел: Я так понимаю, что Вы учились в Центре социальной антропологии РГГУ[2]?

Анна: Да. Первое образование у меня связано с государственным и муниципальным управлением. Я занималась социальными вопросами в государственных и образовательных проектах. И, работая в этих сферах, я пыталась очеловечить системные решения и понять: что мы как система делаем для людей и чего на самом деле хотят сами люди.

В какой-то момент, к счастью, я все же узнала про социальную антропологию и решила поступить в магистратуру. Считаю, что это был полезный опыт. Я понимала, что одной магистратуры мало и мне нужно освоить еще все то, что бакалавры, сидевшие рядом со мной за партой, изучили за предыдущие четыре года. Я училась с невероятной жадностью — кажется, взяла все, что можно было извлечь из магистерской программы. А потом стали появляться интересные проекты, в которых требовались антропологические исследования. Я перешла в сферу корпоративной социальной ответственности, и передо мной раскрылось широкое поле задач, для решения которых антропология была просто необходима как инструмент.

[2] В настоящее время — Учебно-научный институт антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Павел: У Вас тогда был этот проект с соседскими сообществами в «Пятерочке»?

Анна: Да, проект начался как раз в тот момент, когда я писала магистерскую диссертацию. Моя работа была посвящена самоорганизованным городским сообществам. Думаю, что у меня сформировался глубокий интерес к самой идее самоорганизации и к ее потенциалу сопротивления системам тоже в связи с опытом беженца. Дело в том, что я и моя семья не раз оказывались в ситуациях, где опорой становились не системы и организации, а обычные люди, которые самоорганизовывались и создавали определенную устойчивость. Мне стало понятно: если научиться замечать этот потенциал, можно сделать более гуманными проекты, которые реализуют корпорации. Речь идет о соучастном проектировании: прежде чем решать, куда направлять инвестиции и для чего, нужно спросить самих людей об их потребностях. И направлять ресурсы тем, кто понимает, как ими эффективно пользоваться. Именно по этому принципу мы стали действовать.

Павел: Вы работали в «Пятерочке»?

Анна: Сначала я работала исследователем и проектировщиком в бюро Ильи Ценципера[3]. Проект «Пятерочки» был одним из полученных ими заказов. Позднее я перешла работать над проектом «Центры местных сообществ»[4] в «Пятерочку», поскольку проект оказался слишком масштабным и длительным, а также требовал полной вовлеченности.

Павел: Расскажите в двух словах о самой идее — «Центр местного сообщества».

Анна: Идея была следующая. У «Пятерочки» есть политика корпоративной социальной ответственности. У любой большой компании есть два типа отчетности: финансовая и нефинансовая. Нефинансовая отчетность — это о том, как ведет себя социальное тело компании, то есть что она делает полезного для общества. Запрос звучал удивительно — нужно было придумать какую-то социальную роль для сети магазинов, которая бы считывалась как забота о людях. Но как может бизнес проявлять заботу? Ведь забота — это проявление человеческого… Оказалось, что поскольку магазины — это точки соприкосновения людей, обнаружить человеческое участие там совершенно несложно. Мы провели полевые исследования, посещали магазины, наблюдали, что в них происходит, и обнаружили проявления заботы, выходящие за рамки должностных инструкций сотрудников. Мы увидели, сколько настоящей заботы люди на местах проявляют в живом общении друг с другом. Компания большая и технологичная, поэтому у руководства сразу возникает

[3] Илья Владимирович Осколков-Ценципер — российский дизайнер, предприниматель, медиаменеджер и журналист. В 2014 г. он основал консалтинговую компанию «Ценципер», которая занимается стратегическим дизайном, развитием территорий, проектированием пользовательского опыта, разработкой новых продуктов и брендингом в России и за рубежом.

[4] «Центры местного сообщества» (ЦМС) — это проект торговой сети «Пятёрочка», направленный на развитие культуры добрососедства, самоорганизации жителей, благотворительности и взаимопомощи в городах и поселках России. Он реализуется с 2021 г. в партнерстве с благотворительными фондами «Добрый город Петербург» и «Хорошие истории». Подробнее об этом проекте см.: https://repec.ranepa.ru/rnp/urbfan/uf2416.pdf

вопрос: можем ли мы культивировать обнаруженные практики заботы, популяризировать их и сделать более распространенными, с помощью инструментов, встроенных в повседневную жизнь магазина? И тут, конечно, возникает знакомый внутренний конфликт антрополога. Поскольку чем лучше ты понимаешь сложность происходящего, тем страшнее предпринимать какие-то действия. Решительности придало корпоративное задание, которое всегда подразумевает поиск конкретного решения: нам нужно, чтобы подобных практик стало больше. С одной стороны, это вызывает тревогу: похоже, речь идет о целенаправленном социальном проектировании, которого мы так опасаемся. С другой стороны, моя задача состояла как раз в том, чтобы совместить масштабный корпоративный заказ с реальными желаниями и интересами людей, на которых направлен проект, и интегрировать его максимально мягко.

Павел: Это, конечно, сложный баланс…

Анна: Это сложно! Особенно с этической точки зрения. Для бизнеса ситуация однозначная, а для нас с вами — нет. Ты не можешь отделаться от осознания неоднозначности происходящего, но в то же время понимаешь, что с тобой или без тебя, с антропологией или без нее, проект состоится, инвестиции будут в него направлены. И если не ты, то придет кто-то другой — и сделает это грубо, без должного внимания к человеку. И ты с пониманием собственной ответственности ищешь баланс.

Что происходит дальше? В ходе полевых исследований мы обнаружили удивительные истории взаимоподдержки и сотворчества, а также большое разнообразие микропрактик неформального использования пространства магазинов в интересах местных жителей. Показалось, что обнаруженные практики напрямую связаны с устойчивостью и общечеловеческими ценностями. Хорошо, когда человек не одинок; хорошо, когда рядом есть тот, кто ему улыбнется; хорошо, когда у людей появляется место, где можно свободно проявить свои таланты. В этом есть что-то безусловно позитивное, и хотелось бы, чтобы таких примеров становилось больше. Я понимаю: если начать глубоко рассуждать о последствиях попытки «масштабировать гуманность», можно прийти к разным выводам. И скепсис в этой ситуации мне понятен. Но мы остановились на том, что есть вещи, которые можно считать ценными. Постепенно у нас сложился внушительный банк примеров неформального использования пространства магазина сотрудниками и покупателями. Мы выделили бюджет для проекта, так как требовались расходы на организацию праздников, лекций, выставок и на закупку дополнительного оборудования. Сотрудники магазинов увидели для себя новые возможности, что позволило им объединиться и реализовать собственные социальные, культурные и благотворительные проекты самого разного масштаба. Так появились «Центры местного сообщества». Шаг за шагом система начала расширяться по принципу добровольного присоединения сотрудников магазинов к проекту. В итоге у нас появились ежегодные слёты сотрудников и отдельных активистов — тех, кто вносит вклад в развитие местных сообществ.

Павел: Понятно, спасибо. А где еще в своей работе Вы используете или мобилизуете антропологические навыки и оптику?

Анна: Во-первых, корпорация — это огромное пространство, в котором много всего. Кроме задач корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития, есть множество других бизнес-процессов, куда можно направить антропологические навыки. Это и клиентский опыт, и управление персоналом, и процессы внедрения новых продуктов, а также внутренние и внешние трансформации — перечислять можно долго.

Но я начала с самого открытого для антропологов направления — направления устойчивого развития[5]. Грустно, конечно, что сегодня я занимаюсь больше управлением исследований и руководством проектов, чем самими исследованиями. Поэтому, когда меня зовут в экспедиции, я с удовольствием откликаюсь — не хочется быть руководителем из центрального офиса, улетевшим куда-то в космос.

Из интересного: у нас был создан благотворительный фонд на базе социальных программ группы компаний. Сейчас я работаю в этом фонде, в котором работы очень много. И тут уже от социокультурного направления мы переходим к благотворительному, опирающемуся на инфраструктуру крупной компании, к вопросам неравенства, бедности и нехватки продовольствия, а также к вовлечению людей в благотворительность.

Сегодня мое внимание и главные исследования направлены на то, как мы разворачиваем системную инфраструктуру благотворительности. Предположим, у нас включается технологичный фандрайзинг: мы, с одной стороны, даем покупателям возможность жертвовать деньги на продукты для бедных, не отходя от кассы, что удобно и приятно, но, с другой стороны, получается, что человек участвует в благотворительности машинально. А как такая технология «бесшовной благотворительности», которая становится повторяющейся машинальной практикой, влияет на поведение людей? Встает вопрос об ответственности, и мы должны найти правильные каналы и слова, чтобы сообщить человеку, куда направлены его деньги, на что он этим простым действием повлиял. Или, например, рассматривается решение, ультралокального фандрайзинга: то, что мы жертвуем в магазине на кассе самообслуживания в каком-то городе или поселке, останется именно здесь, на этой территории. Может показаться, что это борьба с ветряными мельницами, но я верю, что нет, потому что я вижу, как через обсуждение возможных проблем внутри компании, возникает более ответственный подход.

В работе с распределением продуктовой помощи среди нуждающихся людей тоже проводится большое количество исследований: кому и как помогать, как продуктовая помощь может встраиваться в профилактику кризисных социальных случаев. Одним словом, в корпорации множество способов приложения антропологической оптики. К сожалению, не всегда удается реализовать все так, как хочется, но всегда остается возможность декларировать антропологический подход, который в свою очередь ставит вопросы, заставляет сомневаться, и люди начинают, как минимум, задумываться над этим.

[5] Направления устойчивого развития в бизнесе — это комплекс мер и стратегий, направленных на обеспечение долгосрочной жизнеспособности компании, баланса между экономическими, экологическими и социальными интересами, а также — на вклад в решение глобальных проблем. Часто эти направления связывают с концепцией ESG (Environmental, Social, Governance — экология, общество, управление).

Нельзя сказать, что у российского бизнеса есть сформулированный запрос на антрополога в штате. До этого еще далеко. Я связываю это не столько с ненужностью антропологии в бизнесе, сколько с массовым незнанием о ее существовании.

Павел: У меня два вопроса, вытекающих отсюда. Первый вопрос вот какой. Мне кажется, у Вас нестандартная исследовательская траектория. Потому что стандартная — это движение из академической сферы в прикладную: есть академический исследователь, который занимается наукой, к нему приходят разные прикладные предложения, исследования, проекты, он в них включается со своим академическим образованием и опытом, применяя свои исследовательские навыки и знания в новой прикладной сфере. А у Вас как будто наоборот: Вы из прикладной сферы обращаетесь к академической с этим запросом на науку и продолжаете свой путь дальше. Когда до меня доходили слухи, что Вы пошли учиться в ЦСА РГГУ, я подумал, что это, видимо, для того чтобы делать все не по наитию, а «по уму», «по науке». Но мне казалось, что это образование не поможет, что оно скорее про классическую этнографию, чем про такие практические навыки. Вот такая у меня была мысль тогда, я помню. А потом, какое-то время назад, я увидел в Вашем телеграм-канале, что Вы проводите мероприятие по корпоративной культуре и приглашаете туда Андрея Туторского, который там рассказывает о вождестве на Вануату! И тут я думаю: вот здорово! И понимаю, что все-таки антропологическая теория нужна Вам в Ваших делах. В общем, мой вопрос о том, как у Вас соединяется теория и практика. Вот у Вас есть этот багаж, обретенный в академии. А если бы его не было, что бы поменялось?

Анна: Поменялось бы очень многое! Во-первых, я пришла в магистратуру уже довольно зрелой и с сформулированным запросом. Во-вторых, я благодарна ЦСА за то, что мы опирались не на интерпретации, а на классическую этнографию и антропологию. Как человек взрослый, понимающий контекст, я получила возможность соотнести классический подход с реальностью, с которой мне приходиться работать. Эти знания стали моими базовыми координатами.

Павел: То, что Вы рассказываете очень понятно, но мне все же кажется, что для того, чтобы делать какие-то социальные проекты в корпорации, достаточно опыта и интуиции. Ну, и какого-то навыка. В какой момент и почему на семинаре по корпоративной культуре возникает необходимость в классической этнографии? Для контекстуализации?

Анна: Мое субъективное наблюдение, что тот тип исследований, который не сфокусирован на антропологических подходах, привычный для корпоративных задач, он исчерпывает себя схожестью интерпретаций и выводов, и каких-то путей исследования. Он как будто себя исчерпал, и маркетологи, как заказчики, отлично знают, что получат в результате очередного исследования, и что в них не будет достаточно инсайтов. То есть получается, что мы оказались заложниками какой-то экосистемы стандартных исследовательских решений.

Второе. Я, конечно, боюсь говорить какие-то нелепые, абсурдные вещи, но такое чувство, что посткапитализм близок. Когда ты видишь, как топ-ме-

неджеры компании ищут что-то дополнительное, интересное в том, что они делают, ты понимаешь, что они в поисках чего-то человеческого, выходящего за рамки той экономически выверенной системы, которую они выстроили. А в таком новом поиске привычными ходами уже ответов не найти. В этот момент и возникает вопрос: «А что же у папуасов Новой Гвинеи, у аборигенов Австралии или что было сто лет назад на Русском Севере?» Возникают вопросы, потому что есть ощущение, что старые классические маркетинговые исследования, со всей их предсказуемостью, не способны ответить на сегодняшние вопросы полноценно. Исследовательские подходы недостаточны. Мир усложняется, а для понимания сложного простые инструменты не годятся.

Павел: Хорошо, это я понял, спасибо. Второй вопрос такой. Мне кажется, что практическая позиция, когда ты находишься в корпорации и решаешь какие-то практические вопросы — я понимаю, что здесь необходим антропологический взгляд, но в какой-то момент ты должен, условно говоря, «наступить на своего антрополога» и сказать: «Вот это мы считаем хорошим, и к этому мы будем идти». Или от этого мы будем отталкиваться. И такая категоричность как будто бы вступает в противоречие с извечной антропологической относительностью и сомнением. У Вас есть такое в Вашем опыте? Или нет?

Анна: Конечно, есть! И это очень мне мешает. Но когда ты находишься в рамках корпоративной системы, это сильно упрощает жизнь. Бизнес, даже самый прекрасно сложенный, неизбежно оставляет негативные следы, а значит, нужно предпринимать конкретные действия, чтобы эти последствия смягчить. Когда ты мыслишь внутри корпоративной системы, ответы находятся быстро. А вот когда выходишь за ее пределы — логика рассыпается. Находясь внутри и оценивая реальные риски и негативное влияние на конкретные территории и сообщества, приходится принимать решения и принимать эти решения нужно, как правило, довольно быстро… Сомнения в моей конкретной роли неуместны. Но Вы сейчас такими вопросами заставляете меня сомневаться, и так происходит при каждом общении с коллегами из научной сферы. Каждый раз после наших разговоров я впадаю в сомнения, погружаюсь в нерешаемые философские и этические вопросы. И, о ужас, я притаскиваю эти вопросы на рабочие встречи в компанию, и неизбежно через них мы продираемся к решениям. В этом и есть весь цимус!

Павел: Возвращаясь к книге — такая проблема ведь встает не только когда мы сотрудники корпорации, но и когда мы папы или мамы. Когда мы должны ребенку, с одной стороны, объяснить, что все люди — братья, что у каждого свой мир, свои представления, каждый — чей-то сын или дочь, то есть примерить ему эти «антропологические очки». А с другой стороны, как-то научить его: если к тебе приближается мужчина, не твёрдо стоящий на ногах, с каким-то странным запахом и протягивает к тебе руки, то нужно громко кричать или быстро бежать, а не вступать с ним в коммуникацию.

Я сейчас расскажу историю буквально из вчерашнего вечера. Мне моя десятилетняя дочка рассказала, что она вчера была в таком хорошем настроении и написала своим одноклассникам — пятерым самым близким — СМС с пожеланием хороших выходных (у нее нет смартфона, поэтому она писала с кнопочного телефона). Из пятерых ответил только один человек. И ее это как-то озадачило и расстроило. И вот мы с женой вместе стали предлагать ва-

рианты объяснений того, почему это могло произойти: у всех людей по-разному устроено общение с телефоном, у кого-то, возможно, не приходят уведомления, кто-то не пользуется смс, а кто-то увидел и, как в том анекдоте, кивнул. Или просто он не очень умеет, не научен коммуникации по телефону. А кто-то, может, решил, что он напишет потом, и забыл. В общем, мы стали ей описывать вот эти миры и обстоятельства других людей, предлагая объяснения, предполагающие, что молчание ее одноклассников — это не знак плохого отношения, а это просто у людей по-другому устроена жизнь. И я подумал: вот эти наши объяснения можно назвать привитием антропологической оптики?

Анна: Мне кажется, что как раз это и есть привитие антропологической оптики. Понимание сложности уберегает нас от простых решений и ответов, когда кажется, что все ясно, все понятно. Если же мы позволяем себе думать, что ответов может быть много, а не один, в такой момент для нас самих открывается множество многообразных сценариев для мыслей и действий. Если бы папа сказал: «Ну, понятно! Какие-то дураки твои эти одноклассники, все понятно с ними!» — какие бы последовали действия со стороны девочки? Именно по этому принципу и построены вообще все конфликты, навязанные нам пропагандой. Я совершенно убеждена, что в этом вся ценность антропологии — она позволяет нам проводить контекстуальный анализ.

Сейчас много говорят про негативное влияние ИИ на нашу когнитивную агентность. Что, мол, мы подвержены частому обращению к ИИ, что, в свою очередь, превращается в зависимость. Для того, чтобы противостоять этому, один из главных советов, который дают специалисты: научиться самим и научить детей сложному научному мышлению — выдвигать гипотезы, критически оценивать, структурировать информацию, анализировать, обращаться к разным источникам и т.д. Если этот пример переложить на наше восприятие социальной реальности, то с учетом бесконечного вала быстрых коммуникаций, и сложившихся паттернов принятия стандартных решений, мне кажется, что контекстуальный антропологический анализ как компетенция просто необходим. Если мы не вооружимся этим, то тогда мы окажемся в большой опасности, на мой взгляд.

Но не у каждой девочки есть папа-антрополог. И если мы не найдем способов популярно доносить важность антропологической оптики до других родителей и детей, то это знание останется лишь в антропологическом, академическом мире. Для остальных «антропологические очки» не будут доступны. В этом я вижу определенное неравенство.

Павел: Ну да, и Ваша книга — это способ донесения этой информации до людей. Расскажите, как она родилась: из таких домашних, детско-родительских, личных, повседневных ситуаций? Или из Вашего профессионального опыта?

Анна: Сейчас трудно отделить одно от другого. На самом деле ключевая для меня фигура в книге — это дворник. Просто дворник, но за ним — целый невероятный мир, который он коллекционирует в своей кладовке. Мир, о котором никто из соседей не знает: большинство воспринимает его просто как человека с метлой. За день я вижу множество ситуаций, в которых я или кто-то рядом оценивают других, навешивая ярлык, забывая про тот мир, ко-

торый за этим человеком. Мне кажется, что такое знание позволит нам во взаимодействии друг с другом сохранить человечность.

Павел: Знание о том, что у человека с метлой на самом деле своя жизнь и свой мир? И что за ним может быть очень много того, что ты не можешь сразу понять и оценить.

Анна: Да. И что это его богатство, его ценности, его здравый смысл, что это целый мир, что сам человек — это целый мир. Мне хотелось в первую очередь поговорить об этом, напомнить: потому что знание того, что у каждого человека есть история, позволяет нам понимать Другого и через понимание принимать его. Сейчас я говорю — и думаю: как же это банально! Но, с другой стороны, если банально, то почему тогда так много разговоров возникает вокруг этой простой мысли?

Павел: Вы помните какой-то момент, когда у Вас появилась идея книги? Или она вырастала вместе с Вами как-то?

Анна: Да! Этот момент я помню и люблю о нем рассказывать. Зимним вечером ко мне пришел курьер, у которого разрядился телефон. Я решила помочь ему зарядить телефон. Он стоял на пороге, и мы с ним беседовали. И вдруг этот мужчина, еще минуту назад просто человек в курьерской форме, на глазах стал раскрываться и предстал передо мной невероятно интересным человеком с потрясающей историей! Я посмотрела на все это и подумала: «Боже мой, это надо обязательно превратить в какое-то творческое высказывание!» Я стала думать над книгой. Так появился Федя. Ребенок, на мой взгляд, — тот, кто еще способен удивляться и задавать вопросы. Я придумала сюжет и описала первых персонажей, с которыми он может встретиться. Исходила из простых, повседневных наблюдений за жизнью в городе и «выписывала» оттуда героев.

Интересно, что курьер, с которого все началось, был таджиком. Сначала я хотела, чтобы и наш книжный дворник был мигрантом из Средней Азии. Но потом мы от этого отказались. Действительно, почему если дворник, то сразу из Средней Азии, с какой стати? То есть работа над книгой, была еще и работой над собственными стереотипами. А если бы мы пошли путем поиска персонажей исходя из стереотипов, мы бы ничем не отличались от тех, кто вообще без всякой оптики смотрит на мир людей.

Павел: Я обратил внимание, что в книге, кажется, нет национальностей.

Анна: Да, мы старались. При этом, когда мы отдавали книгу на тестирование друзьям, армяне спрашивали: «Почему вообще нет армянских имен?», азербайджанцы говорили: «А где азербайджанские имена?», татары: «Почему ни одного татарского имени нет?» Тогда мы стали дополнять книгу самыми разными национальными именами. Так, для одной из героинь, придумалось имя Айгюль. На что художница Наташа Демьяненко сказала: «Какая же она Айгюль, она у нас голубоглазая блондинка!» А я говорю, мол, и это тоже стереотип, татарки бывают голубоглазыми блондинками. Можно сказать, что работа над книжкой стала настройкой нашей собственной антропологической оптики.

Павел: А вы втроем работали? Вместе придумывали эти истории, людей? Или у вас как-то было распределено?

Анна: Всё началось с моей идеи: я придумала сюжет, главных героев, подготовила синопсис, написала начальный текст. Затем я пригласила к работе над проектом необыкновенно талантливого писателя и педагога Витю Цатряна как художественного редактора. Но его вклад оказался настолько большим, что Витя стал полноправным соавтором книги. Витина фантазия не знает границ! Вскоре, по приглашению Вити, к нам присоединилась удивительная художница Наташа Демьяненко. Наташа рассказывает, что, впервые читая текст, не смогла сдержать слёз. Ее тронуло то, что вся книга о неподдельном интересе к человеку — чужому, незнакомому, который тебе никто. Не о ком-то особенном, а просто о человеке в городе, который вдруг вызывает искренний интерес. Считаю большой удачей, что именно Наташа согласилась проиллюстрировать нашу книгу. И, конечно, я очень рада, что такое серьезное издательство, как «Поляндрия», откликнулось на наше письмо с синопсисом и иллюстрациями. Они были очень воодушевлены. Это я связываю с тем, что совпало все: и актуальность темы, и подходящий стиль текста, и визуализации. Вклад выпускающего редактора Марго Ковалевой и команды издательства по-настоящему весомый. Авторов у этой работы гораздо больше, чем указано на обложке.

Павел: У вас были какие-то референсы, на которые вы ориентировались? Нет? Мне лично это напоминает «Старую квартиру».

Анна: Многие так говорят, но мы на эту книгу не ориентировались. Я точно понимала, что это не будет книга-текст и точно не будет комикс в привычном смысле. Мы пробовали разных иллюстраторов. До Наташи еще двое приходили, и это было совершенно не то. Позже в работу вступила редакция, и она сыграла большую роль: корректировала, что-то сокращала, улучшала текст. Несколько историй мы убрали, потому что книга оказалась уже перенасыщена, но мы никак не могли остановиться — невозможно было остановиться.

Павел: Каждый же важен.

Анна: Каждый важен, да! И мы с трудом решали, как же мы какую-то историю уберем, когда она при верстке уже куда-то не влезала. Мы переживали за каждую историю, которую не увидит читатель… Потому что хотелось показать и рассказать о многом. Это еще называют синдромом первой книги. И хотя понимаешь, что читатель не почувствует дефицита историй, для нас же эти правки были трагедией. В какой-то момент редактор проекта сказала: «Все, все, ребята, это последний разворот. Мы больше ничего и ни про кого в этой книге писать не будем. Хватит, потому что это можно просто бесконечно продолжать…». И она была права!

Мне очень понравилось работать над книгой в команде. Это необычайно ценный опыт. Я даже не знаю, что для меня ценнее — сам процесс нашего коллективного сотворчества или итог. Для меня это совершенно равноценные вещи. Я невероятно благодарна ребятам. В планах у меня еще несколько книжных проектов — и они обязательно будут коллективными.



Рис. 4. *Фрагмент книги. Гусейнова А., Цатрян В. Город похожих и разных. СПб.: Поляндрия, 2025.*

Павел: Как Вы думаете, можно ли сделать такую книгу для взрослых?

Анна: Почему-то мне легче писать истории для детей. При этом я обнаружила, что книгу читают и взрослые. Хотя она вроде как детская, но обратную связь дают, как правило, взрослые. Мне кажется, что именно на тему антропологии на понятном детском языке проще говорить. Возможно, когда мы начнем писать тексты для взрослых, мы встанем перед несколькими проблемами: как чрезмерно не упростить книгу и как не переусердствовать, не перекрутить, не сделать ее слишком научной и абстрактной. В этом смысле разговор с семьей, когда ты объединяешь вокруг антропологии взрослых и детей и тем самым уравниваешь их в открытии нового, становится чуть проще. Это мое мнение. Но в целом это было бы потрясающе! У нас тогда было бы что-то такое, что можно было бы принести менеджерам, потому что менеджеры, конечно, не все понимают мою книгу.

Павел: А вот, кстати, расскажите, идея книги — она считывалась легко или сложно? Почему менеджеры не понимают? Кто еще не понимает? Как Вы объясняете, если вдруг Вам говорят: «Да что это такое? Сюжета нет… Не поняла. Не понял.»

Анна: Да-да, было такое. И я переживала на этот счет. Опять же, все кто как-то знаком с антропологией, для них проблем не было. Они сразу поняли и смыслы, и подтекст, обрадовались, поддержали. А когда книга попала к людям, привыкшим к прямым текстам «в лоб», возникло ощущение, что для них стоило бы написать какое-то предисловие: как эту книгу читать и для чего она вообще нужна. Но этого мне делать совершенно не хотелось: мне казалось, что если я начну объяснять, как читать нашу книгу, это будет даже некоторым неуважением к читателям.

Недавно на конференции, посвященной тому, как книга может стать инструментом для исследования города детьми, из зала, от педагогов поступали вопросы и настоятельные просьбы сделать методички к книгам, в том числе таким, как «Город похожих и разных», чтобы было удобно по ним заниматься

с детьми. Я подумала, что создать методичку — это значит сказать: «Так, мама и папа, или там, дорогой учитель, вот вам какие-то листы с заданиями…» Но ведь книга, на мой взгляд, должна стать лишь импульсом к действию. И в целом именно к этому мы и стремились в работе над ней.

Что касается тех, кто не понял… Да, такие случаи были, когда ко мне возвращались с тем, что не совсем поняли для чего все эти бесчисленные истории. Кто-то говорил, что не смог дойти до конца, потому что историй было слишком много. Кто-то говорил, что читал книгу урывками. Из забавного: мой коллега, отвечающий за системную безопасность в компании, человек, профессией которого является все охранять и контролировать, сказал: «Я понял, что твоя книга об информационной безопасности». Я говорю: «Скажи мне, пожалуйста, где в этой книге ты увидел что-то про безопасность?» Он говорит: «Ну как, это же о том, чтобы все понимать, как все устроено, чтобы нигде не проколоться, чтобы все было тебе понятно». И я подумала: «Боже мой, какими же разными могут быть эффекты интерпретаций!» И это очень интересно! Кто-то из читателей говорил, что пришел к осознанию, что не знает, что «любит и не любит» и что никогда не задавал этот вопрос своим близким. Кто-то подметил, что в книге много сложных тем об инклюзии, экологии, попытке «вынырнуть» из нелюбимой работы, про поиски ответов на сложные вопросы.

Но в основном все-таки простые истории понятны большинству. Происходит присоединение к героям, читатель так или иначе найдет что-то о себе, похожее на себя. И вот за счет этого видения себя самого в Федербурге и происходит, видимо, такое присоединение, что дает лучшее понимание идеи книги. Некоторые говорят, что после прочтения книги для них открылся новый мир. Какое-то время они не могли избавиться от «антропологических очков» и просто идти по городу: разглядывали людей, и их не покидала мысль о том, что они живут в каком-то невероятном многообразии жизненных сценариев. Возникало новое ощущение присутствия людей и человеческих историй. По рассказам, со временем этот эффект снижается, но знание о специальных очках сохраняется, как и понимание того, что к ним можно возвращаться бесконечное число раз.

Павел: Вот дочка моя сказала, что она бы написала такую книгу про наш район. Про то, как она идет в школу, про тех, кого встречает по дороге, про водителей маршруток, про тех, кто в «Дикси» работает… Я говорю: «А про своих одноклассников?» И тут ее осенило — что можно же про одноклассников! — и она что-то стала фантазировать. А я подумал, что это очень характерно, что одноклассники сразу не пришли в голову. То, что Вы пишете — «вернуть проблемное привычному», заметить человека в том, кого мы видим как функцию, проще по отношению к людям незнакомым, к далеким. А когда в твое поле зрения попадает какой-то близкий человек, с которым у тебя личные отношения, который все время отбирает у тебя хлеб в столовой, или у которого ты отбираешь, кто тебя будит каждое утро, — словом, тот, с кем у тебя какие-то отношения — вот его представить в этой оптике как будто бы гораздо сложнее.

И вот здесь, мне кажется, есть какая-то проблемная точка: все-таки, описывая людей таким образом, мы их воображаем и неизбежно упрощаем. Потому

что в книге мы говорим: любит это, не любит то, даем какую-то историю — и как бы в нескольких штрихах рисуем какой-то их образ. А когда ты с этим человеком живешь — неважно, в классе, дома или где-то еще — тебе довольно сложно в нескольких штрихах нарисовать его образ. Попробуйте вот так вставить сюда своего мужа или свою жену, маму, бабушку — я не знаю, как это.

Анна: Да, у меня есть ответ на этот вопрос. Я про «эти очки» думала, что они должны работать в разные стороны. То есть бабушку нужно отдалить немножко. Мне кажется, что чтобы увидеть бабушку, нужно наоборот отдалиться от нее: посмотреть на нее как на дочку ее родителей, на внучку ее бабушек и прабабушек, на человека, который приехал в город из деревни, у которого было послевоенное детство, посмотреть на нее маленькую и т.д.

Павел: Да, это хороший образ, действительно.

Анна: То есть, здесь очки должны превратиться в бинокль. Мне так кажется.

Павел: Анна, вот Вы писали, если я правильно понял, что у Вас иногда проходят какие-то встречи по поводу этой книги, с детьми, вероятно. Как Вы их проводите? Как программируете, что-то придумываете? Что Вы с ними делаете? Это происходит так, что Вы приходите, у Вас какая-то презентация, вы рассказываете про книгу, как она создавалась, из чего она состоит.

Анна: Да. А дальше вопросы.

Павел: Что спрашивают?

Анна: Разное спрашивают. Ну, во-первых, самый частый вопрос, почему в вашей книге так мало плохих людей? Я говорю: «А разве люди бывают плохими?» Мы начинаем обсуждать, что такое плохой человек, почему мы его называем плохим. И здесь вдруг начинаются открытия — даже для взрослых.

Павел: В общем, у Вас социальная миссия таким образом реализуется, да? На этих встречах. Вы на встречах тоже надеваете на людей «антропологические очки».

Анна: Ну да, да. Но в целом я вижу все, что связано с книгой и антропологией, как форму активизма для себя. И книга — не единственный способ высказывания для меня. В ближайшее время я хочу запустить ежемесячные встречи с людьми из самых разных компаний. На этих встречах в формате вебинаров, мы будем говорить об антропологии. Я планирую приглашать академических антропологов, чтобы и они делились знаниями о самых разных антропологиях.

Павел: Последнее, что я хотел Вам сказать про книгу. Вот есть такой популярный телеграм-канал «Антрополог на районе». И там на аватарке человек, смотрящий на город сверху. Что, конечно, выглядит провокационно для антропологического взгляда, потому что сразу хочется спросить: «Что ж это за антрополог, ведь антропология вроде бы подразумевает другой ракурс, на уровне человека?» С другой стороны, мы все неизбежно все время обоб-

щаем и типизируем. И я понял, что у Вас в книге происходит какое-то бесконечное постоянное чередование или совмещение этих точек зрения: мы, с одной стороны, видим весь город сверху и, например, «слышим», как разговаривают два велосипедиста вдалеке — то, что человеку недоступно. В то же время есть вот этот слой, человеческий, в котором нам открывается Федино мировоззрение, Федин мир, и мы видим все его глазами. И мне кажется, это здорово — это такая попытка совмещения того и другого, двух этих взглядов.

Анна: Спасибо, это очень ценный комментарий. От слова «контекст», который миллион раз звучал в нашем с Вами разговоре, уже, честно говоря, нехорошо, но это как раз про него. Это попытка охватить контекст.

А еще, знаете, что я поняла, когда обдумывала Ваши вопросы? Что опасно, если «антропологические очки» будут использоваться «в лоб», как какое-то универсальное решение. Все-таки они не должны становиться универсальным решением, с универсальным гайдом. В этом есть риск «тотальной антропологизации». Важно оставить место спонтанности. Это к вопросу, когда нужна, а когда не нужна антропология. Конечно, для обычной жизни эта спонтанность важна. И постоянно быть в положении, когда ты выверенным каким-то способом взаимодействуешь с этим миром, совершенно невозможно, да и не нужно. Я повторюсь, что про «антропологические очки» важно вспоминать тогда, когда мы сталкиваемся с каким-то напряжением во взаимодействии, или в моменты, когда хочется отключить режим автоматизма.

Павел: Это хорошее завершение разговора. Спасибо Вам большое!

Анна: И Вам спасибо!

Interview

Huseynova A. L., Kupriyanov P. S. From a children's book to a business corporation: anthropological optics in practical application (conversation with Anna Huseynova) [Ot detskoi knigi do biznes-korporatsii: antropologicheskaia optika v prakticheskom primenenii (razgovor s Annoi Guseinovoi)] Anthropologies, 2026, no 1, pp. 101–121, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/101-121

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Huseynova A. | aguseinova@gmail.com | https://orcid.org/0009–0009–8943–4203 | Charitable Foundation X5 «We're helping out», Head of the department «Comfortable and safe environment»

Kupriyanov P. S. | e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru | https://orcid.org/0000–0001–9856–3159 | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

Pavel Kupriyanov's conversation with Anna Huseynova is built around her recent children's book «The City of the Similar and Different» (St. Petersburg: Polyandria Print, 2025), which represents a modern metropolis through portraits and stories of its individual

inhabitants and thereby demonstrates the advantages of an «anthropological» view of the world, revealing its cultural complexity, but at the same time avoiding stereotypical categorizations and automatisms perceptions. The specifics of anthropological optics and the issues of its use outside academic research as a publicly available cognitive tool are discussed in interviews on the material of the book, as well as the personal and professional biography of its author, including the experience of applying social anthropology approaches to the field of corporate social responsibility in a large company.

Keywords: anthropological optics, «The City of the Similar and Different», cultural diversity, applied anthropology, public anthropology, corporate anthropology.

© В.А. Шнирельман

Галина Александровна Комарова: жизнь и судьба

Ключевые слова: Комарова Г.А., этнография, гендер, техногенная катастрофа, эмиграция, антропология академической жизни

Галина Александровна Комарова проработала в Институте этнографии АН СССР — Институте этнологии и антропологии РАН около 45 лет, сперва в секторе Прибалтики и Поволжья, затем в Центре по изучению межэтнических отношений. Начав с изучения детской проблематики и положения женщин в Чувашии, затем в переломные годы она много занималась межэтническими отношениями и миграционными процессами в республиках России и в новых постсоветских государствах (в странах Балтии и Южного Кавказа), после чего провела уникальные новаторские исследования этнокультурных последствий техногенной (радиационной) катастрофы на Южном Урале. Побывав за границей (в США, Японии, Израиле, Австрии и Финляндии), она стала признанным знатоком культуры и быта советских/российских эмигрантов. Тогда же она обогатила отечественную науку таким новым направлением как антропология академической жизни. Кроме того, она придавала большое значение междисциплинарным исследованиям. В приложении к статье публикуется стенограмма защиты докторской диссертации Г.А. Комаровой «Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала)», состоявшейся в ИЭА РАН 14 января 2003 г. (из личного архива автора).

Галина Александровна родилась 24 августа 1948 г. на далеком севере России — в г. Мончегорске Мурманской области, где со времен войны на вредном предприятии работала ее мать. Через год родилась ее сестра Надежда, но из-за неблагоприятной экологии девочки часто болели, и семья ненадолго переехала к брату отца в г. Бельцы (Молдавия), после чего вернулась на Русский Север, где жила бабушка (мать матери). Детство и отрочество Галины Александровны прошли на Вологодчине в русском селе Заборье, хотя детские путешествия сказались на ее отношении к жизни. Сверстники видели в ней «иностранку», и, имея несравненно более разнообразный социальный опыт, она чувствовала себя несколько другой. Возможно, именно молдавские воспоминания зародили в ней интерес к этнографии. В семье было пятеро детей, причем она была старшей и с детства привыкла заботиться о младших. Отсюда ее

Шнирельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований ИЭА РАН. e-mail: shnirv@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8469-6583

Для цитирования: Шнирельман В.А. Галина Александровна Комарова: жизнь и судьба // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 122–154, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/122-154

дисциплинированность и неизменное чувство ответственности. Она всегда думала об окружающих и старалась им по мере сил помогать.

В школе она отличалась высокой успеваемостью, принимала активное участие во всех мероприятиях: в политинформациях, в самодеятельности, занималась спортом и выступала на районных соревнованиях за школьную команду по гимнастике. А по окончании школы она два года (с июля 1966 г. по август 1968 г.) работала там учительницей немецкого языка. С особым уважением и теплотой она вспоминала о своих школьных учителях. Назову лишь одного — директора школы Арсения Васильевича Меньшикова, человека необычайно образованного. У него был большой дом. Он выписывал все новинки — книги, журналы — и собрал огромную библиотеку. Галя дружила с его дочерями, и он позволял ей пользоваться своей библиотекой. Поэтому она знала много больше, чем давала сельская школа.

В 1968 г. она решила поехать в Москву, где жила ее тетка, и поступила на исторический факультет МГУ. Мы с ней познакомились в 1969 г. на археологических раскопках в Крыму, где их курс проходил археологическую практику. Но ее увлекала этнография, причем ее интересовала прежде всего этнография родных мест, которую она хорошо себе представляла. Однако жизнь вносила свои коррективы. Получилось так, что Галя попала в группу с итальянским языком, хотя в школе изучала немецкий. Узнав об этом, Г.Е. Марков, который тогда был заведующим кафедрой этнографии, дал ей дипломную тему о кочевниках Сомали. Сам он был кочевниковедом, и ему хотелось включить в свою тематику итальянское Сомали, а других знатоков итальянского языка в его окружении не было.

К тому времени о кочевниках Галя уже кое-что знала, побывав в августе-сентябре 1971 г. в Туркмении в составе этнографического отряда под руководством Галины Петровны Васильевой (1920–2005). Вот отрывок из ее письма из Туркмении:

> …не могу удержаться, чтобы не написать о том, что узнала лишь сегодня и что меня поразило. Еще в Ялкыме мы встретили девушку, которую звали Хрущев. Мне тогда этот факт показался забавным, но я думала, что он единственный и случайный. А сегодня нас познакомили с мужчиной, которого зовут Тарзан. Удивительно — туркмен по имени Тарзан! Оказывается, у туркмен нет не только отчества, но и фамилию они не наследуют, а имена выдумывают сами. Мы уже встретили людей, имена которых переводятся на русский язык как, например, Зайчик, Весна, Арык, Колхоз, Кочевник и даже Скряга и Лишний. И вообще все так интересно, так увлекательно, что не знаешь, чему отдать предпочтение (Из личного архива автора).

Но предпочтение определил Марков, и Гале пришлось защищать диплом по племенной организации сомалийских кочевников, что она с успехом и сделала в 1973 г.

По окончании МГУ в 1973 г. у нее начались сложности с работой. Мы тогда уже были женаты и имели сына. Но молодую женщину с маленьким ребенком никто на работу брать не хотел. Казалось бы, все было в ее пользу:

она была отличницей, русской, из села, членом КПСС, и тем не менее для поступления на работу по специальности этого было недостаточно. Нам помогло лишь то, что, узнав об этой ситуации, нам навстречу пошла Людмила Николаевна Терентьева (1910–1982), которая тогда была заместителем директора Института этнографии АН СССР и заведующим сектором Прибалтики и Поволжья. В 1975 г. она взяла Галю своим секретарем, и в течение нескольких лет Галя должна была сидеть перед ее кабинетом и принимать посетителей. Правда, это помогло ей хорошо узнать сотрудников Института, часто приходивших к Терентьевой с просьбами. Еще лучше она познакомилась с жизнью Института, когда в течение ряда лет выполняла обязанности секретаря партбюро. Возможно, оттуда и берет начало ее интерес к антропологии академической жизни, хитросплетения которой она хорошо знала.

Но более всего ее увлекала поэтика родных мест, и, став сотрудником Института, она начала свою научную работу с изучения своего родного края — среди ее первых работ были статьи по топонимике и свадебному обряду Кокшеньги (*Комарова* 1977; 1979). Для этого она завела переписку с местным краеведом А.А. Угрюмовым (1915–1995). Как сотрудник сектора Прибалтики и Поволжья, она должна была в 1980-х годах участвовать в многочисленных полевых исследованиях именно в этих регионах, где в полную силу проявила свой талант прекрасного полевого ученого. При этом она не забывала и о собственных научных интересах: в тот период ее особенно увлекала проблематика, связанная с семьей и детством.

Ее первая студенческая работа была посвящена воспитанию детей у абазин (*Комарова* 1972), у которых она побывала в августе-сентябре 1970 г. в составе студенческой экспедиции в Карачаево-Черкессию под руководством Е.Н. Даниловой (1939–2023). Позднее она с большим интересом познакомилась с серией этнографических книг о воспитании детей в разных регионах мира, вышедших под редакцией Игоря Семеновича Кона (1928–2011), и сама в 1980 г. опубликовала критический обзор исследований по «этнопедагогике» (*Комарова* 1980). Позже она гордилась тем, что сам Игорь Семенович тепло отозвался об этой ее работе и не раз ее цитировал.

В секторе Прибалтики и Поволжья Галя работала до конца 1980-х годов. В 1980-х годах она участвовала в этносоциологических исследованиях в Литве (1982), Калмыкии (1983), Марий-Эл (1984), Башкирии (1985) и Чувашии (1986–1988). В ее архиве сохранилось немало разнообразных материалов о семейных проблемах, о взаимоотношениях мужчин и женщин, о воспитании детей — брошюры, вырезки из газет и журналов, личные записи. Проводя плановые полевые исследования в Литве в апреле-июне 1982 г., она, помимо основной работы, собирала материалы о детских играх, надеясь позже вплотную заняться детской тематикой. Но руководитель сектора Прибалтики и Поволжья В. В. Пименов счел данное направление исследований неперспективным. А в качестве диссертационной темы предложил Гале заняться изучением положения чувашских женщин. Эту тему она и осваивала в ходе полевых исследований в Чувашии в 1986–1988 гг., и, как итог, прекрасно защитила в 1989 г. кандидатскую диссертацию «Современная чувашская женщина в семье и в обществе» (*Комарова* 1988а).



Рис. 1. *Сотрудницы сектора Прибалтики и Поволжья: Т.П. Федянович, М.Я. Устинова, Л.Х. Феоктистова, Г.А. Комарова. (Фото автора)*

Галя подходила к теме очень широко, и в 1980-х годах у нее накопилось немало данных о жизни женщин в разных республиках СССР, прежде всего — в Поволжье. Тогда она публиковала как собственные статьи об этнокультурной роли фактора пола, так и рецензии на соответствующие публикации (*Комарова* 1985; 1987а; 1987б; 1988б; 1990; 1991а; 1991б). В середине 1980-х годов она с большим энтузиазмом взялась за тему брачных объявлений, фактически открыв ее для советских исследователей (*Комарова* 1987в; 1987г; 1988в; 1988г). В 1989–1991 гг. она выполняла обязанности ученого секретаря межсекторальной группы по изучению половозрастных проблем. В течение 1980-х и в начале 1990-х годов она несколько раз выступала с докладами по женской и в целом гендерной проблематике на различных конференциях, включая международные. Это было в те годы, когда никакого особого гендерного направления в отечественной науке еще не существовало.

Кроме того, в 1980-е годы был запущен амбициозный проект по картографированию элементов этнических культур, что должно было подтвердить положение теории этноса о наличии у каждого этноса своей своеобразной компактной этнической культуры. Галя принимала активное участие в этом исследовании, отвечая за организацию работы в Прибалтийском регионе. Тогда у нее сложились очень хорошие отношения с местными специалистами — этнографами и социологами.

В 1970–1980-е годы жизнь Института была многогранной и не сводилась лишь к научной работе. Сотрудники нередко проводили субботники, убирая улицы или работая на овощной базе. В Институте время от времени устраивали весёлые капустники и праздновали Новый год. Для этих мероприятий активно использовали театральные костюмы, подготовкой и распределением

которых с энтузиазмом занималась Зоя Александровна Листвинова. Во всем этом Галя принимала активное участие, состоя в театральной группе «Братья Джованни».

Но наступили тревожные времена. Начались межэтнические конфликты, переросшие в ряде регионов в настоящие кровопролитные войны, и возникла острая проблема беженцев. Для изучения бурных процессов, происходивших тогда в этнической сфере, в 1989 г. М.Н. Губогло (1938–2019) создал Центр по изучению межэтнических отношений (ЦИМО) и поручил Гале собирать соответствующие материалы как в ходе полевых исследований, так и по данным местных СМИ. Этим она и занималась в начале 1990-х годов, составляя «Хронику жизни национальностей» как базы данных для будущих исследователей. Кроме того, тогда она много ездила по разным республикам и новым постсоветским государствам, собирая коллективы авторов и работая с ними для выпуска сборников, где публиковались как всевозможные оригинальные документы, так и обзоры динамичных этнополитических процессов в соответствующих регионах. В результате Галя выпустила «Хронику межнациональных конфликтов в России. 1991 год» (*Комарова* 1994а), «Хронику жизни национальностей в СССР. 1990 год» (*Комарова* 1996а) и «Хронику жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год» *(Комарова* 1997). Под ее редакцией также вышли сборники по Эстонии (*Комарова* 1994б) и Калмыкии (*Комарова* 1995; 1996б). Кроме того, в начале 1990-х годов она не раз выступала на конференциях и с лекциями по проблеме беженцев и вынужденных переселенцев (*Komarova* 1992; 1993).

В те годы полевые выезды представляли большие трудности и были вызовом для исследователей: остро не хватало финансовых средств, на местах отсутствовала удовлетворительная инфраструктура, устанавливать контакты с людьми в постсоветских государствах было довольно сложно. Практическая смётка подсказала Гале брать с собой в такие поездки родственников для поддержки. Помню, как в 1990 г. мы с ней ездили в Тбилиси и присутствовали на выступлении Звиада Константиновича Гамсахурдиа. Иногда она ездила в командировки вместе с нашим сыном или со своей племянницей. Прирожденный такт, умение находить нужные слова, открытость и участливость помогали ей в общении с коллегами, и люди всегда шли ей навстречу. В особенности их подкупало ее стремление оказать посильную помощь в случае необходимости, и она всегда выполняла свои обещания.

С 1992 по 1998 г. Галя ежегодно проводила полевые исследования на Южном Урале: в 1992–1994 гг. в рамках российско-американского проекта, а в 1995–1998 гг. — самостоятельно, заложив основы нового направления в отечественной антропологии: изучение техногенных катастроф. Речь шла о достаточно регулярных радиационных выбросах в Челябинской области, оказывавших губительное влияние на местное население, состоявшее из русских, татар и башкир. Сложившаяся ситуация привлекала внимание американских коллег, поскольку позволяла провести сравнение с аналогичными проблемами в Хэнфорде (штат Вашингтон, США).

Галя самоотверженно ездила в район радиоактивного заражения и собрала там уникальные материалы о самочувствии местного населения и о том, как люди пытались спасти себя и своих близких при отсутствии какой-либо зна-

чимой помощи от административных органов. Так Галя фактически оказалась единственным в мире этнографом, проводившим полноценные, чрезвычайно сложные и опасные исследования в зоне радиоактивного заражения. Причем она публиковала результаты своих исследований не только в научных изданиях, но и в местной прессе, надеясь побудить власть и общественность оказать помощь местным жителям. Она также обсуждала сложившуюся ситуацию с депутатами Государственной думы. Это был гражданский подвиг, и за это она была достойна награды, но, разумеется, никакой награды не последовало. Результатом работы стали книга «ПредТеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на реке Теча» (*Комарова* 1999; 2002а) и успешно защищенная в 2003 г. докторская диссертация (*Комарова* 2002б). Полученные Галей данные использовались в работе специальной Комиссии Совета Федерации РФ по подготовке поправок в текст Закона РФ «О социальной защите лиц, пострадавших от радиационной аварии 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча». Результаты своих исследований Галя не раз докладывала на международных конференциях.



Рис. 2. *Г.А. Комарова выступает на конференции в Осаке, январь 2001 г. (Фото автора)*

В конце 1990-х и начале 2000-х годов мне довелось поработать в нескольких международных научных центрах, и почти всегда мы ездили туда вместе. В результате нам удалось долго пожить в разных странах как на Западе, так и на Востоке. Я работал по своей тематике, связанной с этническими конфликтами и всевозможными фобиями, а Галя пускалась в свободное плавание — ее интересовала жизнь эмигрантов, выходцев из бывшего Советского Союза.

Везде она первым делом находила Российский культурный центр, русские книжные магазины и библиотеки, а также издательства русскоязычных газет и журналов, знакомилась с их сотрудниками. Она регулярно наведывалась в Российские культурные центры, где время от времени собирались эмигран-

ты, приходившие на проводившиеся там концерты, выставки, кинопросмотры, встречи с артистами, писателями, поэтами и журналистами, а также лекции. Она особенно ценила творчество Сергея Довлатова и часто на него ссылалась. В те годы она не расставалась с кинокамерой. Иногда мы ходили на просмотр российских фильмов, а также временами посещали праздники, устраивавшиеся эмигрантами. Галя везде находила магазины с русскими продуктами и иной раз что-нибудь оттуда приносила. Она легко знакомилась с людьми, интересовалась их жизнью, наблюдала за их поведением, в том числе языковым. Не оставляла она и интерес к детской тематике. Будучи в Нью-Йорке, мы, разумеется, посетили и Брайтон-Бич.



Рис. 3. *Г.А. Комарова и русская пресса (Вена, 2007 г.). (Фото автора)*



Рис. 4. *Г.А. Комарова и дети у синтоистского святилища в Саппоро, 2004 г. (Фото автора)*



Рис. 5. *Г.А. Комарова на Брайтон Бич (Нью-Йорк, 2010 г.). (Фото автора)*

Галя также завязала контакты с активистами «Русского мира», среди которых было немало журналистов, издателей газет и журналов, предназначенных эмигрантам. В частности, в 1999–2000-х годах, когда я работал в Гарварде, она по собственной инициативе собрала интереснейшие материалы о жизни выходцев из бывшего Советского Союза в Бостоне. Она встречалась с ними и в Москве на мероприятиях «Русского мира». Так на свет появилась ее книга «Русский Бостон» (*Комарова* 2002в), а затем все это помогло ей успешно осуществить проект, связанный с «Русским миром», и выпустить большой коллективный труд «Русский мир в меняющемся мире» (*Комарова* 2018), ставший для нее последней книгой.

К 1990-м годам на Западе сформировалось такое популярное исследовательское поле, как социальная история науки, придающая особое значение роли социального контекста в жизни и научной деятельности ученых. Мы с Галей неоднократно обсуждали такие проблемы, и, как мне кажется, это оказало определенное влияние на возникшее у нее желание заняться антропологическим изучением роли и места ученых в современном мире. Ее особенно удручали происходившая на наших глазах маргинализация науки, исчезновение научных школ, атомизация ученых, нарастающий разрыв между поколениями, отсутствие у многих ученых саморефлексии.

После наших поездок на Запад, а также в Японию, у нас появилось много хороших знакомых среди зарубежных коллег. И в 2005 г. Галя начала переговоры с женщинами-антропологами о бинарных интервью, а затем издала серию таких интервью (*Комарова* 2007а; 2007б; 2011а; 2011б; 2016б).

Вплотную она приступила к теме антропологии академической жизни (ААЖ) после нашего возвращения из США весной 2006 г., хотя она и раньше с интересом собирала материалы (вырезки из газет, журнальные статьи, воспоминания ученых, материалы о юбилеях и капустниках, об экспедиционном быте, этнографические частушки, сценарии этнографических праздников и пр.) о состоянии дел в российской науке, причем не только в этнологии. В частности, будучи в Вашингтоне, мы посетили 104-ю ежегодную конферен-

цию Американской антропологической ассоциации (30 ноября — 4 декабря 2005 г.), где Галю заинтересовала секция, посвященная этнографии академической жизни.

Кроме того, побывав в различных американских университетах и поучаствовав в нескольких научных конференциях в США, Галя собрала интересные сравнительные материалы, которые она всегда имела в виду, занимаясь ААЖ. Наши зарубежные поездки позволили ей познакомиться с западным опытом исследований внутренней кухни ученого и процессов саморефлексии, что привлекало внимание западных специалистов с конца 1960-х годов. Особенно высоко она оценивала вклад Клиффорда Гирца, создавшего школу интерпретативной антропологии.

Определенное влияние на нее оказала и книга В.А. Тишкова «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами» (2008), на которую она написала рецензию, отметив ее большой вклад в становление такого научного направления, как ААЖ (*Комарова* 2008а). Она также высоко оценила исследования в области антропологии профессий, проводившиеся рядом российских ученых: П.В. Романовым, Е.Р. Ярской-Смирновой, Т.Б. Щепанской. И, наконец, в последние десятилетия появилось немало книг-воспоминаний, написанных выдающимися советскими учеными, что также давало обильную пищу для обсуждения проблем ААЖ.

С учетом этой разнообразной тематики Галя сумела организовать первую секцию по ААЖ в Саранске на VII Конгрессе этнографов и антропологов России летом 2007 г. За этим последовали еще два раунда подобных обсуждений — в Оренбурге в 2009 г. (КЭАР VIII) и в Петрозаводске в 2011 г. (КЭАР IX). Секция имела оглушительный успех — она стала едва ли не самой посещаемой: желающие принять участие или просто послушать доклады не помещались в небольшой комнате, перед которой нередко вырастала целая толпа из тех, кому приходилось слушать выступления из-за двери. При этом важно подчеркнуть, что Галя заботилась о публикации материалов секции и по ее результатам исправно выпускала сборники, неизменно получавшие высокую оценку специалистов (*Комарова* 2008б; 2010; 2013). За эти годы у Гали сложились хорошие отношения со множеством ученых, интересовавшихся данной тематикой, и она мечтала о продолжении этой работы на следующих конгрессах.

Однако, похоже, популярность секции ААЖ задела интересы некоторых статусных персон, и Гале было предложено сменить предмет исследований. Будучи человеком неконфликтным, она с большим сожалением пошла на это, хотя у нее была договоренность со многими специалистами, желавшими развивать данное направление дальше. Ведь она уже готовилась к проведению следующего заседания секции, посвященного саморефлексии ученого. Но из-за закулисных административных интриг этому не суждено было сбыться. Так Галя вплотную столкнулась с некоторыми издержками ААЖ, еще раз подтвердившими не только высокую значимость, но и болезненность рассматриваемой проблематики.

После закрытия ААЖ Галя занималась еще двумя темами. Сперва она организовала проект по комплексным междисциплинарным методам (*Кома-*

рова 2016а), а ее последняя работа была связана с изучением «Русского мира» (*Комарова* 2018). С междисциплинарностью она имела дело со студенческой скамьи, когда ее заинтересовала этнография детства и ей пришлось вплотную столкнуться с педагогикой. Затем она много лет тесно взаимодействовала с этносоциологами, а при изучении экологической катастрофы на Южном Урале ей понадобилось глубоко вникать в медицинские проблемы. В своих работах она подчеркивала, что в 1960–1980-е годы этнографии удавалось избегать жесткого идеологического прессинга, который тогда испытывали другие близкие науки. И в те годы успешно проводились исследования на стыках разных наук. Она с сожалением отмечала некоторый спад интереса к междисциплинарности в постсоветский период и призывала обращаться к методам смежных наук, расширяющим круг научного познания.

Ее тяготение к междисциплинарности ярко проявило себя в ее последнем фундаментальном издании, посвященном русскоязычной диаспоре, которую она очень хорошо знала, благодаря нашей жизни в целом ряде стран — в США, Израиле, Японии, Австрии и Финляндии.

Галина Александровна была честным, справедливым, очень доброжелательным, отзывчивым и заботливым человеком. Она не могла не помочь, если чувствовала, что кому-то требуется помощь. При этом она не думала о себе, о своих интересах. Расскажу о двух случаях из нашей жизни. Был у нас дворник, киргиз. Чтобы поддержать его, Галя написала в управу письмо с просьбой объявить ему благодарность за хорошую работу — и успешно добилась своего. Второй случай связан с нашей собакой. Мы с ней ежедневно гуляли и, считая, что ничего не случится, спускали с поводка. Однажды мы отправились на прогулку к набережной Москвы-реки. А наша собака любила перепрыгивать через барьеры. Внезапно она перемахнула через парапет и, естественно, оказалась в воде. Не раздумывая, Галя бросилась следом, чтобы спасти её. И мне пришлось вылавливать их обеих из реки.

Приложение

Стенограмма заседания диссертационного совета

Заседание совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.6.4 — этнология, антропология и этнография (исторические науки)

14 января 2003 года

Председатель совета — доктор исторических наук, профессор В.А. Тишков

Ученый секретарь совета — доктор исторических наук, А.Е. Тер-Саркисянц

Состав диссертационного совета утвержден в количестве 24 человек, на заседании присутствуют 22 члена совета, в том числе 22 доктора наук по профилю рассматриваемой диссертации:

1	Тишков В.А.	доктор исторических наук	07.00.07
2	Пучков П.И.	доктор исторических наук	24.00.07
3	Тер-Саркисянц А.Е.	доктор исторических наук	07.00.07
4	Алаев Л.Б.	доктор исторических наук	07.00.07
5	Алексеева Т.И.	академик РАН	03.00.14
6	Арутюнов С.А.	член-корреспондент РАН	07.00.07
7	Арутюнян Ю.В.	член-корреспондент РАН	07.00.07
8	Бутовская М.Л.	доктор исторических наук	03.00.14
9	Васильев С.В.	доктор исторических наук	03.00.14
10	Громыко М.М.	доктор исторических наук	24.00.01
11	Губогло М.Н.	доктор исторических наук	07.00.07
12	Жуковская Н.Л.	доктор исторических наук	24.00.01
13	Зубов А.А.	доктор исторических наук	03.00.14
14	Кашуба М.С.	доктор исторических наук	07.00.07
15	Косиков И.Г.	доктор исторических наук	07.00.07
16	Лебедева Н.М.	доктор исторических наук	07.00.07
17	Марков Г.Е.	доктор исторических наук	07.00.07
18	Мартынова М.Ю.	доктор исторических наук	07.00.07
19	Соколова З.П.	доктор исторических наук	24.00.01

20	Таболина Т.В.	доктор исторических наук	07.00.07
21	Тумаркин Д.Д.	доктор исторических наук	07.00.07
22	Чешко С.В.	доктор исторических наук	07.00.07

Председатель: Таким образом, согласно п. 28 положения ВАК, наше заседание правомочно, кворум у нас имеется. Начинаем работу совета.

На повестке дня: защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Галины Александровны Комаровой на тему: «Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала)».

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов, доктор исторических наук Н.Р. Маликова, доктор исторических наук А.К. Соколов.

Ведущее научное учреждение — кафедра этнологии Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Слово для оглашения данных о соискателе представляется ученому секретарю.

Ученый секретарь, д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц зачитывает материалы личного дела соискательницы и отмечает, что они соответствуют всем требованиям Положения ВАК РФ.

Ученый секретарь: Есть ли вопросы по материалам личного дела?

(Ответ: нет.)

Ученый секретарь: Слово предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: *(Текст вступительного слова прилагается.)*

П.И. Пучков, д.и.н., председатель Диссертационного совета: Есть ли вопросы к соискателю?

Э.Г. Александренков, д.и.н.: В чем сходства и различия теченской и чернобыльской ситуаций? Возможно ли изучить последствия чернобыльской аварии так же, как Вы исследовали теченскую ситуацию?

Г.А. Комарова: В отличие от острого одномоментного облучения в результате ядерного взрыва, при проживании людей в зоне радиационного загрязнения формирование индивидуальной дозы человека связано не только с ситуационными факторами (положение по отношению к источнику излучения, наличие экранов и т.д.), но и с поведением самого человека. И в этом обнаруживается определенное сходство в положении жителей радиационно-зараженной поймы р. Теча и самоселов чернобыльской зоны.

Наряду с этим самоселы отчужденной зоны Чернобыля, по данным НПО «Припять», проживают в 16 населенных пунктах, расположенных не ближе 10 км от ЧАЭС и, в основном, в так наз. «пятнах» более низкого, по сравнению с остальной зоной, радиационного загрязнения, т.е. у них нет такого постоянного источника хронического заражения, каким служит р. Теча для населения ее поймы. Кроме того, используемые ими вода и продукты имеют не только местное происхождение, т.е. они производятся не только на «грязных» территориях.

Еще одно отличие состоит в том, что в чернобыльской зоне нет постоянного населения. Часть самоселов приезжают туда лишь на лето, часть из них ездит на работу в «чистую» зону. Сотрудники НПО «Припять» установили, что в 1992 г. в зоне отчуждения проживало около 1500 человек. К 1993 г., в результате пожаров на торфяниках летом 1992 г., число самоселов резко сократилось. Кстати, в этот год было отмечено значительное повышение уровня инкорпорации радионуклидов в организме самоселов зоны отчуждения. По последним данным, самоселы Чернобыля на 75% старше 60 лет, люди в возрасте от 50 до 60 лет составляют 19%. Национальный состав их неизвестен.

Радиоизотопный состав выбросов Чернобыльской АЭС и ПО «Маяк» различен. Это очень важно с точки зрения их воздействия на здоровье людей и окружающую среду. В Чернобыле основное значение имели изотопы радиоактивного йода и цезия; на Тече — стронция, цезия, плутония. Соответственно и характер заболеваний облучённых людей разный. Патология щитовидки и детей, и взрослых — медицинский феномен чернобыльской катастрофы. В то время как хроническая лучевая болезнь встречается только на Тече и только в России. Не острая, а именно хроническая лучевая онкология. Состав выбросов необходимо учитывать также и по причине прогнозирования ситуации. Здесь речь должна идти о периоде полураспада радионуклидов. В частности, период полураспада йода-131–8 дней; цезия-37–29,7 лет; стронция-90–28 лет; плутония-239–24 000 лет.

Как уже упоминалось, чудовищная уникальность теченской ситуации состоит в том, что постоянное население поймы зараженной реки, являясь потомками уже облучённых лиц, более полувека проживает на загрязненных территориях, подвергаясь хроническому воздействию повышенной радиации. Очень бы хотелось, чтобы через 30–40 лет ученые не обнаружили в чернобыльской зоне объекта исследований, подобного теченцам. Но изучить систему жизнеобеспечения и особенности поведения чернобыльских самоселов в зоне повышенной радиации, используя исследования теченской ситуации, вполне реально.

В.А. Тишков, д.и.н., член Совета: Известны ли Вам социокультурные исследования других радиационных техногенных катастроф?

Г.А. Комарова: Специальных социокультурных исследований последствий радиационных катастроф не проводилось. Но известны материалы о судьбах коренных жителей тех районов, которые использовались для реализации всевозможных ядерных программ, например, восьми индейских племен резервации Якима, пострадавших от деятельности плутониевого предприятия

в Хэнфорде (штат Вашингтон, США) или жителей атолла Бикини, которых в 1946 г. во главе с королем Джуди американцы переселили на о. Киви. И те, и другие, в отличие от теченцев, были оторваны от родных мест. Резкий переход на новую систему жизнеобеспечения и прежде всего на новую систему питания вызвал многочисленные болезни (нарушение иммунной системы, диабет, гипертонию, ожирение и т.п.), а также неразрешимые социальные проблемы. В результате, спустя сорок лет, когда американцы разрешили бикинцам вернуться в родные места, заявив при этом, что проблему дезактивации атолла они должны решать сами, оказалось, что от более 10 тысяч бикинцев осталось лишь 1200 старых больных людей.

Ж.Б. Логашева, к.и.н.: Какие существуют примеры этнических или конфессиональных традиций, которые в условиях повышенной радиации приобретают иное значение, чем в нормальных обстоятельствах?

Г.А. Комарова: В работе содержится множество подобных примеров. Для Вас, как специалиста по исламу, наиболее интересны примеры мусульманских догм, соблюдение которых в специфических условиях зоны повышенной радиации требует особого подхода и даже творческой адаптации к современным реалиям. Они особенно наглядны в системе питания теченцев и в сфере личной гигиенической культуры. Как известно, два основных предписания определяют образ жизни мусульманина: «харам» — запретное, и «халал» — дозволенное. И именно в системе питания эти правила разработаны наиболее подробно. К числу абсолютно запрещенных продуктов ислам относит прежде всего свинину. Мусульманину запрещено даже торговать ею. Между тем установлено, что в зоне повышенной радиации из всех видов мяса свинина наименее радиоактивна: во-первых, потому что она меньше поглощает радиации, так как содержит больше сала и мяса по сравнению с костями, чем баранина, говядина, гусятина и т.д.; во-вторых, в местных условиях свиньи — это те немногие из домашних животных, которые не пасутся в пойме реки и, соответственно, меньше подвергаются ее радиоактивному воздействию; в-третьих, в их рацион не входят корма, заготовленные на берегах Течи. Среди мясных продуктов наиболее «загрязненной» считается говядина; затем — мясо домашней птицы (гуси, утки, куры); далее — баранина, телятина и, наконец, свинина. В ходе опроса выяснилось, что часть теченских татар и башкир употребляют в пищу свинину. Правоверные мусульмане никогда ее не едят, но при этом не осуждают своих родных и близких, которые нарушают этот религиозный запрет.

М.Л. Бутовская, д.и.н., член Совета: Почему, на Ваш взгляд, среди активных жителей поймы мало мужчин? С чем это может быть связано?

Г.А. Комарова: Результаты опроса 1993 г., углубленное интервьюирование, полевые наблюдения позволяли в условиях острой стрессовой ситуации начала 1990-х годов выделить среди теченцев тип поведения людей, условно названный «конструктивным». Эту группу населения составляли в основном мужчины среднего возраста, социально активные, материально обеспеченные, со средним специальным и высшим образованием: руководители среднего звена, сельские специалисты, бывшие партийные и советские работники и т.п. Для поведения этого типа людей была типична ориентация на конструктивные, последовательные действия, на поиски решения, выход из ситуации «шаг

за шагом». Конструктивисты, в отличие от других групп теченцев, имели определенную программу и действовали, как правило, по одинаковому сценарию, поняв, что надежды, связанные с принятием закона 1993 г., не оправдались, и оценив свои права и возможности в сложившейся ситуации, они покидали зону заражения, предварительно подготовив почву для переселения своих родных и близких. Среди «конструктивистов» были представители всех национальностей, но большинство — русские, причем, как правило, они не являлись коренными жителями региона. К середине 1990-х годов этот тип социального поведения в зоне практически не наблюдался. Оставшись в зоне, вероятно, они бы вошли в группу активных.

А.Д. Коростелев, к.и.н.: Есть ли этническая специфика в делении жителей поймы на «активных» и «пассивных»? И, второе, от чего зависит уровень активности теченцев?

Г.А. Комарова: Этнической специфики в делении теченцев на «активных» и «пассивных» не наблюдается, но сказывается действие таких факторов, как конфессиональная принадлежность, уровень образования, социальное положение. Уровень активности теченцев зависит, как правило, от внешних факторов, таких, например, как решения, принимаемые в отношении теченской проблемы на федеральном, областном, районном уровнях; от степени активности местных экологических движений, обществ, комитетов; от влияния руководителей различных национальных движений, землячеств, обществ Челябинска, Казани, Уфы, а также от наличия той или иной предвыборной кампании в регионе и т.п.

П.И. Пучков: Благодарю Г. А. Комарову за обстоятельные ответы. Переходим к зачитыванию официальных отзывов и заслушиванию официальных оппонентов.

Ученый секретарь, д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц: Работа обсуждалась на совместном заседании Центра по изучению межнациональных отношений и Отдела этноэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН 18 июня 2002 г.

(*Зачитывает отзыв-заключение.*)

Далее зачитывает отзыв ведущей организации — кафедры этнологии Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ученый секретарь делает обзор четырех положительных отзывов, поступивших на автореферат диссертации Г.А. Комаровой:

А.В. Малашенко — д.и.н., профессора МГИМО(У) МИД РФ, вице-председателя Ученого совета Московского центра Карнеги; Е.П. Бусыгина — д.и.н., профессора Казанского государственного университета и Г.Р. Столяровой — к.и.н., доцента Казанского государственного университета; Ф.Г. Сафина — д.и.н., ведущего научного сотрудника отдела этносоциологии и этнополитологии Центра этнологических исследований УНЦ РАН и к. геогр. н. А.В. Псянчина — старшего научного сотрудника Центра этнологических исследований

УНЦ РАН; Р.И. Якупова — д.и.н., зам. директора Центра этнологических исследований УНЦ РАН.

Г.А. Комарова: Благодарю всех приславших отзывы на автореферат. Также благодарю коллег с кафедры этнологии МГУ за внимательное и глубокое прочтение моей диссертации, их замечания и пожелания в дальнейшей работе.

В отзыве ведущего научного учреждения поднимались два вопроса:

Вопрос 1: о наборе овощей в рационе питания жителей поймы р. Теча. Этот вопрос важен прежде всего потому, что в условиях зоны повышенной радиации именно пища (продукты питания местного производства, к которым прежде всего относятся овощи с частных подворий) служит одним из основных путей внутреннего облучения человеческого организма. Проблема приобретения «чистых» продуктов для теченцев — одна из наиважнейших и актуальных. А в рационе питания теченцев присутствуют овощи только местного производства. В работе в двух разделах второй главы («Овощеводство и садоводство в пойме р. Теча» и «Система питания») дается стандартный набор овощных культур, производимых на приусадебных участках местных жителей, описывается этническая специфика их производства и потребления. Особое внимание уделено картофелю, так как именно картофель занимает самую большую площадь на приусадебных участках и наряду с молоком составляет основу повседневного рациона всех теченцев, независимо от их национальной принадлежности. В ходе работы дважды, в 1992 и 1998 гг., проводилось сравнительное исследование ежесуточного и ежегодного потребления основных продуктов питания жителями зоны, в том числе овощей. Но в силу объективных причин (отсутствие финансов, трудности полевой работы и др.) все овощи, за исключением картофеля, учитывались одной общей строкой. Из многих данных, полученных в результате работы в зоне, в том числе и по набору местных овощных культур, вошли в эту работу только те, что подверглись экспертизе и не требуют дополнительного комплексного анализа специалистов.

Вопрос 2. Отмеченное в отзыве противоречие между приверженностью теченцев к семейным ценностям и падением в последнее десятилетие среди них уровня брачности, увеличением числа отказных детей и т.п., имеет ряд объяснений. Во-первых, в первом случае в исследовании речь идет о «желаемой», «проективной» ситуации: об установке личности на брак, об отношении к семье и семейных ценностях; во втором — о «реальной» ситуации. В ходе опроса выяснялось отношение респондента, его установка — реальное психическое состояние личности, всегда переживаемое, эмоционально окрашенное, но не всегда осознаваемое. Установка лежит в основе конкретного поведения, так как формирует готовность человека действовать определенным образом. Но на практике, как и свидетельствуют полученные данные, не все желающие иметь семью состоят в браке и имеют детей. Репродуктивное поведение жителей поймы не совпадает с их субъективными установками и ориентациями. Причиной этого служат, в частности, половозрастные диспропорции в демографической структуре населения поймы; влияние радионуклидного фактора (в частности, расстройства в сексуально-половой сфере и как следствие их — повышенная доля бездетных пар); последствия информационного бума начала 1990-х годов; а также конфессиональные и этнические особенности

поведения людей. Например, отказ от больных и отягощенных детей в 1990-е годы чаще наблюдался среди верующих татар и башкир, полагающих, что любая болезнь, любое уродство — это божье наказание, наказание Аллаха и его нужно скрывать от людей. По этой причине известны случаи, когда больных, новорожденных детей и детей с врожденными аномалиями старались отдать на воспитание родным, живущим в других населенных пунктах.

П.И. Пучков: Слово предоставляется первому официальному оппоненту — чл.-корр. РАН С.А. Арутюнову. (*Текст выступления С.А. Арутюнова прилагается.*)

П.И. Пучков: Слово для ответа предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: Благодарю С. А. Арутюнова за высокую оценку моей работы. Это для меня особенно важно, так как послужит стимулом в моей дальнейшей работе. Очень многие полевые материалы не вошли в данное исследование. И на их основании (помимо архивных и литературных материалов) можно написать и «белую книгу» в духе журналистки А. Ярошинской или, следуя по стопам С. Алексиевич, книгу «У радиации — не человеческое лицо». В 1999 г. я передала своей бывшей соседке по ул. Полянка Т. Толстой некоторые свои материалы, которые затем нашли отзвук в ее романе «Кысь», но это уже другой жанр. В данном исследовании стояла абсолютно другая задача.

Я не ставила себе такую задачу — выявить и назвать виновников теченской трагедии. Хотя данных для этого имеется достаточно. В частности, в ходе обследования населения в 1993 г. задавался вопрос о том, кого потерпевшие считают виновником своей трагедии. Получены интересные материалы. В начале 1990-х годов удалось собрать около 200 интервью с высокопоставленными чиновниками из Минатома, Минздрава, депутатами разного уровня, сенаторами, руководителями области, представителями администрации ПО «Маяк» и др. Особый интерес вызывают материалы, полученные при обследовании сотрудников закрытых городов и российских ядерщиков. И вот здесь существует огромное поле работы для этнографов. Здесь возможен этнографический подход, особый взгляд этнографа на проблему. Это — классическая этнографическая тематика: система верований, обрядов этих людей, этого замкнутого сообщества, своеобразной гильдии, особой касты, особой субкультуры. Дело в том, что нормальный человек, занимаясь ненормальным делом (разработкой новых способов уничтожения возможно более быстрого уничтожения наибольшего числа людей), просто вынужден создать особую систему взглядов, дающих ему психологическую защиту и какую-то возможность самоопределения в этом мире. Эти люди создают свою касту, гильдию, особую субкультуру. Высокообразованная интеллектуальная элита и мещанские, обывательские взгляды на мир. Самоотверженная работа на благо Родины. Искренняя вера в то, что их «труд» делает мир более безопасным. Особенно ярко это проявляется в закрытых городах, в условиях их тотальной засекреченности. Мне довелось побывать в закрытых городах и встречаться с создателями «Маяка», в частности, оказывать помощь в издании мемуаров бывшего директора плутониевого производства Михаила Васильевича Гладышева «Плутоний для атомной бомбы», а также книги зав. химической лаборатории Лии Петровны Сохиной «Плутоний в девичьих руках» и др. В их

мемуарах возникает необыкновенная картина жизни в закрытых городах: высочайший уровень технического образования и гуманитарный дефицит; изолированность от очагов культуры; закрытость для гастролей, фестивалей, контактов любого рода с внешним миром; кастовая замкнутость и строгость морали; шпиономания и патриотизм; коммунистические идеалы и гулаговские традиции — и многое другое. И полная изолированность от местного населения, которое называло их «шоколадниками», ненавидело и завидовало им. Они сытно жили за забором, в параллельном мире, пока «Маяк» не стал причиной их общей беды.

И еще один аспект. Сегодня резко изменились условия жизни и работы в закрытых городах. Всем, кто связан с ядерным комплексом, приходится менять систему взглядов, приспосабливаться к новым обстоятельствам. И это также имеет свой этнографический аспект. Именно этнографам хорошо известно, как поступают все человеческие общества, традиционному образу жизни которых угрожают идущие извне эпохальные изменения. В данном случае ядерщики становятся жертвами созданной ими же системы. Ядерная и в целом военная промышленность, будучи запущенной в ход, развивает собственную инерцию, в том числе и в психологии работающих в ней людей. Эта система способна пережить ту исчезнувшую цель, для которой она была создана.

П.И. Пучков: Слово предоставляется второму официальному оппоненту — д. соц. н. Н.Р. Маликовой. (*Текст выступления Н.Р. Маликовой прилагается.*)

П.И. Пучков: Слово для ответа предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: Благодарю Наилю Рамазановну за неравнодушное отношение к моей работе, и я учту при переработке текста диссертации в книгу замечания по структуре изложения материала и расширению отдельных ее разделов.

Было очень интересно и полезно выслушать мнение профессионального этносоциолога о диссертации. Вместе с тем ряд моментов хотелось бы обсудить. И главный тезис моего оппонента, вызывающий мои возражения — это положение о том, что теченские события можно, по мнению Наили Рамазановны, определить как «латентный этноэкоцид» населения Южного Урала. Это крайне важный и принципиальный вопрос, и я бы хотела на нем остановиться. Это не просто теоретические рассуждения, они имеют выход на практику. Здесь сошлюсь на авторитет моего научного консультанта В.А. Тишкова, который в своих работах неоднократно подчеркивал, что, изучая последствия экологических катастроф, нельзя трактовать их в терминах «этноцид» или «геноцид». Неслучайно, начиная с 1995–1996 гг., знакомясь с результатами моего исследования, В.А. Тишков постоянно напоминал о том, что между этничностью и радиацией нет и не может быть никакой связи.

Материалы нашего исследования полностью подтвердили это положение. Полученные данные (прежде всего архивные и литературные источники) показывают также, что в данном конкретном случае не было и преднамеренного уничтожения природной среды, чьего-либо злого умысла не было и не могло

быть, т.е. об экоциде также нет речи. Жертвами теченской трагедии стали люди самых разных национальностей. Но в силу объективных обстоятельств наиболее пострадавшими оказались татары и башкиры: именно их поселения (за исключением русского села Метлино) находились в верховьях Течи, т.е. ближе к «Маяку»; именно их деревни оказались в день Кыштымской аварии 29 сентября 1957 г. в зоне радиационного выброса именно с подветренной стороны; а десять лет спустя ураган, поднявший радиоактивные осадки пересохшего оз. Карачай, обрушил их практически на те же селения, на те же территории, что и кыштымский выброс.

Сегодня в официальной признанной зоне повышенной радиации татары и башкиры составляют большинство населения. В начале 1990-х годов этими фактами активно манипулировали лидеры различных национальных движений Казани, Челябинска, Уфы и других. Отношение самих теченцев к этой проблеме в изучаемый период менялось неоднократно. Все эти сюжеты рассмотрены в специальном разделе диссертации «Динамика этнической самоидентификации жителей зоны».

Как известно, геноцид состоит в физическом истреблении целых групп населения по расовым, национальным, этническим, религиозным признакам. И отвечая однозначно на вопрос, следует сказать, что от деятельности «Маяка» в равной степени пострадали все жители поймы, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. «Латентного этноэкоцида» (Н.Р. Маликова) в пойме р. Теча не было. Была и происходит экологическая катастрофа, от которой в равной степени страдает все многонациональное население зоны. В работе приводится множество тому примеров. В частности, пострадали цыгане теченской деревни Заманиха, которые в конце 1940-х годов откликнулись на призыв начать оседлую жизнь и стали жертвами радиации. Очень пострадали русские жители деревни Метлино, расположенной ближе всех к ПО «Маяк», которые получили наибольшее радиационное поражение. И при этом деревня Метлино не была внесена в списки пострадавших, так как ее переселяли в течение нескольких лет, и ее жители попали к тому же в зону ВУРСа (*ред.* — Восточно-Уральский радиоактивный след). Но так как это не было документально зафиксировано, многие жители Метлино не сумели получить статус «теченской жертвы». На самом «Маяке» татары и башкиры пострадали меньше, чем представители других национальностей, только по той причине, что на самом производстве плутония среди специалистов, эксплуатационщиков, руководителей инженерно-технического состава их практически не было. Среди погибших, пострадавших и облучённых на производстве больше всего было русских и евреев. Евреи пострадали еще и по другой причине. В период борьбы с космополитизмом по приказу Л.П. Берия все они в течение недели были уволены с «Маяка». Известны случаи, когда прекрасные специалисты, всю жизнь отдавшие «Маяку», умирали по этой причине от сердечных приступов. В то же время «повезло» немцам и так наз. неблагонадёжным уральцам всех национальностей, которых в связи со строительством секретного военного объекта «Маяк» КГБ в срочном порядке выселило из города Кыштым и других населенных пунктов в радиусе 100 км от плутониевого комбината. В результате они избежали радиационного заражения.

История заражения р. Теча и жителей ее поймы — это экологическая катастрофа для всего живого. Здесь нет и не может идти речи о геноциде какой-либо одной этнической группы и о так наз. экологическом расизме.

П.И. Пучков: Третий официальный оппонент — д.и.н. А.К. Соколов отсутствует, но он прислал положительный отзыв. Попросим его зачитать.

(*А.Е. Тер-Саркисянц зачитывает отзыв д.и.н. А.К. Соколова, который прилагается.*)

Слово для ответа предоставляется соискателю.

Г.А. Комарова: Благодарю проф. А.К. Соколова за глубокий анализ моей работы и ее высокую оценку. В отзыве поднимается вопрос о необходимости различать позитивное отношение людей к религии, собственно их религиозность и роль религии в жизни теченцев. Сразу же скажу, что общепринятого определения понятия «религиозность» в современной науке нет. В качестве основных индикаторов религиозности в социологии религии приняты показатели религиозного сознания и религиозного поведения. В данном исследовании уровень религиозного сознания определялся ответом на вопрос: «Верующий ли Вы человек?». Увеличение числа респондентов, считающих себя верующими, в период между двумя опросами населения 1993 и 1998 гг. свидетельствует о росте религиозного сознания и положительного отношения теченцев к религии, но вместе с тем его нельзя интерпретировать как стремительный подъем религиозности. Вслед за Р.Б. Тагировым и Р.Н. Мусиной главными критериями религиозного поведения в нашем исследовании служили «знание и соблюдение основных религиозных норм». Известно, что российские исследователи во многих регионах страны характеризуют религиозность современных россиян как поверхностную, формальную, эклектичную. По мнению Д.Е. Фурмана, истинно религиозные люди в современной России составляют не более 4%. По данным наших обследований, в пойме р. Теча «убежденные верующие» составили 5–7% от общего количества верующих. Именно эти люди, ощущая свою потерянность в обществе, обращаются к религии и находят в ней моральную опору, надежду на улучшение жизни. Именно сами верующие считают религию очень важным моментом в своей жизни и рассматривают ее как важное психотерапевтическое средство. В работе это и представлено как вывод самих респондентов, их субъективное мнение о месте религии в жизни, о ее позитивной роли в условиях выживания в зоне повышенной радиации.

Вместе с тем я разделяю мнение Андрея Константиновича о том, что в условиях зоны повышенной радиации степень приверженности религиозной традиции может иметь неоднозначные последствия. Именно это и демонстрируют материалы проведенного исследования. В частности, в работе приводятся как факты позитивной роли религии в жизни людей, так и различные примеры иррациональных элементов в конфессиональном сознании и поведении верующих теченцев. Таким образом, действительно, роль религии в условиях зоны повышенной радиации неоднозначна.

Меня порадовало замечание оппонента о том, что изложенные в диссертации материалы позволяют сделать более широкие выводы, чем они сделаны в диссертации. Особенно ценно и интересно, если это делают представители смежных научных направлений. Однако я не считаю себя автором вывода о том, что лишь этнологи способны оценить уровень угроз и степень рисков в системе жизнедеятельности человека. Напротив, это прерогатива

таких специалистов, как традиционные дозиметристы, биофизики, радиологи, радиоэкологи, гигиенисты питания и пр. И неслучайно, именно к ним я обращалась за научной экспертизой собранных мною в зоне материалов. Подчеркну, что данный методический прием был крайне важен в работе, так как сознавая, какой сложный междисциплинарный характер имеет практически любой аспект изучаемой в зоне проблемы, работу было необходимо корректировать с представителями различных научных направлений. Опыт подобного научного сотрудничества свидетельствует о том, что оно имеет взаимополезный характер и что этнологи могут иметь свой аспект в изучении последствий техногенных катастроф.

И об этом уже неоднократно говорили ведущие представители нашей науки. В.А. Тишков еще в 1988 г. указывал в своей статье «Историческая эволюция и императив выживания» на необходимость новых подходов в осмыслении обществоведами последствий научно-технической революции. Он же был одним из первых, кто поддержал идею исследования этнокультурных последствий теченской трагедии. В ответе предыдущему оппоненту уже упоминалось о том, что В.А. Тишков постоянно предостерегал от того, чтобы фактор повышенной радиации напрямую связывался с фактором этничности. И вместе с тем есть проблемы, которые лишь этнограф сможет разрабатывать, изучая последствия экологических катастроф, например, исследовать этнические предпочтения и религиозные запреты в системе питания жителей зоны, способы ведения личного приусадебного хозяйства, навыки личной гигиены, а также народные способы профилактики и лечения заболеваний носителями различных культурных и конфессиональных традиций. Этнология может и должна расширить предмет своего исследования. Что же касается прикладного значения нашей науки, то здесь достаточно напомнить, как в 1920–1930-е годы этнографы распределялись на работу в Красный чум или избу-читальню, боролись с трахомой в Чувашии и т. д.

(*Гаснет свет. Реплика: «Все! Пора заканчивать!»*)

И в заключение хочу поблагодарить всех, и прежде всего своего научного консультанта В.А. Тишкова (*реплика: «А кстати, где он?»*) и всех тех, кто поддержал идею исследования этнокультурных аспектов теченской трагедии и помог мне в работе. Спасибо.

П.И. Пучков: Кто хотел бы высказаться по поводу обсуждаемой работы? Прошу.

М.Н. Губогло, д.и.н., член Совета: Наш Институт известен тем, что у нас изучаются этнические конфликты, проблемы этнической мобилизации и другие, принесшие заслуженную славу коллективу ИЭА. Сегодняшнее исследование освещает еще один аспект конфликтологии, когда анализируется конфликт человека с самим собой. Рассматриваемая работа вносит существенный вклад в такой раздел науки как конфликтология.

Вопреки всем установкам и стереотипам, которые есть в традиционной этнической и конфессиональной культуре, порой независимо от них, выше этой плоскости, человек вступает в конфликт с экологией, а еще точнее, в конфликт с самим собой, для того чтобы выжить. И вот в этом процессе выживания более важным является психологический подход, нежели этнический, конфессиональ-

ный и другие. И в этом смысле я присоединяюсь к той высокой оценке, которую дал С.А. Арутюнов этому исследованию как работе, вносящей достойный вклад в этнологическую науку. И вместе с тем упрек Сергея Александровича в том, что в ней не названы виновники теченской трагедии был бы справедлив, если бы работа защищалась на степень политологических, юридических или иных наук, но не этнологических, исторических. Тут вступают в действие моральные критерии, насколько Галина Александровна вправе предъявлять обвинения тому или иному конкретному лицу, инкриминировать общую беду всего общества. И здесь трудно ожидать какой-то персонификации.

Мне кажется, что действительно эта работа является новаторской, дающей важный импульс исследованию новой ниши в конфликтологии, связанной с изучением конфликта с самим собой.

П.И. Пучков: Есть желающие еще выступить?

В.И. Козлов, д.и.н.: В обсуждаемой работе мы видим скорее конфликт группы людей и всего общества, но не конфликт человека с самим собой, как считает М.Н. Губогло. Вместе с тем хочу поддержать его мысль о том, что выдвигать в диссертации какие-то обвинения — это не входит в задачу Галины Александровны.

И здесь я хочу поддержать второго оппонента: действительно, в поведении людей, живущих в пойме р. Теча, этнические и конфессиональные аспекты в общем-то сглаживаются. И действительно, их лучше звать «теченцы». К их беде нет адаптации, и единственным средством, единственно возможным средством борьбы с этой катастрофой является уход из этой зараженной поймы р. Течи.

Я все это сказал для того, чтобы предостеречь всех тех, кто будет увлечен тематикой изучения этнических и религиозных групп в условиях техногенных катастроф. Не всякий из этого омута вынырнет. Я думаю, что Галине Александровне удалось это сделать, и она вполне достойна искомой степени доктора исторических наук. Я здесь не стану очень к ней придираться. Но повторяю, что надо ясно понимать, за какую тему стоит этнографам браться, а за какую — не стоит.

П.И. Пучков: Слово предоставляется Валерию Александровичу Тишкову.

В.А. Тишков: Я хотел бы сказать только несколько слов. И в данном случае не потому, что я с большим удовольствием давал небольшие консультации Галине Александровне, включая название, которое похвалил Виктор Иванович. Галина Александровна, безусловно, сложившийся известный ученый, автор трех серьезных книг. Это ее третья книга. И должен сказать, что все они разные. Две по теме диссертации. Но книга «Русский Бостон» — это тоже вполне самостоятельная, и я бы даже сказал, заслуживающая тоже рассмотрения как серьезное диссертационное исследование.

Тема обсуждаемой диссертации очень актуальная и интересная. И я поддерживаю в этом В.И. Козлова, но в отличие от него, призываю этнографов смелее заниматься подобной тематикой. Две такие «прорывные» темы, которые, безусловно, являются нашими темами, выполнены в этом году в нашем

Институте: это работа по дедовщине, по антропологии экстремальных групп, выполненная К. Банниковым, и работа Галины Александровны по этнокультурным аспектам техногенных катастроф.

Второе, о чем хотелось бы сказать. Я вспоминаю, как в 1957 г. на танцплощадке в своем родном городе познакомился с девушкой, которую родители отправили из Кыштыма (подальше от аварии) к нам, поскольку там были дальние родственники, на Западный Урал. И она мне, как страшную тайну, рассказала то, что знала об этой ситуации. И нужно сказать, что эта тема еще неоднократно присутствовала в моей жизни, включая и знакомство месяц тому назад с директором «Маяка», академиком, с которым мы встречались на 70-летнем юбилее уральской науки. У них есть проекты по строительству атомной электростанции, о чем сообщали два дня назад и по ТВ, которая поможет решить проблему хранения жидких радиоактивных отходов.

В.И. Козлов: Вы не знаете, это не жидкие отходы, это осадок, который взрывается…

В.А. Тишков: Мы обсуждаем не ядерные технологии, а социокультурные аспекты радиационной катастрофы. Здесь можно выделить три уровня. Первый — общечеловеческий, этологический, поведенческий. Он включает такие фундаментальные проблемы, как гендерные различия, жизненные базовые стратегии и другие. Второй — социологический уровень (хотя это и не наша стезя, но мы ее обойти не можем) — это все, что связано с образованием, профессиональными группами и т. д.; но культурный уровень все же разделяется на два (вот я его не увидел). Может быть, надо было высказать ранее это пожелание, но, если есть возможность, надо его учесть. Все-таки есть культурный уровень общероссийский или общесоветский. Ведь это тоже среда не вне культуры. Это пренебрежение своим здоровьем, низкая цена человеческой жизни и многие другие вещи, которые чисто культурно характеризуют, скажем, советский или общероссийский культурный комплекс. В данном случае они почти одинаково культурно строят поведение и татар, и башкир, и русских, и других. Вот это нужно обозначить и сформулировать, потому что это не внекультурный контекст, общероссийский, общенациональный. У Вас он иногда выглядит как чисто социологический, но это тоже культура.

И третий уровень — это собственно этническая культура или уровень партикулярности поведения. И здесь есть не только этнический, но и религиозный аспект. Мы не услышали, но это, наверное, у Вас есть, в чем же разница между этими двумя моделями «татаро-башкирской» и «мусульманской». Это же чрезвычайно интересно. Первая реакция — это одно и то же, но на самом деле это две разные модели, так как не все татары и башкиры являются верующими, и, может быть, даже большинство не является верующими. Может быть, вот это уровень партикулярной культуры. Уровень общероссийский можно было бы прописать почётче, если Вы будете работать дальше над этой темой.

В целом я считаю, что это новаторское исследование, наше этнологическое исследование, и надо продолжать всячески в этом плане работать. А научная смелость, трудолюбие, последовательность, целеустремленность, характеризующие работу Галины Александровны, мне кажутся заслуживающими вознаграждения в виде присуждения ей степени доктора исторических наук.

П.И. Пучков: Есть еще желающие выступить? Пожалуйста.

Г.П. Лежава, д.и.н.: Актуальная, новаторская работа Галины Александровны Комаровой интересна и может быть полезна не только узкому кругу специалистов, но и широкой научной общественности, и в целом многим социальным группам населения. В связи с этим у меня маленькая реплика. У меня возник вопрос: надо ли в наших этнологических и этнополитических работах принципиально ставить вопрос о персональных виновниках тех или иных исторических событий? Здесь развернулась дискуссия о том, надо ли доводить дело до того, чтобы в наших работах ставить так вопрос. Я считаю, что мы, изучая конфликты, имеем право очертить круг возможных виновников. Вопрос: до какого рубежа мы можем доходить, а где нужно остановиться? Это тоже предмет обсуждения ученых.

Что же касается диссертационного исследования Галины Александровны Комаровой, я считаю, что оно вполне удовлетворяет всем требованиям, а её автор заслуживает присуждения степени доктора исторических наук.

П.И. Пучков: Есть ли еще желающие выступить?

(Ответ: нет.)

Соискателю предоставляется заключительное слово.

Г.А. Комарова: Прежде всего, выражаю благодарность В.И. Козлову за то, что в течение восьми месяцев он пристально наблюдал за судьбой обсуждаемой диссертации и тем самым невольно способствовал тому, что работа была в значительной мере переделана и, надеюсь, улучшена. Вместе с тем жаль, что он не знаком ни с текстом диссертации, ни с книгой, ни с авторефератом.

В.И. Козлов: А как я мог?

Г.А. Комарова: Текст диссертации с 17 декабря 2002 г. находился в библиотеке ИЭА РАН. Автореферат я пыталась Вам вручить, но Вы не пожелали общаться.

Здесь уже упоминалось, что предварительное обсуждение работы на совместном заседании ЦИМО и сектора этноэкологии было интересным и энергичным. И я благодарна всем, кто принял в нем участие.

Очень лестно, что В.И. Козлов цитирует меня. Именно со слов о «простыне и кладбище» я начала свое выступление на предварительном обсуждении 18 июня 2002 г. Они характеризовали ситуацию острого одномоментного облучения, но не ситуацию проживания в зоне повышенной радиации.

Также очень жаль, что В.И. Козлов не присутствовал на первой половине сегодняшнего заседания, где я уже неоднократно описывала уникальность теченской ситуации. Я вынуждена попросить прощения у присутствующих и еще раз подчеркнуть для В.И. Козлова отличие теченской трагедии, например, от радиационной катастрофы в Хиросиме и Нагасаки. При бомбардировке Хиросимы произошло единовременное острое внешнее облучение, и фор-

мирование индивидуальной дозы заражения людей зависело лишь от ситуационных факторов (наличие экранов, местонахождение жертв бомбардировки по отношению к источнику заражения и т. д.).

В случае Хиросимы невозможно и корректно говорить об этнической специфике поведения людей в момент взрыва. Это было бы, по крайней мере, бессмысленно. Да, известно, что подавляющее большинство населения Хиросимы в момент взрыва составляли японцы. Несколько сотен военнопленных, прежде всего корейцев, погибли сразу же, так как их лагерь находился в эпицентре взрыва. Среди жертв бомбардировки (хибакуся) были и наши соотечественники — девять русских белых эмигрантов. Их колония составляла большинство иностранных граждан Хиросимы (кроме них, в городе проживали три немца и один американец). Известно, что все русские остались живы. Но это не потому, что они русские. Причиной тому было место их нахождения во время взрыва: в 8.15 утра они были дома. А будучи бедными людьми, все русские жили на окраинах, отделенных от эпицентра взрыва горными хребтами. Это и спасло людей. Хотя они болели, но остались живы. Все выжившие были эвакуированы и питались чистыми продуктами и пили чистую воду. Об их внутреннем облучении и об особенностях поведения в зоне заражения в случае хиросимской бомбардировки говорить не приходится.

В результате всех крупнейших мировых радиационных катастроф только население поймы р. Теча было вынуждено оставаться на загрязненных территориях, пить зараженную воду и питаться «грязными» продуктами. Вот почему сегодня идет речь об особенностях его проживания в зоне повышенной радиации и уделяется столь значительное внимание фактору внутреннего облучения человеческого организма в условиях радиационного заражения. И в работе речь идет о тех мерах, которые способны снизить радиационные и радиологические последствия заражения р. Теча.

Благодарю всех, кто проявил внимание к моему диссертационному исследованию. Прежде всего, я хотела бы поблагодарить за глубокий и детальный анализ моей работы всех своих оппонентов и участников дискуссии. Большое спасибо членам Диссертационного совета, которые приняли участие в его работе. Особо хотелось бы отметить поддержку сотрудников ЦИМО и всех тех сотрудников Института, в частности, из сектора этноэкологии, которые никогда не отказывали в совете или консультации. Еще раз спасибо всем, кто принял идею моего исследования и поддержал меня в работе.

П.И. Пучков: Для проведения тайного голосования необходимо избрать счетную комиссию. В ее состав предлагаются д. и. н. М.Н. Губогло, д. и. н. М.С. Кашуба, д. и. н. М.Ю. Мартынова.

Есть ли возражения против предложенного состава счетной комиссии?

(*Ответ: нет.*)

Состав счетной комиссии утверждается.

(*Проводится тайное голосование и подсчет голосов.*)

П.И. Пучков: Слово предоставляется председателю счетной комиссии М.Ю. Мартыновой.

(*Зачитывается протокол счетной комиссии о результатах голосования, который единогласно утверждается.*)

П.И. Пучков: На основании материалов защиты и результатов тайного голосования (за – 19, против — 2, недействительных бюллетеней — 1) диссертационный совет Д.002.117.01 ходатайствует о присуждении Комаровой Галине Александровне ученой степени доктора исторических наук.

Мы должны открытым голосованием принять заключение по заслушанной диссертации. Членам совета роздан его проект. Есть ли у членов совета замечания к нему?

(*Члены совета обсуждают проект заключения и вносят в него редакционные поправки.*)

П.И. Пучков: Кто за данный проект заключения с поправками, прошу голосовать.

(*Проводится голосование. Заключение принимается единогласно*.)

Поздравляю Галину Александровну Комарову с успешной защитой!

Председатель

Диссертационного совета

д.и.н. В.А. Тишков

Ученый секретарь

Диссертационного совета

д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц

Литература

Комарова Г.А. К вопросу об обычаях и обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка в абазинской семье // IX Всесоюзная студенческая конференция. Ленинград, 4–7 мая. Краткие тезисы докладов. Л.: ЛГУ, 1972.

Комарова Г.А. Неславянская топонимия Кокшеньги // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры / отв. ред. Л.М. Дробижева, И.И. Крупник, С.Б. Рождественская, В.Г. Сергеева. М.: ИЭ АН СССР, 1977. С. 31–43.

Комарова Г. А. Трансформация свадебного обряда Кокшеньги в советское время // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах / отв. ред. Г.А. Аксянова, И.И. Крупник, О.Б. Наумова. М.: ИЭ АН СССР, 1979. С. 65–76.

Комарова Г. А. О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений / отв. ред. И.И. Крупник. М.: ИЭ АН СССР, 1980. С. 203–212.

Комарова Г. А. Об особенностях этнокультурных ориентаций мужчин и женщин // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа / Чебоксары: Чуваш. НИИ ЯЛИЭ, 1985. С. 140–149.

Комарова Г. А. Как делить обязанности // Советская Чувашия, 27 декабря 1987а.

Комарова Г. А. Женщина и мужчина: отношение к традиционной культуре: (На материалах Чуваш. АССР) // Расы и народы. М., 1987б. № 17. С. 123–139.

Комарова Г. А. Этнические установки при выборе брачного партнера (по материалам Службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах) // Советская этнография. 1987в. № 3. С. 80–90.

Комарова Г. А. Об использовании этнографических знаний в деятельности Службы знакомств // Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ИЭ АН СССР, Омск. гос. ун-т, 1987 г.

Комарова Г. А. Современная чувашская женщина в семье и в обществе. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 1988а.

Комарова Г. А. Фактор пола в современных этнокультурных процессах // Чуваши: современные этнокультурные процессы / отв. ред. В.В. Пименов. М.: Наука, 1988б. С. 32–47.

Комарова Г. А. Служба … Афродиты // Правда, 1988в. № 217.

Комарова Г. А. Об отношении современных чувашей к межнациональным бракам (по данным Службы брачных объявлений Чебоксар) // Вопросы истории и этнографии города. Чебоксары: Чуваш. НИИ ЯЛИЭ, 1988 г. С. 87–94.

Комарова Г. А. Нет «женских» проблем без «мужских» // Советская этнография. 1990. № 6. С. 73–75.

Комарова Г. А. Проблема сочетания общественно-производственных и семейно-бытовых обязанностей сельскими марийскими женщинами // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991а, вып. 18. С. 73–91.

Комарова Г. А. Труд и быт сельских женщин // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991б, вып. 18. С. 125–147.

Комарова Г. А. (ред.) Хроника межнациональных конфликтов в России. 1991 год. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994а.

Комарова Г. А. (ред.) Эстония: контуры этнополитической эволюции. 1988–1993 гг. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1–2. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994б.

Комарова Г. А. Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы / отв. ред. Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Комарова. Т. 1. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1995.

Комарова Г. А. (ред.) Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1996а.

Комарова Г. А. Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы / отв. ред. Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Комарова. Т. 2. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1996б.

Комарова Г. А. (ред.) Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1997.

Комарова Г. А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 122. М.: ИЭА РАН, 1999.

Комарова Г. А. ПредТеча Чернобыля: этнокультурные аспекты экологической катастрофы на реке Теча. М.: ИЭА РАН, 2002а.

Комарова Г. А. Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы (на материалах обследования населения Южного Урала). Дис. док. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 2002б.

Комарова Г. А. Русский Бостон. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 2002в.

Комарова Г. А. «Уважение к респондентам — важнейшая заповедь исследователя …» (Интервью с Е.И. Филипповой и М. Ларюэль) // Этнографическое обозрение. 2007а. № 2. С. 120–131.

Комарова Г. А. Женский портрет в научном интерьере // Антропологический форум Online. 2007б. № 7. С. 312–326.

Комарова Г. А. Рец. на: Тишков В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008. 175 с., ил. // Этнографическое обозрение. 2008а. № 6. С. 181–187.

Комарова Г. А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008б. С. 5–25.

Комарова Г. А. Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. Т. II. М.: ИЭА РАН, 2010.

Комарова Г. А. «Антрополог — это очевидец» // Антропологический форум Online. 2011а. № 14. С. 235–268.

Комарова Г. А. О самой лучшей «награде» антропологической работы // Антропологический форум Online. 2011б. № 15. С. 448–474.

Комарова Г. А. Новация, обреченная стать традицией // Антропология академической жизни: традиции и инновации. Т. III / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 5–17.

Комарова Г. А. Взгляд в прошлое как движение в будущее // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016а. С. 17–30.

Комарова Г. А. Умение говорить с «чужими» о своем: бинарное интервью с Э. Голуб и Е. Холлер // 2016б. Архив автора.

Комарова Г. А. Русский мир в меняющемся мире / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018.

Komarova G. A. Movement of people in the former USSR // Coming young and developing the significance of refugees, migrants and returnees. Geneva, 1992.

Komarova G. A. A problem of forced migrants in USSR // Refugees Governmental Policy and International Aspects. Geneva, 1993.

Research article

Shnirel'man V.A. Galina Aleksandrovna Komarova: zhizn' i sud'ba. Anthropologies, 2026, no 1, pp. 122–154, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/122-154

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Shnirel'man V.A. | shnirv@mail.ru | https://orcid.org/0000–0001–8469–6583 |

Senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

Galina Aleksandrovna Komarova worked at the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences — the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences for about 45 years, first in the Baltic and Volga region sector, then at the Center for the Study of Interethnic Relations. Starting with the study of children's issues and the status of women in Chuvashia, then in the critical years she did a lot of studies of interethnic relations and migration processes in the republics of Russia and in the new post-Soviet states (in the Baltic countries and the South Caucasus), after which she conducted unique pioneering studies of the ethnocultural consequences of a man-made (radiation) catastrophe in the South Urals. Having been abroad (in the USA, Japan, Israel, Austria and Finland), she became a recognized connoisseur of the culture and life of Soviet/Russian emigrants. Then she enriched domestic science with such a new direction as the anthropology of academic life. In addition, she attached great importance to interdisciplinary research. In the appendix to the article, a transcript of the defense of the doctoral dissertation by G.A. Komarova «Ethnocultural aspects of a man-made disaster (based on materials from a survey of the population of the South Urals),» held at the IEA RAS on January 14, 2003 (from the author's personal archive).

Keywords: Komarova G. A., ethnography, gender, man-made disaster, emigration, anthropology of academic life

References

Komarova, G.A. 1972. K voprosu ob obychaiakh i obriadakh, sviazannykh s rozhdeniem i vospitaniem rebenka v abazinskoi sem'e [On the birth and upbringing practices and rituals in the Abaza families]. In *IX Vsesoiuznaia studencheskaia konferentsiia. Leningrad, 4–7 maia. Kratkie tezisy dokladov*. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet.

Komarova, G.A. 1977. Neslavianskaia toponimiia Kokshen'gi [Non-Slavonic toponyms of the Kokshen'ga region]. In *Nekotorye voprosy izucheniia etnicheskikh aspektov kul'tury*, edited by L.M. Drobizheva, I.I. Krupnik, S.B. Rozhdestvenskaia, V.G. Sergeeva, 31–43. Moscow: Institut etnologii Akademii nauk SSSR.

Komarova, G.A. 1979. Transformatsiia svadebnogo obriada Kokshen'gi v sovetskoe vremia [Transformation of the Kokshen'ga wedding rite in the Soviet period]. In *Etnokul'turnye protsessy v sovremennykh i traditsionnykh obshchestvakh*, edited by G.A. Aksianova, I.I. Krupnik, O.B. Naumova, 65–76. Moscow: Institut etnologii Akademii nauk SSSR.

Komarova, G.A. 1980. O poniatii «etnopedagogika» v sovetskoi etnograficheskoi i pedagogicheskoi nauke [On the term «ethnopedagogy» in the Soviet ethnographic and pedagogical studies]. In *Izuchenie preemstvennosti etnokul'turnykh yavlenii*, edited by I.I. Krupnik, 203–212. Moscow: Institut etnologii Akademii nauk SSSR.

Komarova, G.A. 1985. Ob osobennostiakh etnokul'turnykh orientatsii muzhchin i zhenshchin [On the peculiarities of male and female ethnocultural attitudes]. In *Novye materialy po arkheologii i etnografii chuvashskogo naroda*, 140–149. Cheboksary: Chuvashskii Nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki.

Komarova, G.A. 1987a. Kak delit' obiazannosti [How to share responsibilities?]. In *Sovetskaia Chuvashiia*, December 27.

Komarova, G.A. 1987b. Zhenshchina i muzhchina: otnoshenie k traditsionnoi kul'ture: (Na materialakh Chuvash. ASSR) [Male and female attitudes towards traditional culture (On the materials of the Chuvash. ASSR)]. In *Rasy i narody* 17: 123–139.

Komarova, G.A. 1987v. Etnicheskie ustanovki pri vybore brachnogo partnera (po materialam Sluzhby brachnykh ob»iavlenii v Ufe i Cheboksarakh) [Ethnic attitudes in mating behavior (based on materials from the Marriage Announcement Service in Ufa and Cheboksary)]. In *Sovetskaia etnografiia* 3: 80–90.

Komarova, G.A. 1987g. Ob ispol'zovanii etnograficheskikh znanii v deiatel'nosti Sluzhby znakomstv [On the ethnographic data usage by the Dating Service]. In *Etnograficheskaia nauka i propaganda etnograficheskikh znanii*, edited by N.A. Tomilov. Omsk: Institut etnografii Akademii nauk SSSR, Omskii gosudarstvennyi universitet.

Komarova, G.A. 1988a. Sovremennaia chuvashskaia zhenshchina v sem'e i v obshchestve [Modern Chuvash woman in the family and in the society]. PhD diss. abstract, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Komarova, G.A. 1988b. Faktor pola v sovremennykh etnokul'turnykh protsessakh [Gender factor in the modern ethnocultural processes]. In *Chuvashi: sovremennye etnokul'turnye protsessy*, edited by V.V. Pimenov, 32–47. Moscow: Nauka.

Komarova, G.A. 1988v. Sluzhba … Afrodity [Aphroditha's… service]. In *Pravda*, no. 217.

Komarova, G.A. 1988g. Ob otnoshenii sovremennykh chuvashei k mezhnatsional'nym brakam (po dannym Sluzhby brachnykh ob»iavlenii Cheboksar) [Modern Chuvash attitude to interethnic marriages (according to the Cheboksary Marriage Announcement Service)]. In *Voprosy istorii i etnografii goroda*, 87–94. Cheboksary: Chuvashskii Nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki.

Komarova, G.A. 1990. Net «zhenskikh» problem bez «muzhskikh» [There are no «female» problems without «male ones»]. In *Sovetskaia etnografiia* 6: 73–75.

Komarova, G.A. 1991a. Problema sochetaniia obshchestvenno-proizvodstvennykh i semeino-bytovykh obiazannostei sel'skimi mariiskimi zhenshchinami [On the combination of social-productive and everyday family life responsibilities by the rural Mari women]. *Sovremennye etnokul'turnye protsessy v mariiskom sele. Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia* 18: 73–91. Ioshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii.

Komarova, G.A. 1991b. Trud i byt sel'skikh zhenshchin [Rural women's labour and everyday life]. *Sovremennye etnokul'turnye protsessy v mariiskom sele. Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia* 18: 125–147. Ioshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii.

Komarova, G.A., ed. 1994a. *Khronika mezhnatsional'nykh konfliktov v Rossii. 1991 god* [Chronicle of interethnic conflicts in Russia. 1991]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A., ed. 1994b. *Estoniia: kontury etnopoliticheskoi evoliutsii. 1988–1993 gg. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [Estonia: contours of ethnopolitical evolution. 1988–1993. Essays. Documents. Materials]. Vol. 1–2. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 1995. *Kalmykiia: etnopoliticheskaia panorama. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [Kalmykia: ethno-political panorama. Essays. Documents. Materials]. Edited by E.-B.M. Guchinova, G.A. Komarova. Vol. 1. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A., ed. 1996a. *Khronika zhizni natsional'nostei v SSSR. 1990 god* [Chronicle of the nationalities' life in the USSR. 1990]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 1996b. *Kalmykiia: etnopoliticheskaia panorama. Ocherki. Dokumenty. Materialy* [Kalmykia: ethno-political panorama. Essays. Documents. Materials]. Edited by E.-B.M. Guchinova, G.A. Komarova. Vol. 2. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A., ed. 1997. *Khronika zhizni natsional'nostei nakanune raspada SSSR.*

1989 god [Chronicle of the nationalities' life on the eve of the USSR disintegration. 1989]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A., ed. 1999. Liudi i radiatsiia: etnokul'turnye aspekty ekologicheskogo bedstviia na Iuzhnom Urale [People and radiation: ethnocultural aspects of the ecological disaster in the South Urals]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 122. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 2002a. *PredTecha Chernobylia: etnokul'turnye aspekty ekologicheskoi katastrofy na reke Techa* [PreTecha Chernobyl: ethnocultural aspects of the ecological disaster on the Techa River]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova G. A. 2002b. Etnokul'turnye aspekty tekhnogennoi katastrofy (na materialakh obsledovaniia naseleniia Iuzhnogo Urala) [Ethnocultural aspects of the man-made disaster (based on the survey of the South Urals inhabitants)]. PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Komarova, G.A. 2002v. *Russkii Boston* [Russian Boston]. Moscow: Tsentr po izucheniiu mezhetnicheskikh otnoshenii Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 2007a. «Uvazhenie k respondentam — vazhneishaia zapoved' issledovatelia …» (Interv'iu s E.I. Filippovoi i M. Laruelle) [«A respect for respondents is the most important commandment of the researcher…» (Interview with E.I. Filippova and M. Laruelle]. In *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 120–131.

Komarova, G.A. 2007b. Zhenskii portret v nauchnom inter'ere [Female portrait in a scientific interior]. In *Antropologicheskii forum Online* 7: 312–326.

Komarova, G.A. 2008a. Review of *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami,* by V.A. Tishkov. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 181–187.

Komarova, G.A. 2008b. Antropologiia akademicheskoi zhizni v postsovetskom kontekste [Anthropology of academic life in the post-Soviet context]. *Antropologiia akademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii*, edited by G.A. Komarova, 5–25. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A., ed. 2010. *Antropologiia akademicheskoi zhizni: mezhdistsiplinarnye issledovaniia* [Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Studies]. Vol. II. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 2011a. «Antropolog — eto ochevidets» [«Anthropologist is an eyewitness»]. In *Antropologicheskii forum Online* 14: 235–268.

Komarova, G.A. 2011b. O samoi luchshei «nagrade» antropologicheskoi raboty [On the best «award» for an anthropological work]. In *Antropologicheskii forum Online* 15: 448–474.

Komarova, G.A. 2013. Novatsiia, obrechennaia stat' traditsiei [An innovation which

is doomed to become a tradition]. In *Antropologiia akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii*, edited by G.A. Komarova, 5–17. Vol. III. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

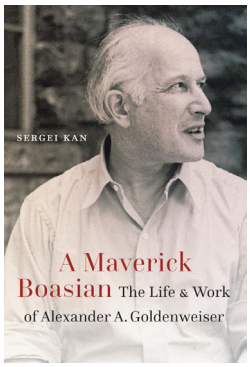
Komarova, G.A. 2016a. Vzgliad v proshloe kak dvizhenie v budushchee [Looking to the past as a movement to the future]. *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii*, edited by G.A. Komarova, 17–30. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 2016b. Umenie govorit' s «chuzhimi» o svoem: binarnoe interv'iu s E. Golub i E. Holler [An ability to speak with «strangers» about one's own matters: a binary interview with E. Golub and E. Holler]. Author's archive.

Komarova, G.A., ed. 2018. *Russkii mir v meniaiushchemsia mire* [The Russian world in a changing world]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Komarova, G.A. 1992. Movement of people in the former USSR. *Coming young and developing the significance of refugees, migrants and returnees*. Geneva.

Komarova, G.A. 1993. A problem of forced migrants in USSR. *Refugees Governmental Policy and International Aspects*. Geneva.



© И.В. Кузнецов

Об Александре Гольденвейзере, боасовской антропологии и книге С.А. Кана. Рецензия на книгу: Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023.

Творчество и судьба Александра Александровича Гольденвейзера (1880–1940), исследованные в книге Сергея Кана, вышедшей пару лет назад в серии «Critical Studies in the History of Anthropology», являют собой примеры уникальные среди прочих российско-американских встреч в истории антропологии. Из российских эмигрантов, имея в виду, разумеется, еще и Татьяну Проскуриакофф, Ивана Лопатина, Джона Мурру и пр., никто не поднимался так высоко в иерархии классиков американской антропологии, как Гольденвейзер, прочно занявший свое место в пятерке первых и наиболее прославленных учеников Франца Боаса наряду с Алфредом Крёбером, Робертом Лоуи, Полом Радином и Эдуардом Сэпиром.

Киевлянин по рождению «Шура», как знали Гольденвейзера в его ближайшем русском окружении, «Goldie», как называли его американские коллеги, был отпрыском известного, разветвленного русско-еврейского, иудео-христианского рода, объединяющего в наши дни еще и Софиано, Чегодаевых, Гершензонов. Среди родственников Александра, оставшихся на родине (в Америку уехал лишь он с обоими своими братьями), значатся народный артист СССР, лауреат Сталинской премии, пианист А.Б. Гольденвейзер и даже академик А.Д. Сахаров, крестник жены последнего.

Вполне естественно, что Сергей Кан, сам будучи выходцем из СССР, никогда не рвавшим узы с российским научным сообществом, особо интересуется именно этнокультурной идентичностью своего героя, его связями с Россией

Кузнецов Игорь Валерьевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, e-mail: igorkuznet@gmail.com; http://orcid.org/0000-0002-6947-244X

Для цитирования: Кузнецов И.В. Об Александре Гольденвейзере, боасовской антропологии и книге С.А. Кана. (Рец. на Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023) // Антропологии/Anthropologies. 2026. No 1. С. 155–183, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/155-183

и отношением к «домашним» делам. Этот интерес накладывает рельефную печать на всю книгу, но больше всего виден в первой главе («The Russian Beginning and the Early American Years»).

Надо сказать, что в своих наблюдениях автор опирается не только на документы из широко доступных американских собраний (библиотек Американского философского общества и Чикагского университета, Библиотеки Банкрофта Калифорнийского университета в Беркли и др.). Он также обильно ссылается, что называется, на эксклюзив: на письменные свидетельства брата «Шуры», адвоката Алексея Александровича Гольденвейзера (1890–1979), чьи бумаги сохранились в Бахметьевском архиве Колумбийского университета; на переписку Александра Гольденвейзера с собственной дочерью Элис Рослин/Розалинд (пользуясь возможностью, выправляю даты ее жизни: 5.06.1913–30.12.2003, см. Ancestry.com), как и на семейные архивы внучки антрополога Лесли Инглиш и Эллен Дэйвис — внучки другого его брата Эммануила Гольденвейзера (1884–1953), крупного экономиста, дослужившегося до начальника отдела в Федеральной резервной системе США.

Важное уточнение — Александр Соломонович (1855–1915) и Софья Григорьевна (ум. 1926, в девичестве Мунштейн), просвещенные родители «Шуры», как и он сам, принадлежали к состоятельному слою, которому высокая западноевропейская и русская культуры казались ценнее идиша и обременительных еврейских традиций (*Kan* 2023: 11). Эта тонкость, если разрабатывать ее вглубь, помогла бы точнее привязать объект исследования к тогдашней нью-йоркской топографии и определенно бы прояснила, почему ему уютнее было в компании не соотечественников, а переженившихся ассимилированных семей из *Deutsche Sprachraum* — Боас был женат на немке-католичке, Крёбер — наоборот, на еврейке (первым браком), Лоуи слыл вообще откровенным германофилом. Последний, с которым Гольденвейзер по-настоящему дружил, правда, затем разругался, что называется, по собственной дурости, как-то бросил такую фразу: «То, что он, Радин, Крёбер и я чувствуем близость, <…> означает, что, несмотря на все различия <…> нам не нужно искать общий язык в компании друг дружки, как если бы мы столкнулись с ботокудами или андаманцами или полуграмотными молодыми антропологами» (Ibid.: 18).

Эти последние исторически ассоциировались с респектабельными кварталами Малой Германии, а затем подтянулись к манхэттенским улицам, с 50-й по 90-ю. Идишеговорящие же выходцы из Российской империи, как правило, беднота, осели в Нижнем Ист-Сайде. Из них тоже выйдут яркие представители так называемой исторической школы (школы Боаса), такие как Мелвилл Херсковиц, Бернард Мишкин, Рут Ландес и Джин Уэлтфиш, но в следующем поколении их семьям надо было преодолеть еще многие невидимые барьеры.

Границы «соседств» диктовали личные конфигурации и политические предпочтения обеих групп. Мы знаем, что в Киеве семья Гольденвейзеров проживала на Рейтарской, «профессорской улице», всего-то через десяток домов от М.А. Булгакова. Дочь же Гольденвейзера жила и умерла в Джамейке (боро Куинс), вдали от тихих кафе, пентхаусов с решетчатыми лифтами и швейцарами, а также антикварных лавок Парк-авеню. Где же начинался и заканчивался Нью-Йорк самого «Голди»? Средний класс или чуть выше в Екатеринославе, Киеве и в «Большом Яблоке» — не одно и то же. И это об-

стоятельство могло стать далеко не последней причиной фиаско, постигшего в конце концов Гольденвейзера в его продвижении по социальной лестнице. Во всех отношениях вырисовывающиеся здесь «габитусы» объясняют больше, чем просто экскурсы в историю, политику и экономику, которых в книге предостаточно, но порой они бьют мимо цели.

Перебравшись же в Нью-Йорк (1901), после неудачной попытки закрепиться в Бостоне, «Голди» начинал эталонным иммигрантом, и окружающие знали, «…что у него были трудности с такими современными технологическими устройствами, как пишущая машинка и автомобиль» (Ibid.: 12; cf. *Dobbin* 1986: 5). Это почти буквально повторяет характеристику приехавшего из Лодзи Радина, который боялся всего, включая полицию, так и не научился печатать на машинке и водить машину и терялся, в какую сторону крутить газовый или водопроводный краны (*Diamond* 1981: 74). Какое-то время Гольденвейзер, добившийся американского гражданства только в 1936 г., пытался даже вести жизнь на две страны, вернувшись в Россию (1907) для прохождения военной службы в привычном для еврея качестве вольноопределяющегося (*Kan* 2023: 15, 146). Уже гораздо позже, в Сан-Франциско, Лоуи наблюдал его в русском ресторане, «заговаривавшего по-русски со всеми официантками, с восторгом поедавшего пылающий бефстроганов и подпевавшего народным наигрышам и балалайке» (Ibid.: 154).

В целом для Кана его герой — типичный представитель «интеллигенции» в интернациональном смысле изначально русского явления. Как однажды написал о Гольденвейзере лауреат Пулицеровской и Нобелевской премий Сол Беллоу, недолгий студент антрополога по Висконсинскому университету в Мэдисоне, это был

> …[и]деальный космополит, идеальный интеллект. Он знает Пикассо так же хорошо, как религию цимшиан, Моцарта, как Бастиана, томизм, как Полинезию. Вам следовало бы увидеть книги, которые стоят на его полках. Рядом с Крёбером стоят Сидни Хук и Ленин и, конечно, множество брошюр Троцкого. Он может открыть семинар и час обсуждать антропологические размышления Элизе Реклю, анархистского географа, большого друга Кропоткина. Он — пианист-виртуоз, эстет, большевик, глубоко культурный человек (*Kan* 2023: 150; cit.: *Taylor* 2010: 9).

Кстати, в этой, как и в некоторых предыдущих работах автора (см., к примеру, *Кан* 2021), чувствуется, что в оценке общественно-политических взглядов боасовцев (но не Гольденвейзера), в общем-то (лево-)либеральных, едва ли социалистических и тем более не просоветских, он определенно поддался ревизии, начатой такими историками, как Питер Кузник (русскому читателю известен как соавтор, вместе с Оливером Стоуном, встреченной на ура «Нерассказанной истории США»).

Вообще же всякого рода партийным различиям и нюансам в книге, как сказано, отведено значительное место. Например, глава 4 о завершающем в жизни «Голди» орегонском десятилетии, уже после личной катастрофы, окончательно вынудившей его покинуть Нью-Йорк, начинается пятистраничной вставкой о 1930-х годах в целом, и только лишь для того, чтобы сделать

вполне очевидный вывод о том, что «…не вступая ни в одну политическую партию или движение, он продолжал критиковать крайности американского капитализма, отвергая марксизм и коммунизм и выявляя сходства между фашистской и сталинской диктатурами» (*Kan* 2023: 144–145).

Но и углубленный анализ тогдашней экономики и политики не уберег Кана пусть от незначительных, но все же перехлестов как в одну, так и в другую сторону. Упоминая о левоориентированных (*left-leaning*) и либеральных журналах, в которых Гольденвейзер и особенно Лоуи предпочитали публиковаться, он перечисляет: «*The New Republic*», «*Liberal Review*», «*The Freeman*», «*The Dial*» и «*New Masses*» (Ibid.: 17). Но выраженно либертарианский «*The Freeman*», как и «*The Dial*» Эзры Паунда, Т.С. Элиота и иже с ними, вряд ли назовешь сочувствующим левым, а, напротив, марксистский «*New Masses*» — журнал, тесно связанный с компартией США, точно не либеральный. Правда, на другой странице истина торжествует, и «*New Masses*» объявляется уже «главным радикальным голосом» (Ibid.: 82).

При этом, настаивает автор книги, Гольденвейзер, безусловно, был настроен антисоветски. Удивляет лишь то, что на данное обстоятельство не отреагировала привычным образом советская историография: Ю.П. Аверкиева не пишет ничего язвительного о русском эмигрантском ученом, просто используя его полевые данные, в частности описания Лиги ирокезов (см.: *Аверкиева* 1974: 233–234, 236–237); а С.А. Токарев даже благосклонно признает, что общая боасианская позиция американского коллеги «не мешала ему делать интересные и содержательные обобщения в изучении явлений культуры» (*Токарев* 1978: 265). Не исключено, что «Шуру» просто спасло, что он так никогда и не написал книгу «The Present Situation in Russia and Its Economic and Social Background», о чем грозился еще в 1918 г. (*Kan* 2023: 72). Кроме того, добрую память определенно должно было оставить его посредничество в российско-американских научных контактах. Он сыграл примерно ту же роль, которую после его смерти выполнял Роман Якобсон (про антикоммунизм и доносительство последнего в годы маккартизма тоже не ведали в Москве). Так в годы Джесуповской экспедиции Гольденвейзер переводил на английский В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона (Ibid.: 16; или только Иохельсона, поскольку Богораз все-таки писал по-английски?), а затем приступил к переводу «Гиляков» Л.Я. Штернберга (Ibid.: 72) — работе, которую потом продолжила Аверкиева, а завершил через много лет Брюс Грант (*Grant* 1999).

***

Редакторы серии Регна Дарнелл и Роберт Оппенхейм объясняют пионерский характер книги Кана языковыми трудностями, способными отпугнуть его потенциальных предшественников. Ведь Гольденвейзер оставался «русским интеллектуалом на протяжении всей своей жизни», что потребовало бы от всякого, кто возьмется за тему, владения соответствующим языком для чтения необходимых источников. Другой причиной явного невнимания к этой замечательной фигуре мог послужить сигнал, вольно или невольно поданный самим Боасом, фактически поставившим крест на своем ученике, растратившем из-за недисциплинированности огромный потенциал. Масла в огонь подлила и Маргарет Мид, уличавшая «Голди» в склонности к теоретизированию в ущерб полевой работе (*Kan* 2023: xi), основательностью и тщательностью которой так гордились боасовцы. Как раз опровержение этих оценок составляет второй важный интерес Кана.

Иронично, что в итоге у читателя все-таки складывается впечатление, что в словах Боаса и Мид имеются зерна истины. Действительно, весь полевой опыт «Голди» (см. главу 2 «Early Scholarship, the Iroquois Fieldwork, and Columbia») сводится к коротким сезонам (7 месяцев в 1911–1912 гг. и 2,5 месяца в 1913 г.) работы в составе Канадской геологической разведки под руководством Сэпира (Кан пользовался неизданными полевыми дневниками Гольденвейзера в редакции Уильяма Фентона: *Fenton* n. d.). Объектом изучения для «Голди» стали ирокезы из резерва Шести наций близ Брантфорда (пров. Онтарио). А основным информантом ему служил вождь сенека и лидер традиционалистов Артур Джон Гибсон (Сканйадаи'ийо).

Правда, характеризуя в ходе изложения властные институции ирокезов, Кан допускает неточность: «…[в] отличие от своего американского двойника, канадская Лига контролировала лишь один резерв — факт, который привел к ее уникальной адаптации в качестве муниципального управления» (*Kan* 2023: 27).

В действительности, после разгрома в ходе кампании генерала Дж. Салливана (1779) Лига ирокезов сохранялась как политическое целое не на исторических землях в штате Нью-Йорк, а только в упомянутом канадском резерве на р. Гранд-ривер, среди потомков переселившихся туда роялистов Джозефа Бранта (Тайенданегеа).

Выясняется, что Гольденвейзер вынашивал планы написать большую книгу об ирокезах, продолжить свои полевые исследования в других местах, даже на Северо-Западном побережье, но опять-таки ничего не реализовалось. Ученый тянул с отчетами, потом разразился скандал — он связался с ирокезкой из влиятельной христианизированной семьи, ездил с ней в Торонто, водил ее в оперу, что шокировало элиту резервации, состоявшую из англикан и баптистов строгих моральных устоев. Последние пожаловались в городской совет и суперинтенданту, а тот — в Оттаву, где Управление по делам индейцев потребовало от Национального музея отозвать своего полевого исследователя, что и сделал Сэпир (Ibid.: 42–43).

Не стоит упускать из виду, что ирокезские данные «Голди» обладают стратегическим значением, поскольку и теперь еще неотделимы от ранних эволюционистских теорий, так воодушевивших классиков марксизма и отечественную науку. Уже его докторская работа была посвящена проблеме тотемизма, и заманчиво проследить, повлияло ли погружение антрополога в полевые исследования, пусть даже не слишком продолжительные, на переоценку теории, сформулированной до этого в кабинетных условиях. Кан утверждает, что «…полевые исследования заставили его переосмыслить свою модель тотемизма, развитую в диссертации и серии статей, опубликованных в 1910-х годах, и заключить, что ирокезская система не соответствует паттерну тотемизма, который он установил на основе библиотечного изучения» (Ibid.: 41).

Новая концепция тотемизма, или, как определяет ее Уоррен Шапиро, «боасовская деконструкция викторианских теорий тотемизма», последовательно проведенная на обширном материале, — возможно, самый яркий научный вклад российско-американского антрополога (Ibid.: 41; cit.: *Shapiro* 1991: 601). Если принимать собственное определение Гольденвейзера, то в «тотемиче-

ском комплексе» не следует видеть ничего более, чем просто «тенденцию определенных социальных единиц ассоциироваться с объектами и символами, имеющими эмоциональную ценность» (*Goldenweiser* 1910: 275). И уж точно феномен напрямую не связан ни с экзогамией, ни с (материнской) клановой системой, поскольку «клановая экзогамия, которая часто встречается в сочетании с тотемами, табу и др., отнюдь не всегда, однако, ассоциирована подобным образом» (Ibid.: 231).

В диссертации рассматриваются примеры преимущественно Северо-Западного побережья и австралийский, но об ирокезах в ней тоже говорится в пяти местах, а именно: отмечается, что конкретно для этих племен чуждо вести происхождение от животных-эпонимов (Ibid.: 253); что тотем для них не является ничем кроме имени, и никаких ограничений не накладывается на людей-представителей эпонима (Ibid.: 256); что тотем у ирокезов — это всего лишь название группы людей, которые признают себя более или менее смутно связанными между собой (Ibid.: 260); что религиозный элемент в ирокезском «тотемизме» сведен к нулю, и опять-таки тотем здесь — ничего более, чем знак (*badge*) или имя (Ibid.: 269); и, наконец, что ирокезы никакого эмоционального значения не придают тотему (Ibid.: 274, note 1). Итак, соответствует ли «ирокезская система» «паттерну тотемизма»? Безусловно, нет. Но добавили ли что-либо к этой максиме полевые данные? Скорее тоже нет, чем да. Для пущей убедительности обратимся к цитате из итоговой части отчета Гольденвейзера о проведенных им в Канаде полевых исследованиях:

> Перейдем к более фундаментальному вопросу. Составляла ли социальная система ирокезов тотемический комплекс? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Процессы специфической социализации «тотемических» черт в рамках социальных единиц (кланов — *И. К.*) — процессы, характерные для тотемических комплексов, — не наблюдаются среди этих ирокезских племен; и, судя по имеющимся свидетельствам, не наблюдались они и в прошлом. Даже если данные о резьбе с клановыми животными и об охотничьих обычаях будут признаны релевантными, можно лишь сказать, что зарождающиеся тотемические ассоциации кое-где появлялись среди ирокезов; не занимая никогда, однако, центрального положения, не формируя ядра, вокруг которого могли бы образовывать кластеры дальнейшие тотемические процессы, или иначе, не составляя важного фактора в социальной системе ирокезов (*Goldenweiser* 1914: 372).

В поле «Голди» не нашел ничего такого, что способно было поколебать его прежнее видение, наоборот, собранные данные послужили прекрасным подтверждением его первоначальных идей. Но Кан однозначно прав в другом своем наблюдении. Двадцать лет, как почил в бозе «первооткрыватель» тотемизма Дж.Ф. Мак-Леннан. И ревизия, проведенная 30-летним антропологом из Нью-Йорка, заинтересовала маститых ученых — британских, а затем и континентальных: в 1911 г. Гольденвейзер выступил с соответствующим докладом на заседании секции антропологии (председательствовал У.Х. Р. Риверс) Британской ассоциации содействия развитию науки (*British Association for the Advancement of Science — BAAS*); завязалась весьма дружелюбная переписка с Эндрю Лэнгом; благоприятный отзыв о работе заокеанского коллеги написал Э. Дюркгейм; а в 1914–1916 гг. дискуссию о тотемизме продолжил журнал

«*Anthropos*», пригласив поучаствовать в нем «Голди». Одновременно взгляд последнего действительно превратился в (обще)боасовский, поскольку глава исторической школы, опираясь на работу своего ученика, также подтвердил, что единство тотемизма «является субъективным, а не объективным» (*Boas* 1916: 321).

Удивительно другое, и об этом автор рецензируемой книги тоже пишет: исследование Гольденвейзера проигнорировал А.Р. Рэдклифф-Браун, как и другие подключившийся к дискуссии в венском журнале. Он был близок боасовцам своими рассуждениями, настаивая, с одной стороны, что под тотемизмом надо понимать «особую религиозную связь между определенной социальной группой и одним или несколькими религиозными объектами», а с другой — что термин лишь отчасти покрывает все случаи религиозных ассоциаций общества с миром фауны и флоры. Кроме того, он ставил под сомнение обязательную корреляцию тотемизма и клановой организации (*Radcliffe Brown* 1914: 629–630). Однако имя Гольденвейзера не упомянуто не только в этой, но даже в более поздней работе Рэдклифф-Брауна о тотемизме в Австралии (*Radcliffe Brown* 1931).

Но не могу согласиться с Каном, когда он укоряет в «недооценке основополагающего вклада Гольденвейзера в изучение тотемизма» еще и К. Леви-Стросса (*Kan* 2023: 24), с которым многие связывают сейчас чуть ли не «окончательное» решение проблемы. Как раз последний в своем обзоре «Тотемизм сегодня» несколько раз ссылается на работы «Голди», но, главное, с готовностью признает, что именно с них начало «осуществляться дело дезинтеграции, ныне победившее», и что теоретическое влияние 110-страничной диссертации Гольденвейзера оказалось куда значимее четырех томов Дж. Фрэзера (*Леви-Строс* 1994: 40).

Но вот кто точно практически не откликнулся на деконструкцию тотемизма, так это соотечественники «Шуры» — советские этнографы. Токарев, например, лишь констатировал не без удивления: «Немало шума наделала уже его ранняя теоретическая работа о тотемизме, где он доказывал ни больше ни меньше, что единой проблемы тотемизма не существует, ибо под эту общую категорию подведены фактически совсем разные явления (*Токарев* 1978: 263)».

Аверкиева, сама никогда не работавшая среди ирокезов, просто отмела мнение Гольденвейзера: дескать, из-за пагубного воздействия на ирокезов «почти 400-летней истории их аккультурации, колонизации и жизни в резервациях в окружении капиталистического общества», он и не мог обнаружить представлений о родстве с эпонимными животными и т. д. — того, что якобы застал еще Л.Г. Морган (*Аверкиева* 1974: 197).

Точно также на нее не произвело впечатления другое открытие Гольденвейзера, осуществленное на этот раз непосредственно в поле. Продолжая настаивать на универсальном характере материнско-родовой организации, Юлия Павловна пробовала изобразить овачиру — матрилинейный линидж у ирокезов, о существовании которого Морган, по-видимому, вообще ничего не знал, как кровнородственную локализованную группу или домашнюю общину, подчиненную роду (Там же: 198–199). Хотя ее визави указывал на само-

стоятельную роль линиджей (*maternal family* в терминологии Гольденвейзера), в частности, в наследовании «сахемств». А его самые компетентные информанты могли вообще смешивать линиджи с кланами, притом, что линидж не был тождествен ни клану, ни т. н. длинному дому (*longhouse*), насколько можно проследить в истории (*Goldenweiser* 1914: 368–370).

Поразительно, но, скорее всего, именно тотемизм явился яблоком раздора также и во взаимоотношениях «Голди» с Лоуи. Наш автор посвятил этому сюжету специальное расследование (*Kan* 2015), в книге же ограничился чем-то вроде summary. Итак, начиная с 1911 г., закадычные приятели-антропологи вели внешне вполне академическую полемику вокруг проблемы тотемизма. Причем со временем их позиции становились лишь непримиримее: взамен опровергнутых аргументов выдвигались другие, и так — чуть ли не до гробовой доски. Например, в статье «Форма и содержание в тотемизме» Гольденвейзер вдруг признал, что между экзогамно-клановым устройством (формой) и «тотемным комплексом» (содержанием) все-таки должно существовать органическое соответствие — одно, скорее всего, порождает другое (*Goldenweiser* 1918: 295). И Лоуи почти тут же обрушился с критикой этого вывода, «противоречащего некоторым из наиболее ценных результатов ранних исследований доктора Гольденвейзера» (*Lowie* 1920: 144). Ясно, что противостояние генерировалось чем-то за пределами чистой науки.

Похоже, что Кану удалось обнаружить истоки этой странной ситуации. Разбирая бумаги Лоуи, он обратил внимание на неопубликованную рукопись из Библиотеки Банкрофта, содержащую пространный ответ на вышедшую посмертно работу «Голди» «Недавние тренды в американской антропологии» (*Goldenweiser* 1941), в которой тот давал в общем-то негативную оценку деятельности бывшего друга. По Лоуи (мнение его оппонента доподлинно мы так и не узнаем), конфликт коренился в двух эпизодах. Первый связан с тем, как Роберт откликнулся на упомянутую диссертацию. Несмотря на то что его рецензия (*Lowie* 1911) вышла больше хвалебной, чем критической, все равно, как потом кто-то пересказывал, «Голди» кольнуло уже само название «Новая концепция тотемизма», будто бы свидетельствовавшее, что Лоуи пробует примазаться к его славе. Обстоятельства второго эпизода разберем в деталях, для чего воспользуемся рассказом «обидчика», который Кан воспроизводит в своей более полной публикации о сложном клубке противоречий — Гольденвейзер vs. Лоуи:

> Когда в 1904 г. я поступил в Колумбийский университет в возрасте 21 года, я впервые встретил Гольденвейзера, 3,5 годами старше, и уже год как докторанта в антропологии. Интеллектуально и эмоционально он был неизмеримо более зрелым; я попал под влияние его шарма; и примерно до начала 1914 г. нас объединяло то, что я вообразил как идеальную дружбу. Затем открылось, что за моей спиной он обвинял меня в плагиате. Департамент антропологии музея организовал какие-то популярные лекции, и, хотя я не чувствовал особой компетентности в поле социальной организации и не выказывал особого интереса к этому предмету, я выбрал себе в качестве темы принятую американскую позицию о Моргане как об эволюционисте. Понятия не имел, что буду опубликован, но рукопись сейчас же была предложена социологическому, не антропологическому журналу. Гольден-

> вейзер прочитал одну из лекций (papers) у меня в кабинете и выразил свое полное одобрение. Тем не менее, теперь он обвинял меня в том, что я вторгся в его владения и украл его гром (победы — *И. К.*) (*Kan* 2015, appendix: 16–17).

У Кана в обеих библиографиях — и в этой публикации, и в книге, отсутствуют упоминания о злополучной работе Лоуи. В книге даже сказано, что речь идет о «статье Лоуи 1915 г.», хотя только что процитированный документ указывает на другую дату — «начало 1914 г.». Установить истину весьма просто. По всему видно, что имеется ввиду «Социальная организация» Лоуи, напечатанная в 1914 г. в *«The American Journal of Sociology»*. Ссылка в самом начале уточняет, что перед читателем — текст двух из четырех лекций, прочитанных в январе 1914 г. в отделе антропологии Американского музея естественной истории (*Lowie* 1914: 68).

Немного об этой статье. Как и другие работы видного боасовца, она недостойна забвения и по-прежнему остается образцом антропологической критики однолинейного эволюционизма середины XIX в. Лоуи предупреждал с присущей ему иронией, звучащей вполне современно:

> [Н]ам надо остерегаться «ложных» законов, которые суть результат не синтеза фактов, а искусственного упрощения путем отбора тех фактов, которые соответствуют фантазиям исследователя. Было бы большим упрощением многих физических вычислений, если бы тела падали с ускорением 10 м в сек., но, как ни парадоксально, они продолжают падать с ускорением 9,81 (Ibid.: 97).

И вот вердикт в отношении морганвской социологии (читай — и квазимарксистской советской): «[Б]ыло бы чу́дно, если бы все племена сначала прошли через неупорядоченную (*loose*) форму организации, затем через клановую (материнско-родовую — *И. К.*), и, наконец, через родовую (*gentile*, отцовско-родовую — *И.К.*); к сожалению, нет никаких доказательств того, что многие из них так и поступают» (Ibid.: 97).

Автор «Социальной организации», естественно, сослался и не единожды на Гольденвейзера, которому действительно был обязан своими знаниями по ирокезскому вопросу. По собственному признанию, он «не чувствовал особой компетентности в поле социальной организации» и не ожидал, что его почти еще аспирантская работа выльется во что-то серьезное. «Голди» же скорее похож на ученого, которому не чуждо гейткиперство, — увы, как и слишком многим в нашем сословии, — и которого могло обижать не недостаточное число упоминаний его фамилии в тексте, а именно то, что бывший друг «вторгся в его владения». Но Лоуи не понял всей этической тонкости момента или сделал вид, что не понимает.

Тотемическая эпопея, рассмотренная под углом зрения межличностных отношений, служит наглядной иллюстрацией того, что развитие научного знания, если и кумулятивно, то уж точно не линейно. Пресловутый академический характер, поступательность продвижения к истине, индукция, признаваемая единственно легитимной для научных поисков, вероломно нарушают как сами «светлые умы», конкурирующие друг с другом, так и стражи все-

возможных «культов личности» в их окружении. Существует противоречие, по крайней мере в социальных науках: академическое признание в конечном итоге укрепляет авторитет только избранных «звезд», однако конфигурации приписываемых им открытий по степени своей запутанности гомологичны тем моделям, которые они же сами и отстаивали, непременно критикуя упрощенные схемы предшественников.

***

Но тотемизм — не единственная концепция, оказавшаяся в фокусе Кана и нашего внимания. Не меньше места в книге отведено разбору прочих, более поздних работ и взглядов Гольденвейзера: главы 3-я («The New School, Academic and Popular Writing, and a Devastating Divorce») и 4-я («The West Coast Exile») посвящены соответственно периодам его творчества до и после изгнания из Нью-Йорка. Из всех сочинений, опубликованных «Голди» в 1920-е годы, «вероятно, самым важным» (*Kan* 2023: 99) назван доклад «Диффузия и американская школа исторической этнологии», прочитанный в Торонто на антропологической секции BAAS, явно с целью утвердить позиции исторической школы (Ibid.: 99; *Goldenweiser* 1925). Объектами критики в нем последовательно служили постулаты и достижения т. н. школы культурных кругов (*Kulturkreise*) Ф. Грэбнера и У. Риверса и то, что докладчик обозначил, как *reductio ad absurdum* (лат. «доведение до абсурда») — теоретические грезы Г.Э. Смита и У. Дж. Перри.

Нью-йоркский ученый видел преимущества антропологии, которую представлял, в том, что «та критична постольку, поскольку отвергает крайности спекулятивного эволюционизма и диффузионизма»; исторична потому, что прибегает «к историческим реконструкциям только на основе особенных доказательств, а не спекулятивных вероятностей или правдоподобий» и психологична из-за того, что «постоянно следит за процессами взаимопроникновения культурных особенностей и рассматривает диффузию не как механический перенос, но как процесс в сущности психологический» (*Goldenweiser* 1925: 38; *Kan* 2023: 101–102).

Отметим, что критика Грэбнера в докладе практически не выходила из русла, проложенного Боасом, начиная с рецензии последнего на грэбнеровскую «Methode der Ethnologie», на что и указывала одна из ссылок.

Так еще наставник Гольденвейзера критиковал диффузионистов прежде всего за их уверенность в «абсолютной идентичности психологических условий» человечества, что означало, как он считал, недооценку ими ментального и, наоборот, преувеличение роли природного (*Boas* 1911; 1940: 297). Сам же «Голди» в более ранней статье, вышедшей вслед за боасовской рецензией (*Goldenweiser* 1913), разъяснял, что при встрече одной культуры с другой автоматического заимствования идей и практик не происходит, а все зависит от восприимчивости общества и в конечном итоге от ряда психологических и социальных факторов (*Kan* 2023: 64–65).

Другой важной работой периода Кан считает «Раннюю цивилизацию» (*Goldenweiser* 1922) — фактически первый в США учебник антропологии, родившийся из курса лекций, прочитанных Гольденвейзером в нью-йоркской

Новой школе социальных исследований (New School for Social Research). Книгу хорошо приняли, и наш историограф приводит целый список позитивных рецензий (см.: *Barnes* 1922; *Goddard* 1923; *Parsons* 1923). Добавим, обратили на нее взоры и в России, но с большим опозданием (*Токарев* 1978: 263–265; также: *Клейн* 2014: 331–332). В тексте пособия так определялись основополагающие для всякой цивилизации факторы:

> …креативность индивида, которая ответственна за возникновение культурных форм; психологическая и социологическая инерция, которая определяет институционализм и культурную стабильность; и исторические взаимоотношения между человеческими группами, которые стимулируют изменения и определяют распространение и обмен идеями и товарами (*Goldenweiser* 1922: 300–301; *Kan* 2023: 102–103).

При этом «Голди» особо подчеркивал, что все эти факторы имеют отношение к психологии, социологии, истории, но меньше всего к физической (географической) среде.

Более всего всем запомнилась первая часть «Ранней цивилизации», содержащая пять примеров различных культур: эскимосов («случай приспособления к среде», *Goldenweiser* 1922: 34–52); тлинкитов и хайда Северо-Западного побережья (Ibid.: 53–69); «ирокезского матриархата» (Ibid.: 70–82); баганда (Уганда, «государство в Африке», Ibid.: 83–99) и «сообщества, зацикленного на магии» в Центральной Австралии (аранта, диери и др., Ibid.: 100–114). Их сравнение позволило автору сделать несколько важных выводов. С одной стороны, в каждой присутствуют все аспекты, характеризующие человеческую цивилизацию в целом, включая нашу собственную (религия, искусство, социальная и политическая организация и др.), что явно свидетельствует о единстве человечества, проявляющемся не только в психологии, но и в прочих аспектах. С другой — у каждой такой культуры (цивилизации) свой фокус. Последнее стало возможным благодаря относительной изолированности ранних цивилизаций в сравнении с современными. Однако нельзя ставить знак равенства между их локальной спецификой и знакомой нам хозяйственной специализацией. Все пять по-прежнему представляют собой «народные цивилизации» (*folk civilizations*), в которых индивид не настолько свободен от общественного мнения, норм и обычаев группы, чтобы выступать в качестве заметной единицы цивилизационного процесса. И культурные особенности любой из них гораздо равномернее распределены среди отдельных членов группы, чем это бывает в современном обществе (Ibid.: 117–118).

Главное же в том, что сравнение эскимосов, тлинкитов и других показывает тщетность эволюционного подхода (теории ступеней). В самом деле, у первых экономические и производственные аспекты цивилизации достаточно развиты и идеально подогнаны под требования среды, демонстрируя некий предел возможного развития. Но при этом их социальная жизнь чрезвычайно проста. Тлинкиты и хайда — явно лучшие в развитии декоративного искусства, но баганда, недотягивающие техническим и художественным исполнением своих промышленных изделий, тем не менее наиболее продвинуты в политическом устройстве. Хотя ирокезы также достигли развитой формы политической интеграции, однако на совершенно иных основаниях — конфе-

деративный тип политической структуры абсолютно чужд Африке. В случае аборигенов Центральной Австралии мы вроде бы сталкиваемся с культурой, находившейся в самом низу шкалы со всех точек зрения, кроме одной — она также обладает сложнейшей социальной организацией (Ibid.: 125–127).

Разумеется, плотность населения в Африке коррелирует с определенным этапом экономического развития, для которого характерно появление рынков и дорог, а последние напрямую связаны с развитием территориальности и государства (ср. роль дорожного строительства в истории Рима). На Северо-Западном побережье искусства не смогли бы достичь настолько высокого уровня сложности и совершенства без достаточно продвинутой техники обработки дерева: «Но помимо таких очень общих, довольно очевидных и не очень впечатляющих корреляций, — заключал Гольденвейзер, — отдельные элементы цивилизации, кажется, в каждом случае движутся вперед под влиянием различных факторов и демонстрируют самые разные черты развития и прогресса» (Ibid.: 128).

В учебнике «Голди» нашлось место и для критики взглядов предшественников: Г. Спенсера, Дж. Фрэзера, В. Вундта, Л. Леви-Брюля и З. Фрейда. Обо всех них он уже писал, кроме Фрейда. Последний, при всем нескрываемом интересе Гольденвейзера к его учению, все-таки претил ему своей интерпретацией тотемизма и табуистических практик, а в особенности — фундаментальной аналогией между психологией современного невротика и первобытного человека. Ведь «предположение о психической преемственности между поколениями суть лишь заманчивая фантазия, и готовность принять ее за истину перед лицом противоречивых исторических и биологических свидетельств вполне может рассматриваться как курьезный пример того всемогущества мысли, которое Фрейд считает характерным для психической жизни примитивного человека и невротика» (*Goldenweiser* 1922: 398; *Kan* 2023: 103).

В целом в кановском исследовании приведена афористически точная интерпретация содержания этой книги: «В работе обсуждается „ранняя цивилизация“ (т.е. незападная культура) с точки зрения боасовской антропологии» (*Kan* 2023: 102). Однако в одном случае в рассуждениях Гольденвейзера о том, насколько очевидна неразрывность каждой из «тестовых» культур с более широкой географической территорией (континентом), Кан склонен видеть еще и «некоторое влияние концепции культурного ареала (*culture area*) Боаса» (Ibid.: 102), чем, на наш взгляд, только запутывает читателя. Дело в том, что приписывание Боасу авторства этой концепции представляет собой расхожее заблуждение, особенно характерное для отечественной науки (ср.: *Токарев* 1959: 53, *Андрианов, Чебоксаров* 1972: 5). Отчасти оно связано также с ошибочной трактовкой боасовской антропологии как разновидности диффузионизма (см. *Аверкиева* 1932: 99, *Николаев* 2004: 951 и др.), несмотря на неоднократную критику указанного направления, высказанную главой исторической школы, о чем упоминалось выше.

Начнем с мнения самого Гольденвейзера на этот счет. В «Ранней цивилизации» о культурных ареалах сказано немного, лишь то, что существует тенденция объединять артефакты, способы их изготовления или использования в определенные «ограниченные области» (*limited areas*); и что наиболее четко «так называемые культурные ареалы (*culture areas*)» изучены в Северной

Америке; причем дается ссылка на работу Кларка Уисслера — антрополога не совсем боасовского круга, с именем которого действительно более всего ассоциируется концепция (*Goldenweiser* 1922: 136, note 1). В другом месте автор учебника совершенно справедливо предлагает различать *Kulturkreise* Грэбнера и культурные ареалы американских антропологов: «[В] то время как последние представляют собой концептуализированные описания культурных комплексов, составляющих действительные географические и исторические единицы, *Kulturkreise* Грэбнера суть чисто гипотетические реконструкции, выведенные из географического распределения отдельных элементов культуры» (Ibid.: 312, note 1).

Гораздо больше о культурных ареалах говорится в докладе о диффузионизме и американской школе, уже рассмотренном выше. В нем «Голди» начинает как раз с истории концепции, которая, по его мнению, «не нова и не американского происхождения» (*Goldenweiser* 1925: 34). Будто бы «географические провинции» А. Бастиана, внутри которых «элементарные идеи» (*Elementargedanken*) человечества под влиянием окружающей среды и исторических условий трансформировались в «представления народов» (*Völkergedanken*), — это уже что-то близкое. Позднее Боас в бытность музейным куратором антропологии действительно применил подобный подход с чисто прагматической целью — для систематизации музейных коллекций: «Образцы, казалось, сами ранжировались по группам, которые соответствовали географическим ареалам. Уже в начале новый принцип классификации быстро продвинулся вперед. Другие подхватили его» (Ibid.: 34–35).

И на этот раз перечисление упиралось в классическую работу Уисслера «American Indian» (Ibid.: 35). Возвращаясь к Боасу, вспомним, что его антидиффузионистские настроения с возрастом лишь усиливались. Конкретно же против концепции «культура-ареал», предполагавшей, что диффузия протекает единообразно внутри всего культурного ареала от центра к периферии, и особенно против другой, производной от нее, «возраст-ареал» (*age area*) — мол, признаки, распространившиеся дальше, всегда еще и древнее, — лидер исторической школы выскажет свое скептическое отношение уже после выхода анализируемых работ Гольденвейзера. Это будет ответом на новые публикации Уисслера и Крёбера, которые являлись и остаются основными теоретиками и приверженцами столь дискуссионного подхода (см.: *Boas* 1924: 340–344, *Boas* 1927: 6*; Stocking* 1992: 135–136).

Можно было бы еще добавить, что гольденвейзеровское исследование пяти упомянутых культур не только наилучшим образом воплощает культурный релятивизм Боаса, но и сильно напоминает своим дизайном «Patterns of Culture» Рут Бенедикт (*Benedict* 1935), с отдельными очерками, посвященными зуньи, добуанцам и квакиутль (*совр.* кваквакьавакв, *Kwakwaka'wakw*). Вряд ли здесь случайное совпадение. Бестселлер Бенедикт выйдет 13 годами позже «Ранней цивилизации». «Голди» уже станет кем-то вроде persona non grata для нью-йоркской тусовки, и авторка вправе будет не выражать непременные «признательности» вдохновителю каркаса идей, который она использовала. Хотя из исследования Кана понятно, что в ряду студентов Гольденвейзера по Нью-Скул — Александра Лессера, Лесли Уайта, Мелвилла Джэкобса, Эйба Кардинера, Мелвилла Херсковица, Джейн Уэлтфиш, Рут Ландес и других — будущая зачинательница направления «культура и личность» занимала

особое место. Более того, выходит, что сама идея модели (*pattern*) культуры открылась ей благодаря размышлениям «Голди» над тотемизмом (*Kan* 2023: 92–94).

Продолжим, однако, недосказанное. Явный психологический крен антропологии Гольденвейзера все же еще существенно отличается от психологизма Бенедикт. В его учебнике есть вывод, ставящий надежный заслон поискам «базисной структуры личности», ницшеанских аполлонических и дионисийских типов, попыткам объяснять стремление к престижу у квакваквакьавакв их мегаломанией и проч.: «Особенности цивилизации, которые делают ее примитивной, не могут быть выведены из каких-либо психологических черт раннего человека как индивида» (*Goldenweiser* 1922: 123).

Не менее красноречива в этом смысле и идея «народной цивилизации» (см. выше): культуры эскимосов, хайда, ирокезов, баганда или аранта нельзя принимать за непосредственное отражение психологии их носителей. Поскольку все эти цивилизации представляют собой старые формации, то и культурные элементы, проявляющиеся в жизни каждого из поколений, происходят из прошлого, составляя часть совокупного традиционного фона (Ibid.: 115–116).

Последнее десятилетие отнюдь не стало триумфальным или прорывным для Гольденвейзера как ученого. Тем не менее продолжали выходить его работы, среди которых не только статьи, но и три книги, а также тематический сборник из ранее опубликованного. Более других заслуживающими внимания Кан признает две, и первая — «Loose Ends of Theory on the Individual, Pattern, and Involution in Primitive Society», вошедшая в *festschrift*, чествующий Крёбера. Безусловно, статью, скорее статейку (всего-то пятистраничную), надо рассматривать как попытку встроиться в набирающую силу дискуссию о культуре и личности. В ней «Голди» признавал существование в первобытных сообществах полноценной индивидуальности, которая, несмотря на доминирование культурных паттернов, все же обладает значительным пространством для самовыражения — в частности, в религиозной жизни и художественном творчестве: «Что может быть содержанием такого опыта, полностью ли он конвенционален, или поистине оригинален, или же частично и то, и другое, является всецело отличной проблемой. Чем бы ни было содержание, оно его собственное и считается таковым… Отдельно от общества человек, не будучи роботом, живет как индивид» (*Goldenweiser* 1936: 99–101; *Kan* 2023: 157–158).

«Роботам» посвящена «по-настоящему самая оригинальная» книга Гольденвейзера, точнее брошюра, даже без библиографического аппарата — «Robots or Gods: An Essay on Craft and Mind» (*Goldenweiser* 1931). По собственному признанию ее автора, это был «личный вклад», но все же с идеями, навеянными чтением фантаста Дж.Б. Кейбелла и философов Дж. Дьюи и Дж. Сантаяны (Ibid.: ii). Если придерживаться текста, то за мышлением ремесленника стоит практическое, инструментальное поведение, в отличие от интуитивного мышления, не в такой степени дисциплинированного опытом. Указанную дихотомию «Голди» пытался проследить в самых различных областях: мастерство и колдовство, ремесло и ученость и т.д. Но наиболее интересные мысли содержит глава, продолжающая это различение в языке, где отчетливо противопоставляются грамматика и лексика:

> Слова появляются у края концептуальных и эмоциональных обертонов. Информирующие и обманывающие, богатые, игривые, капризные и раздражающие, они танцуют в вечном маскараде не слишком верными слугами человеческого безумия, резко контрастируя с грамматикой, которая, будучи удалена и от проблеска, и от смятения сознания, пунктуально выполняет свои унылые повседневные труды как инструмент коммуникации (Ibid. 107; *Kan* 2023: 160).

Грамматика — лишь инструмент, она безлична, ее категории просто рациональны; с помощью слова же человек выражает себя. Кан, опираясь на мнение одного из своих консультантов, Роберта Брайтмэна, известного исследованиями скальных кри (Rocky Cree) и феномена виндиго, осторожно дает понять, что подобное наблюдение способно было даже предвосхитить некоторые более поздние лингвистические идеи, скажем, о речевых нарушениях, иронии и т.д. (*Kan* 2023: 160–161).

Это не первая попытка из нашего времени разглядеть в той лингвистике что-то трансцедентально ценное. Например, известно, что Боас во вводной части своего прославленного «Handbook of American Indian Languages» настаивал на взаимообусловленности фонетики и внутренней структуры языка (*Boas* 1911), что, конечно же, перекликается с хомскианством, вернувшимся к рассмотрению фонологии под углом зрения грамматики только на следующем витке истории лингвистической науки. С другой стороны, боасовская лингвистика как будто бы не принимала открытие фонемы, которое, как теперь видно, уводило поиски совершенно в другом направлении (*Postal* 1966: 756). Приходится согласиться с Дж. Стокингом, считавшим, что именно самообразование Боаса освобождало его от предрассудков тогдашней лингвистики (*Stocking* 1974: 58–59). Несомненно, это же относится и к его ученикам, исключая, конечно, Сэпира.

Но Гольденвейзер выступил этаким провидцем не только в вышеназванной работе. В том же ключе можно рассматривать и его обзор антропологических теорий происхождения политики, снова содержащий критику сложившегося взгляда на социальную эволюцию. Так, по его мнению, государство представляет собой совершенно особое явление — результат совмещения «правовых, религиозных, экономических и других культурных функций» в одном или ограниченном наборе институтов, тогда как политические институты «примитивного общества» разделялись между различными единицами, конституирующими «социальный агрегат» (*social aggregate*), — кланами, религиозными обществами и проч. Поэтому появление современного государства правильнее рассматривать не как эволюционный скачок в развитии социального порядка, а лишь как новый способ организации «конституирующих единиц» общества, вызванный войнами, территориальной экспансией и экономическими изменениями, то есть сугубо историческими обстоятельствами (*Goldenweiser* 1924: 435, 454–455; *Kan* 2023: 104–105). Можно лишь удивляться, насколько эти мысли созвучны рассуждениям таких современных антропологов, как Маршалл Салинз и Дэвид Гребер, ср.:

> Оглядываясь назад, мы вполне можем обнаружить, что «государство» <…> вообще никогда не существовало — либо в лучшем случае возникло в результате случайного сочетания элементов совершенно

> гетерогенной природы (суверенитет, администрация, конкурентное политическое поле и т.д.), которые сошлись вместе в определенных местах в определенное время, но сегодня в значительной степени снова отдаляются друг от друга (*Гребер, Салинз* 2025: 38).

Любопытная коллизия связана с самой последней книгой «Голди» «Anthropology. An Introduction to Primitive Culture» (*Goldenweiser* 1937). К этому времени его переписка с Боасом практически иссякла. Однако накануне, в письме от 8 августа 1936 г., как и прежде жалуясь на жизнь, он все-таки попросил у того разрешения использовать в работе над своим новым учебником антропологии кое-что из боасовских публикаций и иллюстрации из «Primitive Arts» (*Boas* 1927). Дальше он отправил нью-йоркскому мэтру экземпляр только что вышедшей книги, на что Боас ответил словами благодарности, «…а затем сделал своеобразный запрос: интересуясь вопросом о том, увеличивается ли ширина лица индивида с возрастом, он попросил Гольденвейзера измерить свое лицо и прислать ему результаты» (Boas to Goldenweiser, May 24, 1937; *Kan* 2023: 155–156). У верного ученика не было причин отказать «папе Францу» в его просьбе. На этом Кан, оборвав рассуждения, переключается на другую тему.

Но сюжет на самом деле интересный и не без пикантной подробности. Если проследить, как Боас распорядился с полученными обмерами, необходимыми ему для решения проблемы влияния среды на физическое развитие человека, то выходит, что они были использованы, вероятнее всего, в статье «Age Changes and Secular Changes in Anthropometric Measurements» (*Boas* 1940), которая, в свою очередь, стала итогом многолетних наблюдений за возрастными изменениями у мигрантов, в том числе русских евреев. А это значит, что и ранее, еще в 1909 г., в возрасте 29 лет, Гольденвейзер был интересен своему ментору не только тем, что ассистировал ему, как пишет Кан (*Kan* 2023: 16), но и как объект исследования, предоставляя для описанных целей собственную голову.

Кстати, подписанный «Голди» экземпляр «Антропологии» из боасовской личной библиотеки, в итоге оказался в библиотеке Северо-Западного университета (Эванстон, шт. Иллинойс) — в собрании, к формированию которого был причастен еще один ученик Боаса — М. Херсковиц, надо полагать, каким-то образом связанный с этой историей.

***

Коснемся все-таки причин падения нашего героя: он начинал помощником, лектором и инструктором в *alma mater* боасовцев — «плющевом» Колумбийском университете (1910–1919); лишившись контракта, перешел на ступеньку ниже, в престижную, но без лоска Нью-Скул (1919–1925), параллельно подрабатывая в Школе социальных наук Рэнда у соцпартии (1915–1929); затем вынужден был покинуть и эти образовательные учреждения, довольствуясь одной почасовкой в провинциальном Университете Орегона (1930–1932) и, наконец, осев в сравнительно неплохом Рид-Колледже (1933–1934). Лишь в последнюю пятилетку рейтинговая кривая мест, где его принимали приглашенным профессором, отчетливо поползла вверх: Стэнфорд (1935), Университет штата Нью-Йорк в Буффало (1936), Университет Висконсина-Мэдисон

(1937–1938), Чикагский университет (в последнем случае воспользоваться представившейся возможностью помешала ему смерть).

На вопрос, что же стряслось тогда, в апреле 1918 г., в офисах и на кампусе Колумбийского университета, автор рецензируемого труда отвечает очень взвешено, избегая как шаблонных оценок, так и огульных обвинений: «[В] опреки превалирующему среди ученых взгляду о том, что за решением Батлера позволить уйти Голди, стоял в основном антисемитизм, мое собственное расследование вскрывает несколько отличающуюся картину» (*Kan* 2023: 53).

Да, известно, что именно в президентство (ректорство) республиканца Николаса Батлера вверенный ему университет первым в стране перешел к квотам, опасаясь «вторжения еврейских студентов», и доля последних действительно снизилась с 40% до 20% (*Farnum* 1990: 81–82). Но на него до сих пор нет ничего серьезного, что могло бы иметь отношение к т.н. делу Гольденвейзера («Goldenweiser's affair»), кроме переписки с Боасом, последовательно убеждавшим, что его русскому ученику все-таки надо продлить контракт. Розмари Замуолт, второй консультант Кана, предоставила ему еще одно письмо 1917 г., из текста которого очевидно, что «Шуру» затягивали события на родине, что должно было раздражать начальство, но не больше: «Гольденвейзер, конечно же, чрезвычайно счастлив после «Революции», но нам нужно держаться подальше от военной темы», — писал Крёберу археолог Нельс Нельсон (*Kan* 2023: 205, note 21; *Zumwalt* 2023: 183–184).

«Хоть я и не нашел прямых заявлений Батлера об антропологии Боаса, не кажется, что консервативный и автократичный президент Колумбии высоко бы ее ценил», — осторожничает Кан, проверяя версию о том, что причиной увольнения «Голди» могла стать опала его руководителя, — ясно, что он [Батлер] не был счастлив от либеральных, леваческих взглядов профессора антропологии» (Ibid.: 48; об интерпретации в книге политических вкусов лидера исторической школы см. выше). Известно, однако, другое: «Nicholas Miraculous» (Николай Чудесный, почти Чудотворец) с готовностью брал Боаса на работу, принимая все условия, и когда антрополог был еще совместителем (сам Батлер являлся тогда деканом), и когда тот полностью перешел в университет, расквитавшись с музеем (*Cole* 1999: 181, 243–244). Более того, не кто иной, как Боас, в полемике с банкиром и меценатом Якобом Шиффом отрицал, что Колумбийский университет проявляет предвзятость при найме преподавателей, — сам он ни с чем подобным не сталкивался (Ibid.: 281, 331, note 15).

Другое дело — тогдашний боасовский пацифизм, в котором официозу виделось проявление германофильства. В годы Первой мировой войны президент-долгожитель Колумбии, в будущем лауреат Нобелевской премии мира (1931), свернул всю деятельность университетского Общества германистики и уволил профессора психологии Дж. Мак-Кина Кэттелла, направившего по копии своего письма-протеста против вступления США в войну каждому сенатору и конгрессмену (*Lesser* 1981: 14–15; *Hyatt* 1990: 126–127). Вполне естественно, если бы Батлер пожелал прикрыть у себя «немецко-еврейскую» лавочку из боасовских антропологов. Но об этом факты не говорят тоже. Согласно все тому же письму Нельсона Крёберу:

> Боас не способен держаться подальше от газет, и, конечно же, после этого патриоты побивают его 2–3 недели… Кто-то из его класса недавно ушел. Фактически дела так далеко зашли, что Колумбия назначила комитет, чтобы расследовать, какие преподаются крамольные доктрины, но это может и не быть направлено против Б[оаса]. Не знаю, как там дела в твоих Bay Cities (Сан-Франциско-Беркли-Окленд — *И. К.*), но здесь настроения кристаллизуются быстро, и линии прочерчиваются довольно резко (*Zumwalt* 2023: 183–184).

Батлер терпел Боаса даже после того, как тот опубликовал в *«The Nation»* свою скандальную статью «Ученые как шпионы» (*Boas* 1919) и был исключен из Исполнительного совета Американской антропологической ассоциации и правительственного Бюро американской этнологии при Смитсоновском институте. Колумбийскому президенту доносили все боасовские недруги (У.Г. Холмс, Н. Джадд и др.), но отвечал он лишь в истинно бюрократическом духе: «Джентльмен, о котором Вы спрашиваете, склонен к крайним и глупым высказываниям, но, поскольку он так близок к выходу на пенсию, возможно, лучшей политикой будет закрыть глаза на его недостатки» (*Zumwalt* 2023: 213). После этой коды «джентльмен» проработает еще 17 лет!

Так что наиболее близка к истине была, вероятно, Франциска Боас, полагавшая, что на самом деле в лице ее отца «Батлеру нравилось иметь оппозицию у себя на заднем дворе» (*Franziska Boas* 1972; *Hyatt* 1999: 134). В таком случае прав и Кан, когда заключает: «По всей видимости, именно поведение самого Гольденвейзера во многом стало причиной его падения» (*Kan* 2023: 53). А коллег, к примеру, Радина, могло раздражать в нем действительно многое — что занимал деньги и не отдавал, не возвращал библиотечные книги, запойно пил, не платил взносы преподавательскому клубу и т.д. (Ibid.: 53–54).

Еще нелепее выглядят обстоятельства потери Гольденвейзером работы в Нью-Скул. В 1921–1922 гг. он закрутил серьезный роман с молоденькой секретаршей Энн Купер и бросил Анну Головчинер-Хэллоу (1878–1952), с которой сочетался браком еще в 1906 г. Законная жена пожаловалась директору Элвину Джонсону, потребовав, чтобы за аморалку «сукину сыну» запретили чтение лекций, а не то она лично с револьвером посетит класс и выстрелит горе-лектору «в кишки» (Ibid.: 127). В довершении всего она подала в суд, обвинив мужа в «дезертирстве, жестокости», «любовных связях с другими женщинами, которым он писал и от которых получал любовные послания» (Ibid.: 129) — действительно Бенедикт рассказывала Мид, как он пытался флиртовать с ней и при этом демонстрировал любовные письма от разных женщин (Ibid.: 93). В гневе «фурия» потребовала посадить мужа, чтобы он не убежал из страны и не отлынивал от выплаты алиментов ей и дочери Элис (Ibid.: 128–129).

В неприличные разборки было вовлечено практически все окружение. Сам «папа Франц» разрабатывал планы помощи Гольденвейзеру, угодившему в каталажку, собрал для него какие-никакие деньги, рекомендовал в университеты подальше от Нью-Йорка… В том числе благодаря этим усилиям «Голди» получил работу в Портленде (штат Орегон) и осел там, обзаведясь новой женой — Этель Кантор (род. 1897), сестрой своего бывшего студента по Колумбийскому университету. «Если кому-то нужно напоминание о неких

внешних обстоятельствах, которые делают невозможным свести историю антропологии или любой другой области к истории идей, то оно здесь», — подчеркивают Дарнелл и Оппенхейм, представляя труд Кана аудитории (*Kan* 2023: xii). Скандальный развод сыграл в профессиональном развитии его героя роль куда значительнее, чем антисемитизм Батлера!

Самая короткая глава 5 «Конец» посвящена не только последней паре лет жизни удивительно легкомысленного и талантливейшего человека, но и призвана подвести общий итог. Читатель оказывается перед выводом автора, почему же все-таки Александр Гольденвейзер назван им «восставшим» боасовцем, «бунтарем» (*maverick*), как значится уже на титуле? В этой метафоре, очевидно, просматривается аллюзия к известной типологии Стокинга, разделявшего последователей учения Боаса на «строгих» (Лоуи–Спайер–Херсковиц), время от времени «восстающих» (Крёбер–Сэпир–Радин), а также «развившихся, эволюционировавших» (Бенедикт–Мид) (*Stocking* 1989: 17). Вполне наглядна дистанция между, с одной стороны, исследованиями культуры и личности, а с другой, антропологией самого основателя исторической школы. Тройка же в лице Крёбера, Сэпира и Радина не раз подпадала под его жесткую, но неизменно корректную критику. И, по крайней мере, с первым из них отношения учителя в конце концов действительно испортились.

Но любимый русский ученик — совсем другое дело. Как же он восставал, если сам собственными действиями доказывал, что являлся настоящим боасовцем, заботясь о правильном понимании постулатов тогдашней американской антропологии в целом ряде своих публикаций? Примеров последнего приведено в книге достаточно. Бурный фонтан его идей тоже вряд ли переливался уж совсем через край «боасовской научной парадигмы» (Кан).

К слову, Радин, как и другие, встревоженный «вопросом о Голди и Лоуи» (*matter about Goldie & Lowie*), писал Сэпиру: «Превосходна „методология“, на которой он (Боас — *И. К.*) довольно правильно настаивает, им же сформулированная; она составит одно из его достижений, но это только начало. Голди, если он не высунется (*doesn't look out*), пойдет по его стопам, не имея боасовского оправдания» (Radin to Sapir, Jan. 27, 1914; *Arndt* 1998: 4–5).

Приведенные слова предваряла констатация: от внимания Боаса все же ускользнули важные проблемы, такие как личность или мифология как литературное произведение, которыми придется заняться им, а не учителю. В этом контексте Гольденвейзер виделся тому же Радину, а значит ближайшему своему окружению, вполне ординарным сторонником Боаса, и вовсе не бунтарем, и не ренегатом. Автор письма прописывает также нюансы во взглядах, вернее, научных пристрастиях членов их команды:

> …[М]ы, антропологи, т.е. четыре семита, защитившихся у Боаса (вкл. адресанта и адресата, Сэпира, Лоуи и Гольденвейзера — *И. К.*), суть необычное объединение людей и зацикленная на себе группка (*self-centered set*), которая упорно потакает своим интеллектуальным прихотям, когда того требует дух. Тут я поношу тиранию современной науки, которая настаивает, чтобы ты делал оригинальное исследование и прорывную работу, когда для души и ума гораздо лучше полежать на спине и глазеть в небо Нью-Мексико, прогуляться по го-

рам или, что еще лучше, почитать историю греческую и латинскую, тогда как Лоуи еще недавно хотелось писать и читать философию, а Голди — читать книги наподобие Леви-Брюля и Дюркгейма (Radin to Sapir, Feb. 19, 1916; *Arndt* 1998: 5).

И всего-то. Но единственное, чем «Голди» по-настоящему выделялся, так это тем, что, вероятно, как никто из последователей исторической школы смог конвертировать теорию культуры в политическую философию. Здесь уместно вспомнить и его выступления на социалистических конференциях с критикой марксизма как экономического детерминизма, и публичные лекции, развенчивающие расизм (например, в Американском философском обществе вместе с Боасом), и ряд работ и заметок на соответствующие темы.

Рискую предположить, что Кан просто подпал под магию своего старшего коллеги У. Фентона. Словами о Гольденвейзере, принадлежащими этому авторитетнейшему ученому, ирокезоведу, лично знавшему многих участников описанных событий, но никак не историку науки, и завершается данная книга: мол, наш герой, отстаивая «право прожить свою жизнь по своим собственным стандартам», ставил под сомнение «проницательность тех, кто был гигантами в его дни, не исключая собственного учителя Боаса», а это в свою очередь, «вкупе с его неспособностью соответствовать строгостям авторитета», объясняет, почему он так и не смог в полной мере опубликовать все, что написал (*Kan* 2023: 200). Но в таком случае «бунтарство» «Голди» надо искать опять-таки в плоскости индивидуальной психологии — в чем-то еще, но никак не в теории антропологии.

***

Примечательны методологические приемы, которыми пользуется автор рецензируемой книги. Уже в посвящении он упоминает двух своих преподавателей по Чикагскому университету, ныне ушедших — Рэя Фогельсона и Джорджа Стокинга. Очевидно, первому ученый обязан этноисторическим направлением в своих поисках, но, так сказать, за рамками рассматриваемого труда. Кроме того, статья Фогельсона (в соавторстве с Брайтмэном) послужила ему ориентиром в частном вопросе, связанном с проблематикой тотемизма. Естественно, нам важнее роль Стокинга — известнейшего историка антропологии. Кан справедливо причисляет себя к его ученикам, о чем и заявлял неоднократно по различным поводам.

Стокинг формулировал свой взгляд на профессиональное становление нашей науки, углубившись сначала в британскую антропологию, а в дальнейшем, и главным образом, в американскую. Вполне понятно, что сегодняшнее видение боасовского этапа развития дисциплины неотделимо от идей и даже имени Стокинга. Поэтому не выглядит курьезом, что некоторые его ученики и одновременно активные авторы томов из серии «History of Anthropology» (М. Банзл, А. Бэшкоу, Р. Хэндлер и др.) к началу 2000-х годов провозгласили «нео-боасианство» в качестве возможной перспективы выхода из постмодернистского тупика. Синтез Фуко и боасовско-стокинговского историзма, который они предлагали, уж точно не так анахроничен, как антропология Малиновского — в основе по-прежнему позитивистская (*Bashkow, et al.* 2004).

Кан хоть и не присоединился к упомянутой группе, но в своих трактовках разнообразных сюжетов заметно отличается от ревизионистов последнего поколения, превративших антропологию Боаса и его бывших студентов из преимущественно антиимпериалистической в имперскую, из антиэволюционистской в скрытую дарвинистскую, из антирасистской, как минимум, в расиалистскую. Как было показано в самом начале, наш автор все еще не видит своих умозаключений и выводов в отрыве от подлинных свидетельств, почерпнутых из архивных документов. Основу его исследовательского кредо, очевидно, составляет все тот же историзм, выраженный в знаменитой, состоящей из дихотомий, стокинговской программе — надо стремиться к отображению процесса, а не просто последовательности событий; к поиску контекста, а не аналогий; к осмыслению, а не мертвой мысли; к постижению, а не суждению и т.д. (*Stocking* 1968: 3 et al).

Но Кан внимателен также к призывам обновить язык письма своей истории антропологии, которые исходят, в частности, от Дарнелл — исследовательницы, лидирующей после Стокинга. Она, к примеру, настаивает на придании научным биографиям большей интимности, создающей ощущение автобиографичности, и полифонического звучания, стушевывающего границы, присущие субъектно-объектному противопоставлению (*Darnell, Murray* 2019: xii). И кановский «Шура»–«Голди» прекрасно соответствует этому запросу: в нем гораздо больше личного, чем в изображении Боаса или кого-либо еще у Стокинга. Справедливости ради, заметим, что такой подход, отдаленно напоминающий стиль ЖЗЛ, не был чужд и стокинговским авторам до Дарнелл, таким как Даг Коул.

Однако текст книги угодил и в прокрустово ложе постколониальной критики и дебатов новейшей эпохи культурных войн. Автор тестирует своего героя по злободневным вопросам — его чикагский ментор назвал бы все это уступкой презентизму, — и выясняется, например, что Гольденвейзер (как и прочие боасовцы), в общем скептически отнесся к реформам главы Бюро по делам индейцев рузвельтовской администрации Дж. Коллиера в том, что касается суверенитета индейских наций, но горячо приветствовал его «Новый курс» как торжество справедливости после пагубного Акта Доза (1887) — «оружия культурного разрушения» (*Kan* 2023: 163–164). В решении «проблемы негров» «Голди» был также весьма умерен, искренне ненавидя расизм, но настороженно относясь к набирающему силу черному национализму, как и всякому прочему — русскому, еврейскому, американскому (Ibid.: 113–116). Что же касается «*sexual harassment*», то, как было показано выше, сегодня антрополог стал бы образцом того, как нельзя вести себя в академической среде! Единственный вывод — Гольденвейзер был и не мог не быть человеком своего времени.

Видно, не отогнать дум о судьбе того метода, который мы все разделяем. Теперь уже видно, что история антропологии так и не стала наукой с суверенными границами, как и не дотянула до того, чтобы быть легитимной саморефлексией антропологии в других ее доменах, например, в российском, оставаясь в планетарном масштабе всего лишь частной «прививкой историей» (Дарнелл). И дело здесь не только в волне деконструкций, предпринятых злокозненными «по-мо».

В самом наследии Стокинга есть нечто, что провоцирует произвол выводов и интерпретаций. И это нечто — преимущественно рамочный характер его принципов. Подозреваю, что всякого, кто берется разрабатывать историографическую тему, успешно доводит ее вплоть до личности ученого, высвеченной фокусом исследования, нет-нет да и посещают сомнения — что с этим делать дальше? Так и остается открытым пресловутый вопрос о долевом участии в появлении научных теорий: с одной стороны, всех этих надежно реконструированных исторических контекстов, сдвигов парадигм и тому подобного, а с другой — первозданного субъективизма, так сказать, протуберанцев гения «научной звезды».

Конечно же, Стокинг компенсировал возникающие пустоты невероятной личной эрудицией и гибкостью мышления. Антропологи, увлекшись историей своей профессии, тем не менее, не решаются сделать последний шаг, чтобы развернуть уже имеющийся у них инструментарий (антропологический, социологический) в сторону своих же коллег. В изучении творчества и поведения последних они по-прежнему проходят мимо акторно-сетевых теорий, интерактивных цепочек, габитусов, символического капитала и чего бы то ни было еще. «Нео-боасианство» так и осталось декларацией. Кажется, в работе Кана описанная растерянность, как и сопутствующее напряжение, чувствуется во всех разобранных случаях недосказанности, недоговоренности, когда он просто бросает ту или иную сюжетную линию, обрывает, казалось бы, удачную идею.

Столь затянувшиеся рассуждения завершу тем, что, несмотря на все эти замечания, комментарии и дополнения, одно остается непреложным: хотелось бы увидеть книгу Кана — вне всякого сомнения, ценный вклад в историю нашей науки — напечатанной на русском языке в России. Входит ли это в планы автора? Под силу ли такое осуществить в нынешней ситуации? Не знаю. Но если все-таки работа над переводом «Восставшего боасовца» состоится, важно, чтобы это был именно перевод при участии автора, чтобы таким образом предотвратить появление огрехов, неизбежных, когда за работу над текстом берется человек, не столь глубоко погруженный в свою профессию, как Сергей Кан. Это и будет главной рекомендацией со стороны рецензента*.

* Пока готовился этот текст книга Сергея Кана о Гольденвейзере вышла в переводе с английского под редакцией автора в петербургском издательстве “Библиороссика”, см. Кан С. Самый самобытный ученик Боаса. Жизнь и труды Александра Гольдервейзера. СПб.: Библиороссика, 2026 (прим. ред.).

Литература

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М.: Наука, 1974.

Аверкиева Ю. П. Современная американская этнография // Советская этнография. 1932. № 2. С. 97–102.

Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 22–34.

Гребер Д., Салинз М. О королях / пер. с англ. М.: Ad Marginem, 2025.

Ефимов А. В., Токарев С. А. (ред.). Народы Америки. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (серия «Народы мира»).

Кан С. А. Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 40–61.

Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2014.

Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994.

Николаев В. Г. Антропология Альфреда Крёбера: основные штрихи // Крёбер А. Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 933–975.

Токарев С. А. История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978.

Arndt G. Burckhardtian Culture History and the «Durkheim-Mauss Bug» in Paul Radin's Letters to Edward Sapir. In: History of Anthropology Newsletter. Vol. 25. No. 1 (1998). Pp. 3–7.

Barnes H. E. Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by A. Goldenweiser. In: New Republic, Nov. 29, 1922. Pp. 7–8.

Bashkow I., Bunzl M., Handler R., Orta A., Rosenblatt D. A New Boasian Anthropology: Theory for the 21st Century — Introduction. In: American Anthropologist. Vol. 106. No. 3 (2004). Pp. 433–434.

Benedict R. Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934.

Boas F. (ed.) Handbook of American Indian Languages, Pt.I. Washington, DC: Government Printing Office, 1911a (Bulletin No. 40, Bureau of American Ethnology).

Boas F. Review of Graebner's Methode der Ethnologie. In: Science, n.s. Vol. 34 (1911b). Pp. 804–810.

Boas F. The Origin of Totemism. In: American Anthropologist. Vol. 18 (1916). Pp. 319–326.

Boas F. Letter to the Editor: Scientists as Spies. In: The Nation. Vol. 109. No. 2842 (1919). P. 797.

Boas F. Evolution or Diffusion. In: American Anthropologist, n.s. Vol. 26 (1924). Pp. 340–344.

Boas F. Primitive Art. Oslo: Institutt for Sammenlignende Kulturforskning, 1927.

Boas F. Race, Language and Culture. New York: Macmllian Co., 1940a.

Boas F. Age Changes and Secular Changes in Anthropometric Measurements. In: American Journal of Physical Anthropology. Vol. 26 (1940b). Pp. 63–68 (Volume in honor of Aleš Hrdlička's 70th birthday).

Cole D. Franz Boas. The Early Years, 1858–1906. Seattle: University of Washington Press, 1999.

Darnell R., Murray S. Series Editors' Introduction. In: Zumwalt R. Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019 (Critical Studies in the History of Anthropology). Pp. xi–xiii.

Diamond S. Paul Radin. In: Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology / Sydel Silverman (ed.). New York: Columbia University Press, 1981. Pp. 68–71.

Dobbin G. Digging for Goldie: Alexander Goldenweiser's Contributions and His Iroquois Notes. Bachelor's thesis, Reed College, 1986.

Farnum R. Prestige in the Ivy League: Democratization and Discrimination at Penn and Columbia, 1890–1970. In: Kingston P., Lewis L. (eds.). The High Status Track: Studies of Elite Schools and Stratification. Albany: State University of New York Press, 1990. Pp. 75–103.

Fenton W. (ed.) Social and Ceremonial Organization on the Six Nations Reserve in 1910. Unpublished Goldenweiser notebooks, n.d.

Goddard P. E. Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by A. Goldenweiser. In: Journal of Philosophy. Vol. 20. No. 10 (1923). Pp. 272–275.

Goldenweiser A. Totemism: An Analytical Study. In: Journal of American Folklore. Vol. 23. No. 88 (1910). Pp. 179–293.

Goldenweiser A. The Principle of Limited Possibilities in the Development of Culture. In: Journal of American Folklore. Vol. 26. No. 101 (1913). Pp. 259–290.

Goldenweiser A. On Iroquois Work. In: Summary Reports, Geological Survey of Canada, Anthropological Division for the Calendar Year 1913–1914. Ottawa, 1914. Pp. 365–372.

Goldenweiser A. Form and Content in Totemism. In: American Anthropologist. Vol. 20. No. 3 (1918). Pp. 280–295.

Goldenweiser A. Early Civilization: An Introduction to Anthropology. New York: Alfred A. Knopf, 1922.

Goldenweiser A. Anthropological Theories of Political Origins. In: A History of Political Theories: Recent Times / Charles E. Merriam and Harry Elmer Barnes (eds.). New York: Macmillan, 1924. Pp. 430–456.

Goldenweiser A. Diffusionism and the American School of Historical Ethnology. In: American Journal of Sociology. Vol. 31. No. 1 (1925). Pp. 19–38.

Goldenweiser A. Robots and Gods: An Essay on Craft and Mind. New York: Knopf, 1931.

Goldenweiser A. Loose Ends of Theory on the Individual, Pattern, and Involution in Primitive Society. In: Essays in Anthropology in Honor of Alfred Louis Kroeber / Robert H. Lowie (ed.). Berkeley: University of California Press, 1936. Pp. 99–104.

Goldenweiser A. Anthropology: An Introduction to Primitive Culture. New York: Crofts, 1937.

Goldenweiser A. Recent Trends in American Anthropology. In: American Anthropologist. Vol. 43. No. 2 (1941). Pp. 151–163.

Grant B. (ed.) The Social Organization of the Gilyak by Lev Shterberg. Seattle: University of Washington Press, 1999.

Hyatt M. Franz Boas, Social Activist: The Dynamics of Ethnicity. New York; Westport, Conn.: Greenwood Press, 1990 (Contributions to the Study of Anthropology, No. 6).

Kan S. The Falling-Out between Alexander Goldenweiser and Robert Lowie: Two Personalities, Two Visions of Anthropology. In: Corridor Talk to Culture History: Public Anthropology and Its Consequences / Regna Darnell and Frederic W. Gleach (eds.). Lincoln: University of Nebraska Press, 2015. Pp. 1–31 (Histories of Anthropology Annual, vol. 9).

Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023.

Lesser A. Franz Boas. In: Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology / Sydel Silverman (ed.). New York: Columbia University Press, 1981. Pp. 1–33.

Lowie R. A New Conception of Totemism. In: American Anthropologist. Vol. 13 (1911). Pp. 189–207.

Lowie R. Social Organization. In: American Journal of Sociology. Vol. 20 (1914). Pp. 68–97.

Lowie R. Primitive Society. New York: Horace Liveright, 1920.

Parsons E. C. Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by Alexander Goldenweiser. In: American Anthropologist. Vol. 25. No. 4 (1923). Pp. 568–570.

Postal P. Boas: One Phonological Level or Two? In: American Anthropologist, n.s. Vol. 68. No. 3 (1966). Pp. 755–756.

Radcliffe-Brown A. The Definition of Totemism. In: Anthropos. Bd. 9, H ¾ (1914). Ss. 622–630.

Radcliffe-Brown A. The Social Organization of Australian Tribes. Sydney: University of Sydney, 1931 (Oceania Monographs, no. 1).

Shapiro W. Claude Lévi-Strauss Meets Alexander Goldenweiser: Boasian Anthropology and the Study of Totemism. In: American Anthropologist. Vol. 93 (1991). Pp. 599–610.

Stocking G. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press Reprint Edition, 1982.

Stocking G. The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison, Wisc.; London, U. K.: University of Wisconsin Press, 1992.

Stocking G. (ed.) The Shaping of American Anthropology, 1883–1911. Chicago: Midway Reprint Edition, 1989.

Taylor B. Saul Bellow: Letters. New York: Viking, 2010.

Zumwalt R. L. Franz Boas: Shaping Anthropology and Fostering Social Justice. Lincoln: University of Nebraska, 2023 (Critical Studies in the History of Anthropology).

Book Review

Kuznetsov I. V. About Alexander Goldenweiser, Boasian anthropology and the book by S.A. Kahn [Ob Aleksandre Gol'denveizere, boasovskoi antropologii i knige S.A. Kana]. Book Review: Kan S. A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser. Lincoln: University of Nebraska Press, 2023. Антропологии / Anthropologies, 2026, no 1, pp. 155–183, https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/155-183

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kuznetsov I. V. | igorkuznet@gmail.com | http://orcid.org/0000–0002–6947–244X |

Associate Professor, Department of General History and International Relations, Kuban State University, Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

References

Andrianov, B.V. and Cheboksarov, N.N. 1972. Hoziaistvenno-kul'turnye tipy i problemy ikh kartografirovaniia [Socio-Economic and Cultural Types and Problems of Their Mapping]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 22–34.

Arndt, G. 1998. Burckhardtian Culture History and the «Durkheim-Mauss Bug» in Paul Radin's Letters to Edward Sapir. In *History of Anthropology Newsletter* 25 (1): 3–7.

Averkieva, Yu.P. 1932. Sovremennaia amerikanskaia etnografiia [Contemporary American Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 97–102.

Averkieva, Yu.P. 1974. *Indeitsy Severnoi Ameriki. Ot rodovogo obshchestva k klassovomu* [The Indians of North America: From Kinship-Based Society to Class Society]. Moscow: Nauka.

Barnes, H.E. 1922. Review of *Early Civilization: An Introduction to Anthropology* by A. Goldenweiser. *New Republic*, Nov. 29: 7–8.

Bashkow, I., et al. 2004. A New Boasian Anthropology: Theory for the 21st Century — Introduction. *American Anthropologist* 106 (3): 433–434.

Benedict, R. 1934. *Patterns of Culture*. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company.

Boas, F., ed. 1911a. *Handbook of American Indian Languages*. Pt.I. Washington, D.C: Government Printing Office.

Boas, F. 1911b. Review of *Methode der Ethnologie* by F. Graebner. *Science*, n.s. 34: 804–810.

Boas, F. 1916. The Origin of Totemism. *American Anthropologist* 18: 319–326.

Boas, F. 1919. Letter to the Editor: Scientists as Spies. *The Nation* 109 (2842): 797.

Boas, F. 1924. Evolution or Diffusion. *American Anthropologist*, n.s. 26: 340–344.

Boas, F. 1927. *Primitive Art*. Oslo: Institutt for Sammenlignende Kulturforskning.

Boas, F. 1940a. *Race, Language and Culture*. New York: Macmllian Co.

Boas, F. 1940b. Age Changes and Secular Changes in Anthropometric Measurements. *American Journal of Physical Anthropology* 26: 63–68.

Cole, D. 1999. *Franz Boas. The Early Years, 1858–1906*. Seattle: University of Washington Press.

Darnell, R., and S. Murray. 2019. Series Editors' Introduction. *Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist*, by R. Zumwalt, xi–xiii. Lincoln: University of Nebraska Press.

Diamond, S. 1981. Paul Radin. *Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology*, edited by S. Silverman, 68–71. New York: Columbia University Press.

Dobbin, G. 1986. Digging for Goldie: Alexander Goldenweiser's Contributions and His Iroquois Notes. BA diss., Reed College.

Efimov, A.V. and Tokarev, S.A., eds. 1959. *Narody Ameriki* [Peoples of America]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Farnum, R. 1990. Prestige in the Ivy League: Democratization and Discrimination at Penn and Columbia, 1890–1970. *The High Status Track: Studies of Elite Schools and Stratification*, edited by P. Kingston and L. Lewis, 75–103. Albany: State University of New York Press.

Fenton, W., ed., n.d. *Social and Ceremonial Organization on the Six Nations Reserve in 1910*. Unpublished Goldenweiser notebooks.

Goddard, P.E. 1923. Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by A. Goldenweiser. *Journal of Philosophy* 20 (10): 272–275.

Goldenweiser, A. 1910. Totemism: An Analytical Study. *Journal of American Folklore* 23 (88): 179–293.

Goldenweiser, A. 1913. The Principle of Limited Possibilities in the Development of Culture. *Journal of American Folklore* 26 (101): 259–290.

Goldenweiser, A. 1914. On Iroquois Work. *Summary Reports, Geological Survey of Canada, Anthropological Division for the Calendar Year 1913–1914*, 365–372. Ottawa.

Goldenweiser, A. 1918. Form and Content in Totemism. *American Anthropologist* 20 (3): 280–295.

Goldenweiser, A. 1922. *Early Civilization: An Introduction to Anthropology*. New York: Alfred A. Knopf.

Goldenweiser, A. 1924. Anthropological Theories of Political Origins. *A History of Political Theories: Recent Times*, edited by Ch.E. Merriam and H.E. Barnes, 430–456. New York: Macmillan.

Goldenweiser, A. 1925. Diffusionism and the American School of Historical Ethnology. *American Journal of Sociology* 31 (1): 19–38.

Goldenweiser, A. 1931. *Robots and Gods: An Essay on Craft and Mind*. New York: Knopf.

Goldenweiser, A. 1936. Loose Ends of Theory on the Individual, Pattern, and Involution in Primitive Society. *Essays in Anthropology in Honor of Alfred Louis Kroeber*, edited by R. Lowie, 99–104. Berkeley: University of California Press.

Goldenweiser, A. 1937. *Anthropology: An Introduction to Primitive Culture*. New York: Crofts.

Goldenweiser, A. 1941. Recent Trends in American Anthropology. *American Anthropologist* 43 (2): 151–163.

Graeber, D. and M. Sahlins. (2017) 2025. *O koroliakh* [On Kings, Russian Translation]. Moscow: Ad Marginem.

Grant, B., ed. 1999. *The Social Organization of the Gilyak*, by L. Shternberg. Seattle: University of Washington Press.

Hyatt, M. 1990. *Franz Boas, Social Activist: The Dynamics of Ethnicity*. New York; Westport, Conn.: Greenwood Press.

Kan, S. 2015. The Falling-Out between Alexander Goldenweiser and Robert Lowie: Two Personalities, Two Visions of Anthropology. *Corridor Talk to Culture History: Public Anthropology and Its Consequences*, edited by R. Darnell and F. Gleach, 1–31. Lincoln: University of Nebraska Press.

Kan, S. 2021. Franz Boas i Sovetskaia Rossiia: 25 let ambivalentnosti [Franz Boas and Soviet Russia: Twenty-Five Years of Ambivalence]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 40–61.

Kan, S. 2023. *A Maverick Boasian: The Life and Work of Alexander A. Goldenweiser*. Lincoln: University of Nebraska Press.

Klein, L.S. 2014. *Istoriia antropologicheskikh uchenii* [History of Anthropological Teachings]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St.-Petersburg University.

Lesser, A. 1981. Franz Boas. *Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology*, edited by S. Silverman, 1–33. New York: Columbia University Press.

Levi-Strauss, C. (1962) 1994. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Thoughts, Russian Translation]. Moscow: Respublika.

Lowie, R. 1911. A New Conception of Totemism. *American Anthropologist* 13: 189–207.

Lowie, R. 1914. Social Organization. *American Journal of Sociology* 20: 68–97.

Lowie, R. 1920. *Primitive Society*. New York: Horace Liveright.

Nikolaev, V.G. 2004. Antropologiia Al'freda Kroebera: osnovnye shtrikhi [The Anthropology of Alfred Kroeber: Key Features]. *A.L. Kroeber. Izbrannoe: Priroda kul'tury*, 933–975. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsyklopediia (ROSSPEN).

Parsons, E.C. 1923. Review of Early Civilization: An Introduction to Anthropology by A. Goldenweiser. *American Anthropologist* 25 (4): 568–570.

Postal, P. 1966. Boas: One Phonological Level or Two? *American Anthropologist*, n.s. 68 (3): 755–756.

Radcliffe-Brown, A. 1914. The Definition of Totemism. *Anthropos* 9 (3–4): 622–630.

Radcliffe-Brown, A. 1931. *The Social Organization of Australian Tribes*. Sydney: University of Sydney.

Shapiro, W. 1991. Claude Lévi-Strauss Meets Alexander Goldenweiser: Boasian Anthropology and the Study of Totemism. *American Anthropologist* 93: 599–610.

Stocking, G. (1968) 1982. *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*. Chicago: University of Chicago Press Reprint Edition.

Stocking, G. 1992. *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison, Wisc.; London, U. K.: University of Wisconsin Press.

Stocking, G., ed. (1974) 1989. *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. Chicago: Midway Reprint Edition.

Taylor, B. 2010. *Saul Bellow: Letters*. New York: Viking.

Tokarev, S.A. 1978. *Istoriia zarubezhnoi etnografii: Uchebnoe posobie* [History of Foreign Ethnography: A Textbook]. Moscow: Vysshaia shkola.

Zumwalt, R. 2023. *Franz Boas: Shaping Anthropology and Fostering Social Justice*. Lincoln: University of Nebraska.